

В ПОИСКАХ ХРИСТИАН И ПРЯНОСТЕЙ

Найджел КЛИФ

ЭПИЧЕСКИЕ ПЛАВАНИЯ ВАСКО ДА ГАМЫ
и
СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Найджел Клифф
В поисках христиан и пряностей
Серия «Страницы истории (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8371577
В поисках христиан и пряностей : АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-083378-8

Аннотация

Васко да Гама.

Один из величайших мореплавателей «эпохи Великих географических открытий».

Человек, открывший для европейцев морской путь в Индию.

Появление португальских мореплавателей в этой стране по сути явилось первым столкновением двух цивилизаций. Как же складывались непростые отношения их представителей, когда каждая из сторон вполне искренне (и, главное, не без оснований) считала другую «варварской»?

Найджел Клифф не идеализирует и не демонизирует ни одну из сторон, – тем интереснее читать его превосходно написанную, многогранную и увлекательную книгу...

Содержание

Пролог	4
Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	24
Глава 3	37
Глава 4	49
Глава 5	64
Глава 6	84
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Найджел Клиф

В поисках христиан и пряностей

Пролог

Уже спускались сумерки ¹, когда у побережья Индии появились три незнакомых корабля, но рыбаки на берегу все же смогли разобрать их очертания. Два больших были толстобрюхими, как киты, с выпирающими боками, круто уходящими вверх, чтобы дать опору мощным деревянным башням на носу и корме. Деревянные корпуса посерели от воды и ветров и с обеих сторон щетинились чугунными орудиями – точь-в-точь щупальца на огромной каракатице. Огромные квадратные паруса вздувались в темнеющее небо, и каждый был больше предыдущего, и каждый венчался капором-топселем, так что вся оснастка походила на семейство призрачных великанов. Было что-то упоительно современное и гнетуще первобытное в этих чужаках, но уж точно никто ничего подобного не видел.

На берегу подняли тревогу, и группки людей стащили на воду четыре длинные узкие лодки. Подойдя на веслах поближе к чужакам, они разглядели, что на каждом куске парусины играют огромные алые кресты.

– Из какой вы страны? – крикнул старший среди индусов, когда лодка подошла к борту ближайшего корабля.

– Из Португалии! – крикнул в ответ матрос.

Оба говорили по-арабски, на языке международной торговли. При этом у гостей было перед местными преимущество. Индусы ничего не слышали про Португалию, узкую полосу земли на самой западной оконечности Европы. А вот португальцы уж точно про Индию знали и, чтобы попасть туда, совершили самое дальнее и опасное путешествие, каких не было в истории.

Стоял 1498 год. Десять месяцев назад небольшая флотилия подняла паруса в Лиссабоне, столице Португалии, ради того, чтобы изменить мир. Сто семьдесят человек отплыли с наказом открыть морской путь из Европы в Азию, разведать древние тайны торговли пряностями и найти давно потерянного христианского короля, управлявшего сказочной восточной страной. А за этим перечнем невероятных задач крылась другая, поистине грандиозная миссия: установить связь с восточными христианами, нанести сокрушительный удар по мощи ислама и подготовить путь к завоеванию Иерусалима, самого святого города на свете. Но и это была не конечная цель: ибо если они преуспеют, их предприятие станет началом конца, призывным сигналом ко Второму Пришествию и Страшному суду, который, несомненно, за ним последует.

Время покажет, станут ли эти поиски земли обетованной чем-то большим, нежели пустой мечтой. Пока же мысли моряков занимало главным образом примитивное выживание. Станный и разношерстный люд собрался в этом путешествии в неведомый край. Среди них были закаленные искатели приключений и галантные рыцари, африканские рабы и клирики-затворники, а еще преступники, так искуплявшие свои грехи. Все они уже провели в неприятно тесном соседстве 317 дней. Начав плавание по огромной дуге по Атлантическому океану, они месяцами не видели ничего, кроме бескрайней воды. Когда они наконец достигли южной оконечности Африки, аборигены стали в них стрелять, нападали из засады и пытались брать на abordаж их корабли среди ночи. У них заканчивались вода и провизия, их косили загадочные недуги. Они боролись с сильными течениями и штормами, стремивши-

¹ Об использованных источниках сведений о первом плавании да Гамы см. комментарии к гл. 7.

мися разбить корабли и порвать паруса. Еще дома их заверяли, что они делают Божье дело и что им спишутся все грехи. Однако даже самых закаленных моряков обуревали болезненные суеверия и предчувствия неминуемой гибели. Они понимали, что смерть может притаиться за распухшей десной или незамеченным рифом, но и смерть была не самой страшной участью, какую рисовало разгоряченное воображение. Засыпая под незнакомыми звездами и входя в неизвестные воды, которые картографы заселили зубастыми чудовищами, они страшились потерять не жизнь, а свои души.

На взгляд индусов, чужаки с их длинными грязными волосами и обветренными немывыми лицами мало чем отличались от пиратов самого худшего пошиба. Впрочем, их недоверие быстро развеялось, когда пришельцы стали покупать огурцы и кокосы по завышенным ценам, и на следующий день четыре лодки вернулись, чтобы провести флот в порт.

Такой тест заставил бы разинуть рот самого бывалого моряка.

Для христиан Восток был колыбелью и праисточником известной им цивилизации. Его летописью была Библия, духовной столицей – Иерусалим, существующий как бы одновременно на небесах и на земле, а в Райском саду (который, как истово верили, цветет где-то в Азии) видели источник всяческих чудес. Говорили, что крыши у восточных дворцов из золота, а в тамошних лесах обитают не подвластные огню саламандры, самоуничтожающиеся фениксы и пугливые единороги. Воды восточных рек будто бы выносят на берег драгоценные камни, а с деревьев падают редкие пряности, которые исцеляют любые недуги. На Востоке будто бы бродят люди с собачьими головами, прыгают взад-вперед или сидят, укрывшись под своей единственной ногой от солнца, люди одноногие. Лощинки и ущелья там засыпаны алмазами, которые охраняют змеи и добыть которые могут лишь стервятники. Иными словами, смертельные опасности подстерегали на Востоке повсюду, но от того его сверкающие богатства становились тем более манящими.

Так, во всяком случае, утверждалось, но действительности не знал никто. Столетиями ислам практически блокировал Европе доступ на Восток, столетиями пьянящая смесь слухов и сказок бурлила, заменяя место реальных фактов. Многие погибли, стараясь отыскать правду, и теперь момент истины внезапно настал. Перед матросами раскинулся внушительный порт Каликут, международный рынок, переполненный восточными богатствами, перевалочный пункт на оживленных путях мировой торговли.

Никто не спешил первым сойти на берег. Враждебность предчувствовалась, и заглушить это чувство было нелегко. В конечном итоге побороть страх возложили на одного из тех, кого взяли на борт ради опасной работы.

Первым европейцем, проделавшим огромный путь до Индии и ступившим на ее берега, был осужденный преступник.

Люди в лодках отвезли его напрямик в дом двух мусульманских купцов из Северной Африки, самого западного места, какое они знали. Купцы происходили из древнего портового города Туниса и, к удивлению гостя, бегло говорили и на испанском, и на итальянском языках ².

– Черт бы вас побрал! Что привело вас сюда? – воскликнул по-испански один.

Уголовник выпрямился во весь рост.

– Мы приплыли, – величественно ответил он, – в поисках христиан и пряностей.

На борту флагманского корабля Васко да Гама с нетерпением ждал новостей. Португальский командор был среднего роста, крепкий и кряжистый, с багровым угловатым лицом, как будто сваренным из медных пластин. По рождению он принадлежал к придворному дворянству, хотя из-за нависающего лба, крючковатого носа и жесткого изгиба чувственных губ

² Точнее, купцы говорили на кастильском и генуэзском диалектах: на основе первого развился современный испанский язык, а на втором до сих пор говорят в Генуе и ее окрестностях.

походил скорее на вожака пиратов. Ему было всего двадцать восемь лет, когда ему вверили упования и мечты целой страны, и хотя такой выбор всех удивил, люди под его началом уже научились уважать его за смекалку и храбрость и бояться его вспыльчивости.

Когда он осматривал свои плавающие владения, взгляд его больших острых глаз не упускал ничего. Неиссякаемое честолюбие вкупе с железной волей провели его через опасности и переместили на расстояния, которых никто еще не преодолевал. При этом он понимал, что величайшая рискованная игра только-только начинается.

Вопрос в основе этой книги не давал мне покоя несколько лет до того, как сама книга начала обретать форму. Как и многих из нас, меня сбивало с толку вторжение религиозной войны в нашу повседневную жизнь, и чем больше я узнавал, тем больше убеждался, что нас затягивает в давний конфликт, из-за которого у нас развилась коллективная амнезия. Мы привыкли считать, что миром правит не религия, а разум, что войны ведутся из-за идеологии, экономики и непомерного эго, но не из-за веры.

Нас поймали на том, что мы проспали кусок истории, а сама история идет тем временем своим чередом. Победный марш прогресса – сказочка, которой потчуют себя победители; у побежденных память длиннее. На взгляд современных исламистов, которые видят свою борьбу не в том, чтобы прийти к соглашению с Западом, а в том, чтобы его победить, конфликт породили события пятивековой давности. Тогда в Западной Европе был уничтожен последний мусульманский эмират, тогда Христофор Колумб высадился в Америке, а Васко да Гама прибыл на Восток. Три этих события пришлось на одно бурное десятилетие, и их тесно переплетшиеся корни уходят глубоко в наше общее прошлое.

За семьсот лет до того поворотного десятилетия завоеватели-мусульмане проникли далеко в глубь Европы. На западной ее оконечности – на Пиренейском полуострове – они основали прогрессивное исламское государство, и это государство сыграло кардинальную роль в высвобождении Европы из-под гнета темных веков. Однако когда и христиане, и мусульмане в равной мере начали забывать, что бог, которому они поклонялись каждый на свой лад, по сути один и тот же, на Пиренейском полуострове запылали костры священной войны. Они пылали неистово, пока португальцы и испанцы создавали свои королевства на землях, отобранных у мусульманских стран, и все еще горели, когда португальцы отправились в эпохальный поход, чтобы преследовать своих прошлых господ через половину земного шара, – и как раз эта грандиозная миссия положила начало эпохе Великих географических открытий Европы.

Совпадение во времени было далеко не случайным. Столетиями история шагала с Востока на Запад, и накануне эпохи Великих географических открытий ритм ее барабанного боя убыстрялся. В середине XV века величайший город Европы пал под натиском ислама³, и мусульманские солдаты вновь готовились выступить в поход, чтобы вторгнуться в сердце старого континента. В эпоху, когда никто не подозревал, что новый континент только и ждет, чтобы его открыли, мечты христианства о спасении сосредоточились на достижении Востока: в исполненных горечи фантазиях европейцев Азия превратилась в сказочное королевство, где будет выкован союз против извечного врага и наконец осуществлена мечта о вселенской церкви.

Крошечная Португалия поставила перед собой поистине геркулесову задачу: покрыв океаны, обойти ислам с фланга. По мере того как перед первым плаванием Васко да Гамы накапливались коллективные старания поколений, к гонке поспешила присоединиться Испания. Поскольку ей требовалось нагонять соседей, она решила поставить на итальянского искателя приключений Христофора Колумба. В 1498 году, когда Васко да Гама отплыл

³ Имеется в виду захват турками-османами Константинополя в 1453 году. – *Примеч. ред.*

на восток к Индийскому океану, Колумб взял путь на запад и в конечном итоге достиг материковой Америки.

Оба путешественника искали один и тот же трофей: морской путь в Азию, однако достижения Васко да Гамы надолго отошли в тень грандиозной ошибки Колумба. Теперь, когда мы возвращаемся в тот мир, каким он был в их эпоху, в мир, где все дороги вели на Восток, мы наконец можем восстановить равновесие. Плавания Васко да Гамы были прорывом в вековой кампании христианства пошатнуть исламское владычество в мире. Они кардинальным образом изменили отношения между Востоком и Западом и провели раздельную черту между эпохами господства мусульман и христиан – тем, что мы на Западе называем Средними веками и Новым временем ⁴. Разумеется, они – еще не вся история, но составляли много большую ее часть, чем нам хочется помнить.

Эпоху Великих географических открытий обычно преподносили как бескорыстный рыцарственный поход с целью раздвинуть границы человеческого познания. Сегодня ее объясняют как стремление изменить баланс мировой торговли. Она была и тем, и другим: она преобразила представления Европы о ее месте в мире и дала толчок глобальному сдвигу в мировой расстановке сил, который не закончился и по сей день. Но это было не просто новой стадией, это была осознанная попытка свести старые счета. Васко да Гама и его люди жили в мире, разорванном надвое религией, где война с неверными считалась высочайшим призванием человека чести. Как давали понять всем и вся кроваво-красные кресты на парусах первооткрывателей, они отправлялись на новую священную войну. Им говорили, что они прямые наследники четырех веков крестоносцев, рыцарей-паломников, обнажавших мечи во имя Иисуса Христа. Они получили наказ нанести решающий контрудар по исламу и возвестить начало новой эры – эры, когда вера и ценности Европы будут экспортироваться во все уголки земли. Это стало главной причиной, почему несколько десятков человек в деревянных лоханях отплыли за край известного мира – и в современную эпоху.

Чтобы понять страсти, гнавшие европейцев в дальние моря и сформировавшие наш сегодняшний мир, нужно вернуться к истокам. История начинается среди изъеденных ветрами песчаных барханов и опаленных солнцем предгорий Аравийского полуострова с рождением новой религии, которая стремительно ворвалась в самое сердце Европы.

⁴ Историки предлагали множество дат на роль конца Средневековья; два основных кандидата: 1453 год – год падения Константинополя и 1492 год – год первого плавания Колумба. Если в Средние века в европейском сознании преобладала тема упадка Европы и подъема ислама, то в Новое время ее место занял глобальный подъем христианского Запада. С этой точки зрения кажется не вполне логичным отсчитывать Новое время с 1453 года, момента падения последнего бастиона античного мира под натиском Османской империи. Колумб достиг континента Америка не ранее августа 1498 года, и прошло несколько десятилетий, прежде чем стало ясно значение его открытия. Васко да Гама прибыл в Индию в мае 1498 года, и, на мой взгляд, именно его достижение позволило Европе счесть, что историческая эпоха наконец сменилась.

Часть I Истоки

Глава 1 Восток и запад

Когда Мухаммед ибн Абделлах впервые услышал слово Божье в 610 году или около того, он вовсе не намеревался строить всемирную империю.

Он даже засомневался, в здравом ли он уме.

– Укройте меня, укройте меня! – сказал, жалостно дрожа, сорокалетний купец, когда подполз к жене, которая набросила на него плащ и, прижав к себе, гладила по волосам, пока он плакал. Он медитировал в обычной своей пещере под Меккой – роскошь, которую мог себе позволить благодаря женитьбе на вдове пятнадцатью годами себя старше, – когда появился ангел Джабраил, поверг его в мучительный и восторженный транс и передал ему послание бога. Мухаммед пришел в ужас, решив, что лишился рассудка, и подумывал, не броситься ли ему со скалы. Но голос возвращался снова и снова, и три года спустя Мухаммед начал проповедовать народу публично. Постепенно сложилась догма: вера Авраама и Иисуса истинная вера ⁵, но она была искажена. Есть только один бог, и он требует «ислам» – то есть полного повиновения законам Аллаха.

Это не сулило ничего хорошего правителям Мекки, разжиревшим на религиозном туризме в городе с 360 храмами. Мекка возникла вокруг затененного пальмами оазиса в Хиджазе, знойной пустыне с одноименным горным хребтом, которая тянется через Аравийский полуостров вдоль побережья Красного моря. Ее духовный авторитет исходил от Каабы, приземистого святилища кубической формы, где находились основные идолы арабов. Каждый год из пустыни материализовывались орды паломников, накатывали на священный город и семь раз обходили каменный куб, стремясь поцеловать каждый угол, прежде чем напор страждущих унесет их прочь. Со временем одно местное племя – курайшиты, – воспользовавшись своим положением защитников Каабы, начали выжимать все соки из коммерческой жизни Мекки, и поначалу откровения Мухаммеда были обращены непосредственно против них. Алчные курайшиты, обвинял он, разрывают эгалитарные узы арабского общества: они эксплуатируют слабых, порабащают бедных и пренебрегают своим долгом заботиться об обездоленных и угнетенных. Господь это увидел, и все они отправятся в ад.

Разъярили курайшитов не слова Мухаммеда о единственном милосердном боге и даже не его притязание на то, что он выступает рупором этого бога. К северу от Мекки уже несколько столетий существовало государство арабов-христиан, и в самой Каабе статуи Иисуса и Марии гордо стояли среди прочих идолов. Эмигрировавшие в Аравию евреи оказывали свое влияние и того дольше: так же, как и евреи, арабы считали себя потомками Авраама, через его первенца Исмаила, и многие отождествляли своего верховного бога с богом евреев. Во времена Мухаммеда по пустыням бродили поэты-проповедники, требуя от соплеменников отречься от идолопоклонства и вернуться к чистому монотеизму своих отцов. Идея единого бога не вызвала бы ни споров, ни распрей, зато уникально неприемлемым стало то, что Мухаммед был, что называется, своим. Его семейный клан Хашим – или

⁵ Иудеи вели свой род от Исаака, сына Авраама, и его жены Сары, мусульмане – от Исмаила, сына Авраама от египтянки Агари, рабыни Сары. Согласно арабской традиции, Авраам восстановил Каабу (основанную Адамом и перестроенную Ноем), когда навещал Агарь и Исмаила, изгнать которых его заставила ревнивая жена.

хашимиты – был малозначительной ветвью курайшитов. Сам Мухаммед был уважаемым купцом и пусть не самым видным, но крепким столпом общества, и он обратился против своих.

Курайшиты испробовали все – от подкупов и бойкотов до попыток дискредитировать докучного проповедника – и наконец прибегли к тайному покушению. Мухаммед едва-едва успел выскользнуть из дому и, улизнув от клинков убийц, сбежал в отдаленное оазисное поселение, которое станет известно как Медина. Там, по мере того как росло число его последователей, он построил новую общину, о которой мог только мечтать в Мекке, – «умму», или общину равных, объединенных не узами родства, а союзом веры, и подчиняющуюся законам, дававшим беспрецедентные права женщинам и перераспределявшим богатства среди тех, кто нуждался более всего. Откровения следовали одно за другим, и он начал верить, что бог избрал его не только произнести предостережение, но и нести благую весть всему человечеству.

Но чтобы его весть распространилась, надо было сперва рассчитаться с Меккой. Восемь лет ожесточенных войн с курайшитами щедро полили кровью ростки ислама. В самый черный час, с разбитым в кровь лицом Мухаммеда утащил с поля боя его собственный воин, а остатки его армии спас, заставив обратиться в бегство, только слух о его смерти. Дух уммы был сломлен, и приблизительно в это время Мухаммед дал своим воинам обещание, которое эхом отдастся в истории. Погибшие в битве – так было явлено ему – будут вознесены в высочайший круг Рая: «Они будут проживать вместе в мире, среди садов и фонтанов, облаченные в богатые шелка и тонкую парчу... Мы сочетаем их с большеглазыми черноокими гуриями» ⁶.

Мусульмане – «те, кто повинуется» – цеплялись за свою веру, и сама эта стойкость наперекор всем бедам представлялась знаком божьей милости. Решающим моментом стала не победа на поле битвы, а зрелищный и крайне успешный ход по манипуляции мнением общества. В 628 году Мухаммед внезапно объявился под Меккой с тысячей безоружных паломников и заявил о своем законном праве араба поклоняться в Каабе. Пока он торжественно совершал ритуалы, а курайшиты хмуро стояли поодаль, правители Мекки вдруг показались скорее глуповатыми, нежели неуязвимыми, и оппозиция пошла на спад. В 630 году Мухаммед вернулся с воинством последователей. Он снова семь раз обошел храм, повторяя нараспев: «Аллах акбар!» – «Бог велик!» – потом вошел внутрь, вынес идолов и разбил их вдребезги на земле.

На момент своей смерти два года спустя Мухаммеду удалось то, о чем не мог даже мечтать ни один исторический лидер: он основал процветающую новую религию и расширяющееся новое государство, причем первая была неотделима от второго. Менее чем за год армии ислама сокрушили арабские племена, не принявшие новый порядок, и впервые в истории Аравийский полуостров был объединен под властью одного правителя и одной веры. Подстегиваемый религиозным рвением, новообретенной общей целью и отрадной альтернативой – либо огромная добыча при жизни, либо вечное блаженство после смерти, – новый богоизбранный народ начал оглядываться по сторонам.

И увидел две сверхдержавы, которые, не жалея сил, стремились стереть с лица земли друг друга.

Более тысячи лет Восток и Запад противостояли на берегах реки Евфрат в Месопотамии, плодородной земли, издавна известной как колыбель цивилизации, – сегодня она находится на территории Ирака. На Востоке лежала прославленная Персидская империя, хранительница древней утонченной культуры и первой основанной на откровениях мировой религии, монотеистической веры жреца-визионера Заратуштры (эта религия стала известна

⁶ Цитируется по: N.J. Dawood, trans. The Koran: With a Parallel Arabic Text (London: Penguin, 2000), 497.

по латинизированной форме его имени Зороастр как зороастризм), который за столетия до рождения Христа проповедовал о сотворении и воскресении, спасении и апокалипсисе, рае и аде и о рожденном от девственницы Спасителе. Возглавляемые великим шахиншахом – буквально «царем царей», – персы были застарелыми противниками греков, пока Александр Македонский не разгромил их армии. Когда Персия восстановила утраченное могущество, эта империя попросту перенесла свою вражду на преемников греков римлян. Древнее противостояние стало формирующим столкновением Востока с Западом, и в 610 году, как раз когда Мухаммед получал первые свои откровения, наконец выплеснулось в тотальную войну.

Пока волны варваров бушевали на границах Западной Европы, на восточной ее окраине император Константин построил новый Рим. Сверкающий Константинополь высился над Босфором, стратегической полоской воды, ведущей от Черного моря к азиатскому Средиземноморью. Запершись за неприступными стенами, наследники Константина беспомощно смотрели, как персы завоевывают их восточные провинции и продвигаются к священному Иерусалиму. Давным-давно римляне до основания снесли иудейский Иерусалим, и на месте, отождествляемом со страстями Христа, вырос новый город; первый император Константин лично возвел храм Гроба Господня на предполагаемом месте распятия, погребения и воскресения Христа ⁷. Теперь же страдания христиан сделались почти апокалиптическими, когда персы увезли Честной и Животворящий Крест Господень, на котором, как полагалось, умер Христос, равно как и священные Губку и Копье и патриарха города, оставив по себе Гроб Господень дымящимся и опустелым на фоне черных от дыма небес ⁸.

На последнем издыхании Восточная Римская империя постаралась дать персам отпор и вышла победительницей, а Персия погрязла в гражданской войне. Но и победители были истощены. Византийские города были разорены и переполнены беженцами, сельское хозяйство понесло огромный ущерб, торговля практически замерла, а граждане провинций ужасно страдали от непомерных налогов, которыми оплатили имперское избавление. В период бурных религиозных полемик ⁹ наибольший урон наносило безжалостное стремление Константинополя навязать всем странам свою ортодоксальную версию христианства. Скормив для начала христиан львам, римляне перешли к преследованию всех, кто отказался следовать официальному курсу, и на огромном пространстве Восточного Средиземноморья

⁷ Место было обнаружено Еленой, матерью императора Константина, которая в 325 году отправилась на поиски реликвий и чудесным образом разыскала части (Честного) Креста Господня, на котором, как предполагалось, умер Иисус Христос, гвозди, которыми были прибиты его руки и ноги, и – по некоторым версиям – святую тунику и веревку, которой он был привязан к кресту. Кое-какие находки отправились с ней домой, включая два гвоздя, один из которых в конечном итоге был закреплен на шлеме Константина, а другой – в поводьях его коня; прочие были оставлены для размещения в новом храме. Поскольку, согласно традиции, Христос был распят именно на том месте, где был похоронен череп Адама, считалось, что храм включает в себя также гробницу первого человека. См.: Collin Morris. *The Sepulchre of Christ and Medieval West* (Oxford: Oxford University Press, 2005).

⁸ Персы разграбили Иерусалим в 614 году, а в 70 году римляне подавили массовое восстание иудеев, сожгли Второй храм, снесли город до основания и перебили или вывезли практически все население; с тех пор иудеям не позволялось жить в городе Давида. В первый раз иудеи объединились с персами, чтобы дать выход накопленной за 544 года мести, но были снова перебиты, когда вернулись римляне; вскоре они с большим успехом объединяются с арабами. Имеются в виду византийцы, которые при императоре Ираклии в 625–628 годах отвоевали территорию Палестины и Иерусалим у персов. – *Примеч. ред.*

⁹ Главным яблоком раздора служил спор о точной мере божественной природы Христа. Позиция ортодоксального православия, выработанная на череде вселенских соборов, гласила, что Иисус родился полностью божественным и полностью смертным, то есть в едином совершенном существе объединились две различные ипостаси. Многие подданные империи имели собственное мнение. Ариане отрицали божественную природу Христа, монофизиты – его человеческую природу, несториане утверждали, что он есть две сущности, одна божественная, другая смертная, а прочие группировки придерживались версий о различных промежуточных состояниях. Один за другим императоры постановляли, что единая империя требует единой веры, и обвиняли несогласных в ереси. Одержавший победу над Персией император Ираклий в поисках компромисса снова поднял этот рискованный вопрос, но возникшее в результате течение монофелитизм, провозгласившее, что Иисус имел две природы, но только одну безгрешную волю, не удовлетворило никого и уже через пятьдесят лет было отвергнуто как еретическое.

от Армении на севере и до Египта на юге диссиденты среди христиан скорее приветствовали перспективу нового режима ¹⁰.

С поразительным апломбом арабы напали на обе древние империи разом.

В 636 году одиннадцать столетий мощи Персии закончились атакой ревущих слонов на поле, возле которого позднее возникнет Багдад. «Горе этому миру, горе этому времени, горе этой судьбе, – будет сетовать национальный эпос Ирана, – раз нецивилизованные арабы явились обратить меня в мусульманство» ¹¹. Исламу открылась дорога на север до Армении, на северо-восток до азиатских степей, граничащих с Китаем, на юго-восток до Афганистана и на восток в Индию. В том же году арабская армия разгромила во много раз превосходящие ее византийские войска в битве при Ярмуке и аннексировала Сирию, где на пути в Дамаск обратился в христианство Савл из Тарса и где, приняв имя Павел, основал в Антиохии первую христианскую общину. В следующем году был взят измором и открыл свои ворота завоевателям нового толка Иерусалим ¹² – всего через восемь лет после того, как византийцы победно вернули Крест Господень на его законное место. Разрываемый различными вероисповеданиями город был священным для ислама в той же мере, что и для иудаизма, и столетия борьбы иудаизма и христианства за священные места уступили дорогу столетиям столкновений между мусульманами и христианами.

Четыре года спустя арабы завоевали сказочный плодородный Египет, самую богатую из всех византийских провинций. Пока Константинополь бессильно наблюдал, свирепые пустынные племена, которые он презрительно именовал сарацинами ¹³ – «народом шатров» ¹⁴, – захватили все земли, которые он отвоевал так недавно и такой дорогой ценой. По мере того как рушились под натиском ислама империи и царства, даже епископы начали задаваться вопросом, не получил ли Мухаммед наказ свыше ¹⁵.

Из Египта мусульманские армии маршем отправились на запад по средиземноморскому побережью Африки, и тут их, казалось бы, неостановимый натиск неожиданно захлебнулся.

Проблемы были отчасти внутреннего порядка. Мухаммед умер, не назвав своего преемника и даже не оставив четких инструкций, как этого преемника следует избирать. Вскоре вспыхнули застарелые распри, обостренные борьбой за военную добычу, тянувшуюся бесконечными обозами по пустыням и неизменно оказывавшуюся в руках курайшитов, того самого племени, чью монополизаторскую алчность так резко обличал Мухаммед. В резуль-

¹⁰ Столетия спустя главы независимых Восточных церквей, уцелевших при исламе, все еще видели в арабах спасителей. «Бог отмщения, – писал в XII веке один патриарх сирийской православной церкви, – узрев злобу греков, которые жестоко грабили наши церкви и монастыри там, где господствовали, и безжалостно нас притесняли, привел нам в избавление сынов Исмаила с юга». Михаил Сириец, цитируется по: Stephen O'Shea. *Sea of Faith: Islam and Christianity in Medieval Mediterranean World* (London: Profile, 2006), 52.

¹¹ Цитата из великой эпической поэмы «Шахнаме», или «Книга царей», Фирдоуси, написанной на рубеже I тысячелетия н. э. Персидская аристократия, хотя и приняла достаточно быстро ислам, еще долго питала неприязнь к арабской культуре и вспоминала величие доисламской Персии.

¹² Город пал в апреле 637 года. Согласно традиции, преемник Мухаммеда Умар, одетый в лохмотья, въехал в Иерусалим через Ворота Покаяния на белом осле (верблюде). Он спросил у патриарха, где молился царь Давид, и его привели к Храмовой горе, которую, как он обнаружил, давно уже использовали под свалку. Собрав христиан, Умар заставил их расчищать мусор и на свободном месте воздвиг простую деревянную молельню, которая позднее будет заменена на мечеть Аль-Акса (см. гл. 2).

¹³ Термин «саракеной», или «сарацины», первоначально употреблялся для обозначения неарабских народов Северной Аравии, но со временем его стали применять к арабам, а потом ко всем мусульманам. Его этимология не вполне ясна, но к IV веку историк Аммиан Марцеллин писал, что он используется для обозначения пустынных кочевников этого региона.

¹⁴ Греческие «сарацины» переводится как «восточные люди». – *Примеч. ред.*

¹⁵ Такого страшился, например, армянский епископ Себеос, см.: Alfred J. Butler. *The Arab Conquest of Egypt – and The Last Thirty Years of the Roman Dominion* (Oxford: Clarendon, 1902). Из пяти великих патриархов церкви трое – патриарх Антиохии, патриарх Иерусалима и патриарх Александрии – теперь осуществляли свою деятельность с разрешения мусульманских правителей.

тате внутренних интриг и борьбы за власть первые четыре халифа – «преемника» пророка – были избраны из среды ближайших соратников и членов семьи Мухаммеда, но даже высокий статус не сумел их защитить. Некий взбешенный персидский солдат пырнул кинжалом в живот второго халифа, вспорол его как рыбу, а потом еще ударил в спину, когда тот молился. Группа мусульманских солдат-заговорщиков, разобиженных роскошным образом жизни и неприкрытым nepотизмом третьего халифа, палками забила его до смерти, и в умме вспыхнула гражданская война. Четвертый халиф, которого звали Али – кузен и зять пророка и ближайший его соратник, – получил удар отравленным мечом ¹⁶ на ступенях мечети за то, что чересчур уж охотно шел на переговоры с собратьями-мусульманами. Его последователи, твердо уверенные, что Али был богоизбранным преемником Мухаммеда, со временем объединились, став известны как Ший'а Али – «партия Али», для краткости шииты – и окончательно и бесповоротно откололись от прагматичного большинства, которое стало известно по термину для обозначения «пути, указанного пророком» как сунниты.

Из последовавшего затем хаоса возникла первая династия халифов – Омейяды ¹⁷, которые перенесли столицу из змеиного гнезда на Аравийском полуострове и почти столетие правили из Дамаска, древнего, космополитичного города в бывшей римской провинции Сирия. Однако новорожденную империю продолжала теснить оппозиция, на сей раз внешняя. В Северной Африке арабские армии на десятилетия увязли в стычках с ордами голубоглазых берберов ¹⁸, древнего коренного населения Северной Африки. Берберы устраивали свирепые атаки из своих горных крепостей всякий раз, когда накатывала очередная волна завоевателей, и не собирались изменять своим обычаям только потому, что объявили о своем обращении в новую веру. Атаки берберов возглавляла грозная иудейская царица-воительница, известная арабам как Дакия аль-кахина, или «Пророчица», мчавшаяся на битву с развевающимися огненно-рыжими кудрями и раз за разом отбрасывавшая захватчиков далеко на восток, пока наконец ее не выследила огромная арабская армия. Погибла берберская предводительница, сражаясь, с мечом в руке.

Под конец VII века берберские восстания пошли на спад, и многие берберы пополнили ряды победителей. Всего за несколько десятилетий армии, обрушенные на мир Мухаммедом, неразрывным полумесяцем охватили Средиземноморье до самых берегов Атлантического океана.

Оттуда они взирали на Европу.

С потрясающей быстротой мир совершил полный оборот. Религия, внезапно возникшая в пустынях Востока, готовилась ворваться в ошеломленную Европу с запада. Если бы не буйные берберы, она могла бы бурей пронестись по континенту прежде, чем воюющие между собой племена Европы отвлеклись настолько, чтобы откликнуться на эту угрозу.

Придет время, и оборот совершится снова. Когда западное христианство наконец опрачится от шока, борьба будет бушевать уже в самой Европе – и эта борьба погонит Васко да Гама в сердце Востока.

¹⁶ Убийца Али истово верил, что главным качеством духовного вождя мусульман должно быть не происхождение, а исключительно благочестие. Эта простая, пуританская версия ислама станет известна как хариджизм и наиболее прочно пустит корни в Северной Африке. Отдельные ее общины сохранились на Аравийском полуострове и в Африке и по сей день.

¹⁷ Основатель династии Муавия был сыном Абу Абд ар-Рахмана Муавия ибн Аби Суфьяна, влиятельного жителя Мекки, который возглавил атаку на Медину, едва не уничтожившую ислам. Под конец той самой битвы мать Муавии Хинд вырвала печень у дяди Мухаммеда Амзы и ею пообедала. В результате гражданской войны был убит внук Мухаммеда, а сама Кааба сожжена; в конечном итоге прагматическая политика силы зрелищно одержала верх над набожной чистотой.

¹⁸ Берберы, чьи земли тянулись от Нила до Атлантического океана, называли себя «амазиги», то есть «свободные». Они были мастерами в искусстве выживания, а с точки зрения религии их племена представляли собой эклектичную смесь язычников, евреев и христиан. Легенда о пророчице стала предметом многих запутанных дискуссий. См.: Adelmajid Hannouti. Post-Colonial Memories: The Legend of Kahina, A North African Heroine (Westport, CT: Heinemann, 2001).

С незапамятных времен два скалистых пика отмечали самый западный конец известного мира. Древние называли их Геркулесовыми столбами и рассказывали, как могучий герой поднял их, выполняя свое десятое невыполнимое задание. Геракла послали на дальние берега Европы украсть скот у трехголового, шестиногого чудовища Гериона, и расчищая себе дорогу, он разбил гору надвое ¹⁹. Через пролом воды единого океана, омывавшего мир, хлынули в Средиземноморье. За этими «столбами» лежали владения извивающегося, меняющего облик Морского Старца ²⁰ и затонувшая цивилизация Атлантиды, а обрывки старых легенд терялись в тумане времен и тысячелетних страхах моряков ²¹.

Более двух тысяч лет портовый город под названием Сеута стоит, притулившись в тени южного Геркулесового столба. Сеута занимает клочок земли, связанный с северным побережьем Африки горной грядой, известной как Семь вершин ²². Маленький перешеек тянется в самое Средиземное море и внезапно обрывается у большого холма, называемого Монте Ачо – Маяковый холм. С его вершины хорошо виден известняковый обрубок Гибралтарской скалы у побережья Испании. Гибралтар, северный из двух Геркулесовых столбов, подарил свое имя бурному проливу, открывающему Атлантический океан. Здесь Африку от Европы отделяют каких-то девять миль воды, и здесь раз за разом с одного континента на другой переходила История.

Сегодня мы считаем Европу и Африку двумя резко отличными друг от друга континентами, разделенными пропастью цивилизации, но до недавнего времени это разграничение не имело смысла. На протяжении столетий людей и товары легче было перевозить по воде, чем по суше, к тому же власть империи и торговля сближали народы Средиземноморья. Финикийские первопроходцы добывали серебро в Испании, а олово – в далекой Британии. Напротив Сицилии они построили легендарный Карфаген и с тем же пониманием стратегической важности узких проливов создали в качестве западного форпоста Сеуту. Вслед за ними пришли колонисты-греки, основывая поселения от Испании до Сицилии и посадив на трон Египта потомков телохранителя Александра Македонского, династию Птолемеев. Затем пришли римляне, сровнявшие с землей Карфаген и укрепившие Сеуту, которую превратили в военный лагерь на краю света. В европейских языках слово Mediterranean (Сре-

¹⁹ Считалось, что Герион обитает на острове Эрифия, вблизи современного Кадиса. По версии историка Аполлодора Афинского, Геракл насыпал две горы в память о своем путешествии. Диодор Сицилийский пишет, что Геракл сузил существующий пролив, чтобы закрыть путь чудовищам из Моря-Океана. Плиний Старший во «Вступлении» к Книге 3-й своей «Естественной истории» писал, что в I веке обитатели побережья верили, будто проход между горами «прорыл [Геракл], и через него хлынули воды, которые до сих пор не допускались, и изменили лик природы». Геркулесовы столбы все еще горделиво высются на гербе Испании; девиз «Plus ultra» – «Еще дальше: вперед» – в лавровых листьях наводит на мысль о том, что они знаменуют вход, а не преграду.

²⁰ Этот мифический персонаж, идентифицируемый с богом моря Нереем, также появляется в истории об одиннадцатом подвиге Геракла. Это он послал его принести золотые яблоки бессмертия из сада Гесперид, дочерей титана Атласа, который держит на своих плечах небо. Геракл схватил умеющего менять облик Нерее и сжимал его, пока тот не рассказал, где расположен сад, по пути Геракл освободил прикованного Прометея, а взамен узнал, что принести яблоки может только сам Атлас. Геракл предложил Атласу подержать за него небо, пока тот сходит в сад; вернувшись, Атлас попытался обманом заставить Геракла навечно принять его ношу. Геракл попросил Атласа подержать небо, пока он поправит плащ, и сбежал. В другом варианте Геракл построил Геркулесовы столбы, чтобы освободить Атласа.

²¹ Один-два мореплавателя древности все же набрались храбрости. Около 500 года до н. э. карфагенский путешественник Ганнон Мореплаватель проплыл мимо Геркулесовых столбов и скорее всего достиг реки Сенегал, история его плавания изложена в «Перипле» – произведении, представляющем собой перевод на греческий язык текста таблички, которую Ганнон оставил в храме. Геродот кратко упоминает, что некогда финикийский флот, посланный египетским фараоном Нехо, обошел против часовой стрелки Африку; его скептическое упоминание о том, что финикийцы видели солнце справа от себя, когда плыли на запад вокруг южной оконечности Африки, единственное, что придает достоверности этому рассказу, поскольку иных свидетельств в его пользу не существует. Вспоминают эту историю главным образом те, кто стремится связать пирамиды Египта и Мексики.

²² Горная гряда заканчивается пиком высотой три тысячи футов – Джебель-Муса, или Горой Моисея, – это альтернативный кандидат на южный Геркулесов столб.

диземноморье) происходит от латинского выражения, означающего «середина земли», но политическая реальность, равно как и имперская гордость породили более расхожее римское название *Mare Nostrum* – «Наше море». От ощущения этого права собственности римлянам тем невыносимее было видеть, что варвары-вандалы прокатились по Франции и Испании, хлынули через Гибралтарский пролив, прошли по африканским провинциям Рима и вышли в самое Средиземное море, где, заселив более крупные острова, нашли свое призвание в пиратстве и в конечном итоге разграбили сам Рим.

Но какими бы ни были оживленными морские пути, ничто не могло подготовить северные побережья Средиземноморья к событиям 711 года. В том году, стянувшись у Сеуты, мусульманские армии преодолели пролив и на 781 год установили исламское правление в Западной Европе. Возглавлял экспедицию обратившийся в мусульманство бербер по имени Тарик ибн Зияд, и гора, под которой он высадился, была названа Горой Тарика – по-арабски это звучало как Джебал-аль-Тарик, или – для нас – Гибралтар.

В то время Испания, а это название средневековая Европа относила ко всему Пиренейскому полуострову, включая не возникшую еще Португалию, находилась под властью варваров-готов, отобравших ее у вандалов, которые, в свою очередь, отвоевали ее у Рима. За каких-то три года мусульмане сумели прогнать поджавших хвост готов в предгорья на севере, где у тех было в достатке времени поразмыслить над крахом своего государства, который посчитали Божьей карой за греховность правителей ²³. Покорив большую часть полуострова, арабские военачальники и их берберские войска хлынули на северо-восток через гористое ожерелье Пиренеев во Францию.

Ставкой было – ни много ни мало – само христианство.

Дважды за первые сто лет существования ислама арабские армии осаждали Константинополь ²⁴ и дважды не смогли одолеть его монументальные стены. Дважды город на Босфоре отражал удары огромных флотилий, и дважды арабские боевые корабли ходили несолоно хлебавши по водам, маслянистым от смертоносного нового вещества, называемого греческим огнем. Константинополь теперь превратился в восточный оплот съездившегося и немощного христианства и не собирался сдаваться. Вторжение в Испанию началось как отчаянная попытка захватить хотя бы клочок земли, раз представилась такая возможность, но уже вскоре этим вторжением стали руководить из самого сердца исламской империи. Его предводители планировали пройти по всей Европе, аннексировать земли, брошенные на произвол судьбы Римом, и напасть на Константинополь с тыла – с Балкан. Если бы они преуспели, проложенный на карте полумесяц вокруг Средиземного моря замкнулся бы в полный круг.

Десять тысяч арабов и берберов ворвались во Францию, пронесли по Аквитании, сожгли Бордо и двинулись по старой римской дороге, ведущей от Пуатье к священному городу

²³ Хотя причиной поражения готов считалась Божья кара за их беспрестанные гражданские войны, Божий промысел увидели и в том факте, что изгнанные вожди отбросили былые распри, избрали единого правителя и основали королевство Астурия, ядро христианских государств, которые со временем начнут наступление на ислам. В 722 году первый король Астурии Пелайо одержал незначительную победу над берберами, которую позднее стали отождествлять с началом испанской Реконкисты. «Я не стану водить дружбу с арабами, – вложил в его уста громкие слова один хронист, – не покорюсь я и их власти... Ибо мы полагаемся на милость Божию в том, что с невысокого холма, который перед вами, начнется возрождение Испании и армии готского народа». Постоянные и повторяемые притязания на преемственность между Испанией готов и новыми католическими королевствами помогали оправдать войну против ислама как возвращение Пиренейского полуострова его законным правителям. Joseph F. O'Callaghan. *Reconquest and Crusade in Medieval Spain* (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2003), 5–6.

²⁴ Осады имели место в 674–678 и 717–718 годах. В 717 году к Константинополю подступила армия, насчитывавшая, согласно разным источникам, от 80 тысяч до 120 тысяч человек; с моря атаковали тысяча восьмисот боевых галер. Армию на суше тогда истребили голод, заморозки и болезни, «греческий огонь» уничтожил значительную часть флота, а оставшиеся корабли потонули во внезапно налетевшем шторме.

Туру. Ровно через сто лет после смерти Мухаммеда мусульманская армия стояла в каких-то 150 милях от ворот Парижа.

В тумане войн, окутавшем Европу темных веков, известия об эпохальных событиях, разыгрывавшихся в дальних пределах Средиземноморья, приносил ненадежный ветер слухов. Сама мысль о том, что эти дальние раскаты грома предвещают молниеносный удар в самое сердце христианства, казалась невероятной, почти непостижимой. Но вот армия в тюрбанах, воодушевляемая чужой верой, скачущая под незнакомыми флагами под рев неведомых рожков и нестройное бряцанье цимбал, выкрикивает пугающие проклятия на чужом языке и все быстрее движется по осенним полям Франции.

Тот день 732 года стал поворотным в истории ожесточенной борьбы между исламом и христианством²⁵. На подступах к Пуатье армии ислама натолкнулись на недвижимую стену косматых, полных решимости франков (западногерманского племени, уже давно поселившегося на римской территории), возглавляемых человеком по имени Карл Мартелл, – вторая часть его имени на самом деле прозвище, означающее «Молот»²⁶. Когда волна арабской конницы ударила в передние ряды, строй пехоты прогнулся, но не прорвался. Тактика арабов, на протяжении целого столетия приносившая поразительные плоды – смять передние ряды, рассеять противника, выпуская тучу стрел, вернуться и, окружив сбитые с толку, разрозненные небольшие отряды, добивать врагов по одному, – впервые провалилась, и тела мусульман горами громоздились у франкских щитов²⁷. Спорадические схватки продолжались до самой ночи, но к утру уцелевшие завоеватели истаяли, отхлынули назад в Испанию.

Десятилетиями огромные исламские армии будут снова и снова маршировать через Пиренеи, они на короткий срок дойдут до Альп и заставят Молота опять ринуться в бой. Когда пыл завоевателей наконец угас, причиной этому послужила скорее ожесточенная борьба за власть²⁸ среди десятков тысяч арабских и берберских иммигрантов, которые наводнили Испанию, чем воинская доблесть западного христианства. Но даже тогда мусульманские разбойники контролировали переходы через Альпы (их величайшей добычей стал аббат монастыря Ключни, самого богатого во всей Европе, чье похищение принесло им огромный куш²⁹), а мусульманские пираты хозяйничали на море, тогда как христиане, как злорадствовал визирь одного халифа, «даже доску на воду не способны спустить»³⁰. Но на западе битву при Пуатье будут помнить как поворотный момент.

²⁵ Западная традиция приписала битве при Пуатье значение, не замеченное ни арабскими писателями, ни историками-ревизионистами. Однако в трудах по истории возникновения Европы Пуатье играет первостепенную роль. В главе 52 «Упадка и разрушения Римской империи» Эдуард Гиббон выдвинул знаменитое предположение, мол, если бы исход битвы повернулся иначе, «толкование Корана, возможно, преподавали бы сегодня в колледжах Оксфорда, а его проповедники демонстрировали бы обрезанным святость и истину откровений Мухаммеда». См.: Maurice Mercier & Andre Seguin. Charles Martel et la Bataille de Poitiers (Paris: Librairie orientale Paul Geuther, 1944); Jean-Henri Roy & Jean Deviosse. La Bataille de Poitiers (Paris: Gallimard, 1966).

²⁶ Карл Мартелл был величайшим в длинной череде дворцовых майордомов VII и VIII веков, являвшихся истинной силой за тронем французских королей династии Меровингов. Мартелл, побочный сын майордома Пепина Геристальского, безжалостной рукой подавил беспорядки, возникшие после смерти Пепина, и объединил под своей властью большую часть земель, составляющих сегодняшнюю Францию, Западную Германию и Нидерланды. В 751 году его сын, также Пепин, при поддержке папы римского захватил наконец трон.

²⁷ Арабский маневр, известный как «карр-ва-фарр» – «атаковать и отойти», был непрактичным в столкновении с европейскими солдатами, отягощенными тяжелыми шлемами, доспехами и щитами. См.: Hugh Kennedy. The Armies of the Caliphs: Military and Society in the Early Islamic State (London: Routledge, 2001); David Nicolle. Armies of the Muslim Conquest (London: Osprey, 1993).

²⁸ Уже в 807 году правитель Толедо пригласил на пир в своем дворце сотни видных мятежников и приказал отрубить гостям головы, а тела бросить в заранее выкопанную яму; это кровавое событие вошло в историю как «Ла Хорнада дель Фосо» – «День ямы», или «Толедская ночь».

²⁹ Аббат Ключни Майель был похищен в 972 году.

³⁰ Ибн Хордадбех, «Книга путей и стран», цитируется по: Jack Turner. Spice: The History of a Temptation (New York: Random House, 2004), 96.

Как раз чтобы обозначить людей Мартелла, некий хронист придумал выражение «europenses» – «европейцы»³¹.

Прежде никакого такого народа не существовало. Впервые географические линии, разделяющие континенты, были прочерчены греками, которые удобства ради назвали землю к востоку от себя Азией, к югу – Африкой, а все остальное – Европой. Совершая все более дальние путешествия, они задавались вопросами, какая северная река отмечает границу между Европой и Азией и начинается ли Африка у границ Египта или у реки Нил, а еще сомневались, разумно ли разделять единую сушу на три части. Для всех прочих разделение было совершенно произвольным. Когда Северная Европа была еще дальними задворками, где дикари красили лица синей краской, а Средиземноморье – озерцом западной цивилизации, жители континента мечтали о единстве, а провинции Римской империи в Азии или Африке не были менее римскими от того, что лежали за пределами Европы. Когда учение Иисуса из Назарета распространилось во все стороны из римской Иудеи, никто не предсказывал, что вера его последователей будет провозглашаться как европейская религия; Эфиопия одной из первых приняла христианство, а Блаженный Августин, отец церкви, оказавший глубочайшее влияние на развитие христианской мысли, был бербером из Алжира. Как раз исламская империя, которую арабские армии раскинули на три континента, низвела христианство – за вычетом немногих разбросанных исключений – до веры европейской.

Не существовало и единого европейского христианства. Большинство варваров приняли сначала арианство, популярное течение, учившее, что Иисус был целиком и полностью смертным, а одно племя ариан – лангобарды или ломбардцы – даже провозгласило, что станет убивать каждого католического священника, который им попадется. Папы римские, в большинстве своем отпрыски старинных сенаторских родов, влачили жалкое существование среди зарастающих сорняками руин Рима, пока Хлодвиг, франкский король VI века, не узрел свет во время одной особо жаркой битвы с готами. Франки заключили союз с Римом, узаконивший правление их королей и обеспечивший папству военную поддержку, – сделка была скреплена на Рождество 800 года, когда внук Карла Мартелла Карл Великий на коленях поднялся по ступеням базилики Святого Петра, простерся ниц перед святым отцом и был коронован как Август, император римлян³². Другой император в Константинополе беспомощно кипел от злости. Папа, всего лишь епископ Рима, совершил ловкий переворот в борьбе за власть, так были воздвигнуты подмости для раскола с ортодоксальной церковью Восточной Европы³³.

Когда распалась недолговечная империя Карла Великого и из Скандинавии волна за волной хлынули разорительные орды викингов, когда на пустошах встали каменной порослью замки, к стенам которых жалось немногочисленное население, Европа превратилась в отсталый полуостров, опасно прикорнувший между океаном и зеленым морем ислама. За неимением чего-либо другого в этом она обрела свое самоосознание. Современная концепция Европы родилась не из одной только географии и не из просто общей религии. Она постепенно рождалась из лоскутного одеяла разрозненных народов, видевших общую цель в борьбе с исламом.

³¹ В «Мосарабской хронике 754 года». Надежность этого текста подвергалась сомнению, некоторые медиевисты датируют появление термина концом Средних веков.

³² Папство выводило свою верховную власть над светскими правителями бывших западных провинций Римской империи из документа под названием «Константинов дар», написанного якобы в IV веке, но впервые предъявленного в VIII столетии, – в XV веке было доказано, что это подделка.

³³ Задолго до того, как протестантская реформация расколола общество надвое, даже в Западной Европе находились инакомыслящие, которые отказывались признавать власть преемников святого Петра. Среди самых решительных и злополучных были катары на юге Франции, считавшие материальный мир злом и порвавшие с пышным и продажным Римом; их ересь была в конечном итоге искоренена ценой миллиона жизней.

Но в этом нарождающемся единстве бросалось в глаза одно исключение: на Пиренейском полуострове все еще господствовало внушительное исламское государство. С началом контрнаступления христианства именно тут возникла самая фанатичная из всех католических держав. Причина была пугающе проста. Христианство и ислам – родственные религии, и на Пиренейском полуострове они долго существовали бок о бок. Если хочешь изгнать из своего дома родственника, надо распалиться до много большей праведной ярости, чем требуется, чтобы изгнать просто чужого человека.

На западной оконечности известного мира готовились заявить о себе силы как исламского, так и христианского фундаментализма. И эхо их столкновения будет иметь последствия и в отдаленных странах, и в последующих столетиях.

А ведь все могло бы сложиться иначе. По-арабски исламская Испания называлась аль-Андалус (это название перейдет к испанской провинции Андалусия), и на протяжении трех столетий аль-Андалус была домом самого космополитичного общества западного мира.

С первых лет ислама мусульмане классифицировали христиан и евреев, принявших исламское правление, как «ахль аль-зимма»³⁴, или «защищенные люди», сокращенно «зимии». Язычники считались законной добычей, им предлагалась жестокая альтернатива обращения или смерти, но Мухаммед лично запретил своим последователям ущемлять религиозные свободы своих собратьев «людей книги» – Ах аль-Китаб, как названы в Коране иудеи и христиане³⁵. На раннем этапе завоеватели-арабы пошли еще дальше: они как можно более затруднили для иудеев и христиан обращение в мусульманство – не в последнюю очередь потому, что любой новообращенный освобождался от уплаты джизьи, ежегодного подушного налога, выплачиваемого свободными зимиями. Но когда массовое обращение стало нормой, оказалось, что у толерантности есть свои пределы. Один халиф IX века, склонный мелочно унижать слабых, приказал евреям и христианам повесить на свои дома деревянные изображения дьявола, носить желтые одежды, не насыпать могильных холмов и ездить только на ослах и мулах «на деревянных седлах, помеченных двумя гранатовыми яблоками на задней луке»³⁶.

В аль-Андалусе зимии не имели равных прав с мусульманами, – это шло бы в разрез с учением ислама, – но от них редко требовали чего-то помимо внешних признаков подчинения. Из этого родилась радикальная концепция: конвивенсия – или совместная жизнь и труд людей разного вероисповедания. Иудеи и даже христиане начали играть весомую роль в управлении страной как писцы и клерки, солдаты, дипломаты и советники; один рафинированный, ученый и благочестивый иудей стал неофициальным, но всемогущим министром иностранных дел³⁷, а одним из послов в его правление был христианский епископ. Иудейские поэты вдохнули жизнь в иврит, иссушенный столетиями литургии, и для евреев-сефардов³⁸ (от Сефарда, как назывался на иврите аль-Андалус) после долгой эры варвар-

³⁴ Букв. «Люди договора», то есть те, кто перешел на сторону мусульман под гарантию защиты их жизни и имущества и права исповедовать свою религию, но не обращать в нее других. – *Примеч. пер.*

³⁵ Третим – помимо иудеев и христиан – «народом Книги» в Коране названы сабиане; позднее исламские теологи добавили зороастрийцев и индусов.

³⁶ Philip Khuri Hitti. *History of Syria, Including Lebanon and Palestine* (London: Macmillan, 1951), Этого багдадского халифа звали аль-Мутаваккиль. Но даже при не столь мелочных режимах зимиям воспрещалось строить новые храмы, а иногда и ремонтировать старые, звон колоколов следовало заглушить, а проповеди и обращения в христианство или иудаизм карались смертной казнью.

³⁷ Хасдай ибн Шапрут начал как личный лекарь халифа Абд ар-Рахмана III; от лекаря до министра – таков был в Средние века классический путь наверх честолюбивого человека.

³⁸ Многие иудеи Пиренейского полуострова перебрались сюда после изгнания евреев из Иерусалима в 70 году. Здесь они подвергались постоянным притеснениям со стороны готов; в конце VII века на волне параноидальных страхов, дескать, евреи строят заговоры с целью их свержения, готы захватили имущество евреев и роздали его своим рабам, а самих евреев

ских гонений наступил золотой век свободы. Христиане с не меньшим пылом восприняли арабскую культуру ³⁹: они не только одевались, ели и мылись как арабы, но даже читали Священное Писание и слушали литургию на арабском. За это они получили прозвище «мосарабы», то есть «те, кто хочет быть арабами» ⁴⁰, – им их наградила горстка упрямцев, поставивших себе целью оскорблять ислам. К числу множества цветистых оскорблений одного такого упряма, монаха из среды аристократов Евлогия, принадлежит утверждение, будто Мухаммед похвалялся, что на небесах лишит девственности Деву Марию ⁴¹. Большинство их обретали мученический конец, к которому так стремились, и различные части их трупов вывозили через границу, где они стали излюбленным сувениром в далеких христианских городах. Аль-Андалус трудно назвать «горнилом культур», однако различные традиции смешивались и вдыхали друг в друга новую жизнь в обстановке, когда вместо конформизма, навязываемого не столь уверенными в себе обществами, приветствовались различия. Здесь же из тени жестко иерархизированного мира выходили на свет отдельные личности с собственным мировосприятием и собственными желаниями ⁴².

Это был удивительный феномен в Европе темных веков, которая погрузилась во всеохватывающее уныние и пребывала в уверенности, что мир стареет, а на горизонте уже занимают костры Апокалипсиса. Испания же, напротив, бурлила жизнью с экзотическими новыми растениями, завезенными с Востока ⁴³, была пьяна ароматом апельсиновых деревьев, который разносил по стране ветер. Кордова, мусульманская столица на берегах реки Гвадалquivир, превратилась в самый величественный метрополис к западу от Константинополя, ее рынки полнились тонкими шелками и коврами, ее мощеные и ярко освещенные улицы пестрели вывесками, предлагающими услуги законников и архитекторов, врачей и астрономов. Полки главной библиотеки – одной из семидесяти в городе – прогибались под весом четырехсот тысяч книг, и это число было в десять раз больше того, каким могли похвастаться величайшие собрания христианского Запада. Великая соборная мечеть, называемая по-испански Мескита, была готской церковью, преображенной в оптическую иллюзию, переменчивое пространство мечты с элегантными мраморными колоннами, поддержи-

обратили в рабство и запретили им исповедовать свою веру.

³⁹ Обращенному в христианство иудею Павлу Альваресу Кордовскому принадлежит знаменитая жалоба, дескать, гибкий, утонченный арабский язык ввел в соблазн его собратьев по вере: «Христиане любят читать поэмы и романы арабов; они изучают труды арабских теологов и философов, но не для того, чтобы их опровергнуть, а для того, чтобы усвоить правильный и изысканный арабский язык. Где сейчас найти мирянина, который читал бы латинские комментарии к Святому Писанию или изучал евангелия, изречения пророков или апостолов? Увы! Все одаренные молодые христиане читают и изучают с пылом арабские книги; входя в большие расходы, они собирают огромные библиотеки; они презирают христианскую литературу как не стоящую внимания. Они забыли свой язык. На каждого, кто умеет составить письмо другу на латыни, найдется тысяча таких, кто способен с элегантностью излагать свои мысли на арабском и писать на этом языке поэмы лучше, нежели сами арабы». Цитируется по: John Tolan. *Saracens: Islam in Medieval European Imagination* (New York: Columbia University Press, 2002), 86.

⁴⁰ Возможно, налицо некая путаница: выражение «мосарабы» означает «арабиизированные». – *Примеч. пер.*

⁴¹ Евлогия в конечном итоге арестовали за укрывательство мусульманской девушки, принявшей христианство. На суде он предложил судье посвятить его в основы христианской веры, потом начал читать лекцию о множественных ошибках ислама. Судья умыл от узника руки и отправил его на суд правящего совета, членам которого тоже пришлось выслушать проповедь о величии евангелий. Признавая за равного себе, образованные мусульмане, восхищаясь упрямым монахом за ученость и силу личности, умоляли его отказаться от самоубийственной затеи, но он снова взялся проповедовать и был обезглавлен. См.: John Tolan. *Saracens: Islam in Medieval European Imagination* (New York: Columbia University Press, 2002), 93; Olivia Remie Constable, ed. *Medieval Iberia: Readings from Christian, Muslim and Jewish Sources* (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1977), 51–54.

⁴² Это пробуждение зафиксировано в поэзии и песнях той эпохи. См.: Peter Cole, transl. and ed. *The Dream of the Poem: Hebrew Poetry from Muslim and Christian Spain, 950-1492* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2007); Salma Khadra Jayyusi. «Andalusi Poetry: The Golden Period» in Jayyusi, ed. *The Legacy of Muslim Spain* (Leiden: Brill, 1992), 317–366.

⁴³ С Востока в это время пришли лимоны, лаймы, грейпфруты, фиги, гранаты, дыни, абрикосы, миндаль, шафран, шпинат, артишоки, баклажаны, хлопок, рис, сахарный тростник, тутовые ягоды, хна и пальмы. См.: Olivia Remie Constable. «Muslim Merchants in Andalusian International Trade» in Jayyusi, *Legacy of Muslim Spain, 759–773*; Richard A. Fletcher. *Moorish Spain* (London: Weidenfeld & Nicolson, 1992), 62–64.

вавшими один над другим арочные своды в красные с белым полосы. Население Кордовы приближалось к полумиллиону человек, и какое-то время она была самым большим городом на земле. Она была, как писала одна саксонская монахиня, «ярчайшим украшением мира» ⁴⁴.

Аль-Андалус достиг вершины своего могущества в середине X века, когда ее правитель обнаружил, что его величие слишком велико, чтобы терпеть статус простого «эмира» или «губернатора», и объявил себя настоящим халифом, законным преемником династии, идущей от Мухаммеда и главы всех мусульман. Чтобы увековечить свой новый статус, Абд аль-Рахман III построил себе обширный королевский город за пределами Кордовы. Полнящийся драгоценностями, с дверьми, вырезанными из слоновой кости и черного дерева, выходящими на окопанные рвами сады, наполненные экзотическими зверинцами, с броскими скульптурами, изготовленными из жемчуга и янтаря, и огромными садками для рыбы, обитателям которых скормливали по двенадцать тысяч свежее испеченных хлебов ежедневно, он был ярчайшим свидетельством династических притязаний. Длинную череду послов, поспешивших принести дары, достойные нового халифа, принимали в зале, выложенном полупрозрачным мрамором, в середине которого под гигантской подвеской-жемчужиной располагался бассейн, наполненный ртутью, которую временами помешивали, чтобы в нужный момент ослепить посетителей.

Однако три столетия спустя могущественная исламская держава на европейском континенте рухнула, с точки зрения истории – в мгновение ока. Как любая страна, охваченная комплексом собственного превосходства, новый халифат, почив на лаврах, не снизошел до того, чтобы обратить внимание на признаки угрозы. Сказка, кульминацией которой стала история о том, как надменные халифы уединились в своем мраморном дворце, обрела достойный конец от рук злого придворного по имени Абу Амир аль-Мансур – «Победитель», – который и вправду был настолько удачлив в бою, что выиграл все пятьдесят две из своих пятидесяти двух битв ⁴⁵. Большинство велись с беспрецедентным фанатизмом против потомков готов, засевших в своих крепостях на севере Испании, – слава аль-Мансура была такова, что заслужила ему западное прозвище Альманзор. Альманзор заточил юного халифа, построил себе царский город-дворец по другую сторону Кордовы, весь аль-Андалус превратил в полицейское государство и вызвал возмущение своих утонченных подданных тем, что для своих военных кампаний привлекал неотесанных берберов и даже наемников-христиан. После его смерти в 1002 году в мусульманской Испании вспыхнула гражданская война, а несколько лет спустя негодующие берберы сровняли с землей роскошный дворец халифов – всего через семьдесят лет после того, как он вырос на изумление всему миру.

Аль-Андалус распался на лоскутное одеяло соперничающих городов-государств, и христианские короли по ту сторону Пиренеев увидели свой шанс.

Христианское возрождение в Испании стало делом долгим и полным распрей, и бесконечные резни и интриги его миниатюрных королевств способны нагнать скуку. По давней племенной традиции каждый правитель завещал после своей смерти разделить земли между сыновьями, а сыновья соответственно пускались в оргии братоубийственных склок ⁴⁶. Маятник войны раскачивался из стороны в сторону, и соперничающие монархи заключали альянсы с мусульманскими рейдерами так же часто, как и с братьями по вере. Тем

⁴⁴ Это знаменитое выражение принадлежит перу писательницы-монахини Хросвиты Гандерсгеймской, его же вынесла в заголовок своей книги о культуре конвивенсии Мария Роза Менокаль.

⁴⁵ Или около того; цифру «52» приводил в XIV веке североафриканский историк ибн Хальдун. Своим первоначальным возвышением аль-Мансур был обязан поручению тогдашнего канцлера убить дядю наследника престола, тем самым канцлер надеялся упрочить восхождение на трон болезненного ребенка и свое собственное влияние.

⁴⁶ Одного короля, Санчо Леонского, столкнула со скалы собственная сестра, чтобы расчистить дорогу другому их брату (и, возможно, любовнику) Альфонсо Храброму, будущему покорителю Толедо.

не менее они понемногу продвигались на юг, на земли ослабленных городов-государств, и внезапно перед ними замаячила поразительная возможность перевернуть историю.

На стыке тысячелетий Западная Европа наконец начала сбрасывать с себя запятнанное кровью одеяло темных веков. Викинги начали оседать и обращаться в христианство. Из западных частей старой империи Карла Великого поднималась Франция, а земли к востоку понемногу прибирала к рукам Священная Римская империя, предшественница Германии. Римско-католическая церковь оправилась от своего бесславного бессилия и вновь начала мечтать об увеличении паствы. Свой шанс она увидела в Испании.

В 1064 году папство высказалось в поддержку войны против мусульман аль-Андалуса – первой христианской войны, которая откровенно определялась верой. С того момента испанцы выступали под знаменем папства, которое, возможно, защищало их, но не вполне объединяло. В бой они шли с непробиваемой гарантией наместника Христа на земле: массовой индульгенцией для всех погибших, которая освобождала их от наказания за грехи и твердо обещала немедленное принятие в рай.

Война вскоре получила собственное название – Реконкиста, то есть «Отвоевание»: отчасти оно позволяло отмахнуться от того неудобного факта, что значительная часть полуострова гораздо дольше была мусульманской, чем христианской. Шквал бессистемных сражений, которые велись ради личной славы и территориальной экспансии, преобразился в войну за религиозное освобождение ⁴⁷ и мог похвастаться собственным святым покровителем в лице апостола Иакова. Святой Иаков – по-испански Сант-Яго – был обезглавлен в Иерусалиме через несколько лет после распятия Христа, но некий отшельник, ведомый звездой, чудесным образом выкопал его кости на одном поле в Испании ⁴⁸. В этой невероятной «жизни после смерти» апостол Иисуса преобразился в «Сантьяго Матамороса» («Святой Иаков Мавробойца»), где «моро» происходило от латинского обозначения берберов и стало общим ярлыком, который иберийские христиане навешивали на всех мусульман, будь то бербер или араб. «Мавробойца» подарил свое имя ордену Сантьяго, одному из многих военизированных монашеских братств, возникших на волне войны с исламом, а сам орден взял себе волнующий девиз: «Да покраснеет меч от арабской крови». С тех пор апостол регулярно показывался в разгар битв, облаченный в сияющие доспехи, и верхом на белом коне призывал своих последователей пронзить этим самым мечом неверных.

Но даже тогда христиане Испании не понимали толком, кому именно подчиняться. Это была эпоха Эль Сиды Кампеадора, увенчавшего себя славой героя Испании невзирая на то, что подвизался платным наемником как у мусульман, так и у христиан ⁴⁹. В 1085 году коварный и амбициозный король Кастилии и Леона Альфонсо Храбрый, время от времени нанимавший Эль Сиду, посулами получил контроль над городом-крепостью Толедо, и Толедо занял место разрушенной Кордовы как столицы культуры. В синагоге, спроекти-

⁴⁷ В конце XI века двадцатисемилетний король Арагона и Наварры объявил, что посвятил свои завоевания «восстановлению и распространению церкви Христа ради уничтожения язычников, врагов Христа... дабы королевство... могло быть освобождено ради чести и служения Христу; и чтобы, когда все люди сего несправедливого вероисповедания будут изгнаны и оно очистится от нечистот их дьявольского заблуждения, достопочтенная церковь Иисуса Христа вскармливается бы в нем вечно». O'Callaghan, Reconquest and Crusade, Нужно ли говорить, что короли времен Реконксты жаждали земель и добычи, но в эпоху, когда жизнь определялась верой, слишком просто было принять подобные заявления за пустое позерство, оппортунизм в рясе.

⁴⁸ Позднее считалось, что это поле – Campus stellae, или «Поле звезды», – дало свое имя Сантьяго-де-Компостела, городу, выросшему вокруг предполагаемой гробницы. В 997 году Альманзор сжег Сантьяго и увез колокола его церкви, чтобы переплавить на лампы для кордовской Мескиты; его поступок привел главным образом к тому, что клич «Сантьяго» стал лозунгом Реконксты, а сам город – местом международного паломничества. Когда Реконкиста достигла Кордовы, лампы вернулись домой.

⁴⁹ Настоящим именем паладина было Родриго Диас; «Эль Сид» – испанская версия арабского титула «аль-саид», или «господин», которым наделили полководца его мусульманские войска.

рованной архитекторами-мусульманами ⁵⁰, христиане, мусульмане и иудеи этого города бок о бок отправляли свои ритуалы. В толедской школе переводчиков мусульмане и иудеи совместно переводили с арабского на латынь тексты по медицине, науке и философии. Путешественники пересекали Пиренеи, знакомя с исламской культурой и ученостью остальную Европу, и преобразили ее интеллектуальную жизнь, равно как и ее декоративное искусство, рецепты, моды и песни ⁵¹. На закате конвивенсии испанцы стали хозяевами современного, по нынешним меркам, мира.

Толедо стал конечным ярким сполохом того, что можно назвать последним ярким взрывом творческого взаимовлияния культур. По мере того как христианские армии продвигались все дальше на юг, правители уцелевших мусульманских государств Пиренейского полуострова начали опасаться, что их дни сочтены. Когда энтузиазм Альфонсо Храброго завел его слишком далеко и он провозгласил себя императором всей Испании, аль-Андалус наконец прибег к помощи извне ⁵².

Это стало фатальной ошибкой.

Альморавиды были свирепым мусульманским братством из пустыни Сахара, сложившимся вокруг бескомпромиссного проповедника, настаивавшего на жесткой дисциплине и регулярных покаяниях и чистках. Секта уже распространила свое влияние на юг, на области Африки южнее пустыни Сахара и на север в Марокко, и только и ждала того, чтобы перенести его через Гибралтарский пролив в Испанию. Едва прибыв туда, альморавиды решили, что их собратья по вере – свора полоумных гедонистов, и вернулись домой, чтобы вооружиться фатва – решением муфтиев, основанном на принципах ислама или прецедентах мусульманской юридической практики, которое подтвердило бы их право сместить испанскую элиту. По их возвращении гордые арабы аль-Андалуса скрепя сердце повиновались. Новый халифат династии Альморавидов ⁵³ должным образом объединил сварящиеся города-государства и отбросил христиан, пока сам не обленился и не был изгнан альмохадами ⁵⁴, еще одной берберской династией, чьи войска хлынули через Сеуту ⁵⁵.

⁵⁰ В конечном итоге синагога была взята штурмом толпой христиан и превращена в церковь Санта-Мария-ла-Бланка. Водоворот соперничества городов-государств и взаимовлияния культур, возникший в результате распада аль-Андалуса, сравнивали с итальянским Ренессансом. См.: Maria Rosa Menocal. *The Ornament of the World: How Muslims, Jews, and Christians Created a Culture of Tolerance in Medieval Spain* (Boston: Little, Brown, 2002), 40–41, 144.

⁵¹ Среди самых влиятельных в культурном плане фигур аль-Андалуса был певец из Багдада Зириаб, который стал законодателем мод и манер исламской Испании и привез с собой на запад репертуар, состоявший из десяти тысяч песен о любви, утрате и тоске. Когда арабские песни пересекли Пиренеи, не в последнюю очередь вместе с захваченными в плен квииянами – или девушками-певицами, – то достигли ушей французских трубадуров, оказали значительное влияние на европейскую музыку и литературу и, возможно, вдохновили концепцию куртуазной любви. Fletcher. *Moorish Spain*, 43–45; Menocal. *The Ornament of the World*, 123. Зириаб скончался в 857 году; влияние аль-Андалуса могло отчасти сказываться в Европе, однако произведения французских трубадуров появились лишь после Второго крестового похода, а концепция куртуазной любви начала формулироваться в «Трактате о любви» (1186) Андрея Капеллана, то есть за три века до падения аль-Андалуса. – *Примеч. пер.*

⁵² Альморавиды призвал эмир Севильи Мухаммед ибн Аббад аль-Мутамид, известный замечанием – после падения Толедо перед армиями Альфонса Храброго – мол, «лучше быть погонщиком верблюдов в Африке, чем свинарем в Кастилии». Fletcher. *Moorish Spain*, 111.

⁵³ Династия была основана Юсуфом ибн Ташфином, главнокомандующим альморавидов, который в 1086 году стал полноправным эмиром. – *Примеч. пер.*

⁵⁴ Новые правители не уничтожили полностью прочно укоренившуюся в аль-Андалусе тенденцию к учености. Ибн Рушд, известный на западе как Аверроэс, был главным судьей Севильи до тех пор, пока Альмохады не послали его королевским лекарем в свою столицу Марракеш. Его комментарии к Аристотелю, где утверждалось, что наука должна стоять выше религии, поскольку Господь создал логичную вселенную, которую можно постичь при помощи разума, были переведены в Толедо и подтолкнули развитие схоластики, господствующего философского и теологического учения средневековой Европы. Рационалистическая позиция Аверроэса нашла, как это ни странно, сторонника в лице халифа династии Альмохадов Абу Якуба Юсуфа и была увековечена в «Символе веры Альмохадов» 1183 года, но с ростом религиозной нетерпимости философ был отправлен в изгнание, а его книги сожжены. История жизни современника Аверроэса Мусы ибн Маймуда, известного на западе как Маймонид (В русской литературе – Моисей Египетский. – *Примеч. пер.*), отражает конец конвивенсии. Выходец из имеющей давние традиции среды арабиизированных евреев Кордовы, он избежал преслед-

Альмохады были еще более фанатичными фундаменталистами, чем альморавиды, и взялись преобразовывать аль-Андалус в государство джихада.

Давным-давно, когда ислам распространился за пределы Аравии, его ученые разделили весь мир на Дар аль-Ислам, или «дом ислама», и Дар аль-Харб, или «дом войны». Согласно этой доктрине, долг первого воевать со вторым, пока второй не исчезнет совсем. Вооруженный джихад (само слово «джихад» переводится как «борьба» и часто обозначает внутреннее стремление к благодати) был божественно санкционированным инструментом экспансии. Когда «дом ислама» распался на фракции и мусульмане начали воевать с мусульманами, зачала сама сильная рука священной войны. Но движение альмохадов отвергало подобную немощь и не только подвергло жестокой критике собратьев-мусульман, но и объявило вечный джихад против испанских христиан и евреев. Согласно лишившемуся корней и безжалостно обкорнанному вероучению альмохадов, христиане были ничем не лучше язычников: раз они почитали божественную Троицу, а не единого истинного Бога, то не заслуживали статуса защищенных зимиев. Еще остававшиеся в аль-Андалусе зимии были поставлены перед ультиматумом: обращение или смерть. Поставленные перед таким выбором, многие бежали на отвоеванные у мусульман территории.

Сходную трансформацию претерпело и западное христианство. Начавшись как смиренное движение иудеев-сектантов, оно было признано официальной религией Римской империи и довольно скоро примирилось с войной. Легионы Рима маршировали на битву под знаком креста, и так же поступали последовавшие одна за другой волны варваров, многие из которых сами обратились в католичество под острием меча. Святой Августин, первый христианский мыслитель, сформировавший концепцию справедливой войны, осуждал сражения, ведущиеся ради власти или богатства, приравнивая их к грабежу, но признавал, что на насилие надо отвечать насилием ради сохранения мира. Дорожка от Августина пролегла извилистым путем через мародеров-варваров и викингов, через грандиозные папские чаяния и Европу в тени военных лагерей, пока войну за христианскую веру не стали считать благородной борьбой против Антихриста. Католические теологи, когда наконец взялись разгадывать тайны ислама⁵⁶, не видели в примирении двух религий ни доктринального, ни практического смысла: если мусульмане хотя бы признавали христиан своими, пусть и заблудшими, предшественниками в вере, христианам их религия неумолимо твердила, что мусульмане безнадежно заблуждаются.

При всех их различиях противопоставило друг другу христианство и ислам как раз их сходство. В отличие от прочих крупных религий каждая из них притязала на эксклюзивное владение высшим божественным откровением. В отличие от большинства обе они были религиями миссионерскими, стремившимися донести свою весть до неверующих, на которых навешивали ярлык язычников или неверных. Как вселенские религии и географические соседки они были естественными соперницами. На западе это соперничество сдерживалось горсткой просвещенных правителей, неповоротливостью протяженной исламской империи и кровавой обращенностью во внутрь себя Европы. Но последний отблеск терпи-

дований Альмохадов, перебравшись в Египет, где тоже занимал пост королевского лекаря, но рассорился с властями из-за новых гонений на евреев. Повернувшись спиной к собственному прошлому, он отверг (в трактатах на арабском языке) идею сотрудничества евреев с мусульманами как катастрофическую и предсказал закат ислама. Однако полученное в аль-Андалусе образование подготовило его к написанию самого влиятельного из всех арабских трудов, который пытался примирить аристотелевскую логику с религией – «Руководства для колеблющихся», равно как и учебников по медицине, которые все еще были в большом ходу в эпоху Ренессанса. Интеллектуальное воздействие мусульманской Иберии чувствовалось в Европе еще долгое время после ее заката.

⁵⁵ Подобно альморавидам, альмохады изначально являлись религиозным движением, возникшим в Северной Африке на волне исламского очищения и против нарушения альморавидами ряда норм ислама и объявившим священную войну альморавидам, на руинах государства которых в Тунисе и Марокко основали собственную династию. – *Примеч. пер.*

⁵⁶ Первый перевод Корана на латынь был сделан в 1143 году.

мости быстро угасал, исламский мир расщеплялся на более острые осколки, а Европа наконец всколыхнулась.

Папа призвал к оружию воинов западного христианства. Десятки тысяч христианских солдат двинулись на юг по Испании ⁵⁷, одержимые мстительным и фанатичным порывом изгнать ислам из Европы.

На западной оконечности мира священная война была провозглашена одновременно по обе стороны все расширяющейся пропасти. Не случайно, что потомки борцов за свободу Пиренейского полуострова переплывут океаны, чтобы завоевать дальние страны во имя Христа. Война с исламом была у них в крови: на ней зиждилось само существование их государств.

Когда битва за Запад достигла своей кульминации, воодушевленные европейцы обратили свои взоры на Восток. Ответный удар по исламу, начавшийся в Испании, переносился на сам Иерусалим и теперь получил имя, под знаком которого пройдут последующие столетия: крестовые походы.

⁵⁷ Поворотная битва при Лас Навас де Толоса произошла в 1212 году на равнине у восточного подножия Сьерра-Морена, горной гряды, которая разделяет Андалусию и Ламанчу. По сообщениям ряда современников, вся испанская армия попала в ловушку на плато, и от катастрофы ее спас только некий пастух, показавший крутую тропу, которая спускалась к мусульманскому лагерю. Как водится, позднее открылось, что в обличье пастуха испанцам явился не кто иной, как давно покойный святой.

Глава 2

Святая земля

Под палящим зноем лета 1099 года тысячи обожженных солнцем христианских солдат прошли всю Европу, переправились в Азию и стеклись к Иерусалиму. Пропливая слезы радости, распевая молитвы и усматривая видения в небесах, они, пригибаясь под дождем ядер из мусульманских катапульти, подвели деревянные осадные башни к высоким белым стенам святого города. Разрушив укрепления, они прорубали себе дорогу по отмеченным шрамами времени улицам, пока, казалось, не закровоточили сами камни. Едва покончив с резней, пошатываясь под грузом награбленного, они собрались в церкви Гроба Господня и молились у гробницы Христа. Через 461 год после того, как стал мусульманским, Иерусалим снова был в руках христиан.

Всплеск европейского религиозного рвения, давший начало Первому крестовому походу, зародился четырьмя годами ранее, в лесистых горах Центральной Франции. Там холодным ноябрьским утром 13 архиепископов, 90 аббатов, 225 епископов и бряцающая оружием процессия сеньоров и рыцарей собрались послушать торжественное воззвание папы римского. В церковь все не поместились, и собравшиеся перебрались на соседнее поле, чтобы услышать громкий призыв к оружию, который обрушит на Восток столетия священной войны.

Папа Урбан II ⁵⁸, в миру Одо Шатильонский, происходил из рыцарской семьи в Шампани. На великий замысел его вдохновила иберийская Реконкиста, а действовать подтолкнула настоятельная просьба из Константинополя.

Шесть столетий спустя после падения Рима Константинополь все еще считал Западную Европу имперской провинцией под временной оккупацией варваров и наотрез отказывался признать папу римского верховным главой христианства. Каких-то сорок лет назад легаты папы все еще обивали пороги под головокружительным куполом кафедрального собора Константинополя Святой Софии и в приступе раздражения отлучили от церкви патриарха ⁵⁹, что раз и навсегда разделило восточное православие и римско-католическую церковь. Просить помощи у Рима было мучительно, но у Константинополя не оставалось иного выбора.

С его площадями и улицами, украшенными греческими и римскими скульптурами, с его ипподромом, обрамленным позолоченными статуями всадников, и рядами, способными вместить сотню тысяч человек, с церквями, сияющими золотом мозаик, и мастерскими, заполненными утонченными иконами и шелками, Константинополь знал только одного соперника за титул самого великолепного метрополиса известного мира. Этот соперник был построен Аббасидами, арабским кланом, изгнавшим халифов династии Омейядов ⁶⁰ с их

⁵⁸ По иронии судьбы папа, вдохновивший огромные армии в поход на Восток, сам не мог попасть в Рим: там угнездился его соперник, посаженный на папский престол императором Священной Римской империи Генрихом IV, увязшим в печально известной борьбе с предшественником Урбана папой Григорием VII из-за того, кто над кем владеет верховной властью. Многие годы Урбан изгнанником блуждал по Италии, полагаясь на милостыню и погрязнув в долгах; в тех немногих случаях, когда ему удавалось попасть в Рим, ему приходилось запираиться на острове Тибр во дворце кого-нибудь из соратников, а его сторонники вели нескончаемые битвы с войсками так называемого антипапы. В 1095 году положение Урбана все еще было шатким, и костяк крестоносной армии составляли воины с его родины на севере Франции.

⁵⁹ Патриарх не остался в долгу и отлучил от церкви легатов. Невзирая на сомнения в легитимности этих постановлений, связи православной и римско-католической церквей, и без того непрочные, наконец порвались и больше никогда не восстанавливались.

⁶⁰ Аббасиды разбили Омейядов в 750 году, а в 762 году перенесли их столицу в Багдад. Среди немногих уцелевших на кровавом пиру был юный принц Абд ар-Рахман, которому удалось скрываться от посланных за ним убийц всю дорогу до Испании, где он восстановил Омейядов как правящую династию аль-Андалуса.

престола в Дамаске и нанеся завершающий удар, пригласив восемьдесят свергнутых кузенов на пир: после обеда принцев зарезали, затем столы накрыли вновь и новые правители пировали под стоны умирающих. В VIII веке Аббасиды бросили враждебный Дамаск ради места на реке Тигр, там, где она ближе всего подходит к Евфрату, и в двадцати милях от грозящих руин древней персидской столицы Ктесифона. Новая столица была оптимистично наречена Мадина-ас-Салам, или «Город мира», и позднее была переименована в Багдад, или «Божий дар».

Как наследник столетий культурного великолепия и место пересечения потоков знаний, текущих из конца в конец исламской империи, Багдад быстро стал интеллектуальным центром всего мира. Ученые самых разных национальностей собирались в его Доме Мудрости переводить огромное собрание греческих, персидских, сирийских и индийских текстов по науке, философии и медицине на арабский язык, а исламские теологи опробовали Коран на Аристотеле. Математики завезли из Индии и усовершенствовали десятичную позиционную систему счисления и раскрыли секреты алгебры и алгоритмов. У взятых в плен китайцев здешние ученые выжили секрет изготовления бумаги, и межбиблиотечный обмен распространял все растущий свод знаний. Инженеры и агрономы усовершенствовали водяное колесо, улучшили ирригацию и собирали урожаи новых культур; географы наносили на карты сушу, астрономы – звездное небо. Эхо багдадского ренессанса учености волнами расходилось по всему миру, – но и тогда он уже гнил изнутри.

Халифы династии Аббасидов построили Багдад как абсолютно круглый город, и в его сердце находился монументальный дворцовый комплекс, Золотые Врата. По мере того как их образ жизни становился все более царским, Золотые Врата стал дворцом удовольствий, вина, женщин, песен и поразительных пиров; в мире, описанном в сказках «Тысяча и одна ночь», придворные целовали землю, приближаясь к халифу, за которым повсюду следовал палач и который сбегал от общественных обязанностей в огромный гарем, полнившийся звуком мягких шагов собранных со всего света наложниц и капризных, остроумных певиц. В 917 году посольство из Константинополя принимал военный эскорт всадников на лошадях с золотыми и серебряными седлами, слонов в пополах из парчи и атласа, сотни львов и двух тысяч черных и белых евнухов. Слуги разносили вино со льдом и фруктовые соки. Дворец был увешан 38 тысячами занавесей из золотой парчи и устлан 22 тысячами ковров, а в выложенном оловом озере плавали четыре золотых с серебром корабля. Из другого пруда росло искусственное дерево, с которого свисали плоды из драгоценных камней, а на золотых и серебряных ветвях сидели золотые и серебряные птицы; по приказу халифа дерево начинало раскачиваться, металлические листья шелестели, а металлические птицы чирикали⁶¹. Все это плохо сочеталось с идеалами равенства мединской уммы, и по мере того как росло возмущение, халифы решили обезопасить себя, создав личную армию гулямов, турецких рабов, захваченных в стычках с дикими племенами, кочевавшими в степях Центральной Азии. Новая армия решила проблему, но лишь на короткий срок. Турки обратились в ислам, переняли местную культуру и совершили серию военных переворотов: за девять лет по меньшей мере четыре из пяти халифов были убиты. Когда возмущенные багдадцы восстали, турки дотла сожгли целые районы города. Центр Багдада не смог устоять, как не устоял и центр широко раскинувшейся исламской империи. На западе секта шиитов⁶² завладела контролем

⁶¹ Сказочные красоты описаны историком XI века аль-Хатибом аль-Багдади. См.: Hugh Kennedy. *The Court of the Caliphs: The Rise and Fall of Islam's Greatest Dynasty* (London: Weidenfeld & Nicolson, 2004), 153.

⁶² Секта принадлежала к исмаилитам, возводящим законную линию преемственности к Мухаммеду через имама Исмаила ибн Джафара. Багдадские миссионеры принесли это учение в Тунис и в 909 году подняли местное население на восстание, что привело к установлению правления самозванного потомка пророка через Фатиму, Али и Исмаила. В 949 году его потомки, называвшие себя Фатимидами, овладели Египтом, в котором на протяжении двадцати двух лет правил евнух и бывший раб Абу аль-Миск Кафур. Согласно одной легенде, историкам, усомнившимся в его родословной, новый правитель халиф аль-Муиз ответил, обнажив меч и засыпав пол золотыми монетами: «Вот моя родословная».

над Тунисом и Египтом; их правящая династия, называвшая себя Фатимидами, поскольку претендовала на происхождение от дочери Мухаммеда Фатимы, распространила свое владычество на Сирию, Палестину и большую часть самой Аравии и на протяжении двух столетий правила как соперничавший халифат со столицей в Каире. На востоке на время ожила Персидская держава ⁶³, пока экспансия Китая на запад не вытолкнула тюркские племена в Иран, где они создали собственные независимые царства и лишь на словах подчинялись халифам. В 1055 году тюркское племя сельджуков, получившее название от имени своего первого вождя Сельджука, наконец захватило Багдад, посадило там своего вождя султаном, которому принадлежала вся полнота светской власти, оставив халифам лишь отправдение религиозных ритуалов.

За всеми этими потрясениями Византийская империя наблюдала удовлетворенно. Она вернула себе кое-что из давно утраченных земель, и ее армии почти достигли врат Иерусалима. Однако падение Багдада обернулось для его соперницы далеко не триумфом. Вскоре сельджуки хлынули через восточные границы Византии, за два десятилетия они разгромили ее армии ⁶⁴ и в десять раз сократили ее территорию. Теперь их силы стягивались к самому Константинополю, и сокровищница античности как будто оказалась на грани уничтожения.

Скандалные слухи ⁶⁵, что будто бы турки заставляют христианских мальчиков мочиться в крестильные купели и насилуют духовных лиц, монахов и даже епископов, бредили Европу годами, но для тех, кто их пропустил, папа Урбан все разложил по полочкам. «Турки, – зловеще проповедовал он с импровизированной кафедры, – до основания разрушили одни храмы Господни, а другие приспособили к отправлению собственного культа. Они оскверняют алтари нечистотами и испражнениями. Они подвергают христиан обрезанию и кровью от обрезания обмазывают алтари или сливают ее в крестильные купели. Им нравится убивать, вспарывая животы жертвам, вытаскивая конец внутренностей и привязывая их к столбу. После они кнутах гонят свои жертвы вокруг столба, пока внутренности у них не вывалятся и они не упадут замертво. Других они привязывают к столбам и пускают в них стрелы; еще других они хватают и вытягивают за шею и проверяют, смогут ли отсечь им голову одним ударом меча. И что мне сказать об ужасном насилии над женщинами?» ⁶⁶

Такого перечисления ужасов хватило бы, чтобы у христиан вскипела кровь. Но Урбан на этом не остановился. Уговорить католических рыцарей отправиться на помощь право-

⁶³ Империя Саманидов просуществовала с первой четверти IX и до конца X века; ее столица Бухара соперничала с Багдадом за роль культурного центра. Главным из ее интеллектуальных светил был философ и врач Ибн Сина, почитаемый на западе под именем Авиценны; его «Китаб аль-канун фи-т-тибб» («Канон врачебной науки»), огромная энциклопедия греческих и арабских знаний о медицине, был основным текстом медицинских школ Европы и Азии до Нового времени.

⁶⁴ В битве при Манцикерте в 1071 году. В довершение унижения победивший в ней султан Аль-Арслан убил побежденного императора Романа IV Диогена добротой: он осыпал его дарами и отправил домой, где внутренние враги выкололи ему глаза. Пока Константинополь позволял себе отвлекаться на гражданские войны, турки, практически не встречая сопротивления, заняли обширный Анатолийский полуостров – огромную римскую провинцию Малая Азия, в настоящее время это азиатские территории Турции. В мгновение ока империя сократилась до своей столицы и горстки беззащитных и разрозненных прибрежных областей.

⁶⁵ Одно подстрекательское письмо было якобы адресовано графу Роберту Фландрскому византийским императором Алексеем I Комниным. В нем описывалось не только повсеместное осквернение церквей, но и утверждалось, что турки выстраивались в очереди, дабы осквернять девственников, заставляя матерей не только смотреть, но и распевать непристойные песни, и насиловать мужчин всех возрастов, включая клириков, монахов и даже епископов. Письмо, написанное красочным языком желтой прессы, возможно, апокриф или же может быть более поздней подделкой, основанной на реальном материале. Так или иначе, обвинения рисуют картину того, как поразительно далеко зашла враждебность между христианами и мусульманами. Andrew Holt & James Muldoon, eds. *Competing Voices from the Crusades* (Oxford: Greenwood, 2008), 9.

⁶⁶ Роберт Реймский, цитируется по: Thomas E. Madden. *The New Concise History of Crusades* (Lanham, MD: Rowan & Littlefield, 2005), 8-Дословный текст речи Урбана II не сохранился; версия Роберта Реймского была написана двадцать лет спустя после произнесения самой речи, и перечень злодеяний мусульман в ней, возможно, приведен, чтобы оправдать Первый крестовый поход задним числом.

славному Константинополю и его известному своими интригами императору было непросто, и папа направил крестовый поход в иное русло – на Иерусалим ⁶⁷.

В эпоху, когда мужчины и женщины ревностно совершали паломничества, чтобы прикоснуться к божественной благодати, исходящей от реликвий малоизвестных святых, город, где Иисус проповедовал, умер и воскрес, был святым граалем всех кающихся. Столетиями мусульманские правители Иерусалима довольствовались взиманием с христиан платы за разрешение помолиться в святых местах, но новые власти исламского мира порвали со старой традицией. В 1009 году некий египетский правитель ⁶⁸ возмутился, что повсюду расхищает множество христианских паломников, и приказал снести до основания храм Гроба Господня. Храм восстановили после выплаты огромной дани, но вскоре после этого у врат Иерусалима объявились турки и с новым пылом взялись преследовать паломников. Как плененная девственница, папа Урбан играл на душевных струнах рыцарей: Иерусалим, дескать, молит об освобождении и «не перестает взывать к вам о помощи» ⁶⁹.

То, как обращались с христианами в святом городе, было дьявольски унижительным, но в реальности Урбану так же отчаянно нужно было убрать европейских рыцарей с Запада, как и отправить их на Восток. Когда закончились наконец темные века, обширному классу хорошо обученных и дорого вооруженных воинов оказалось нечем заняться, разве только нападать друг на друга, терроризировать беззащитное население или – к возмущению Рима – совершать набеги на церковную собственность. «От того, – корил собравшихся рыцарей папа, – вы убиваете друг друга, от того ведете войну и от того часто погибаете от взаимных ран. Пусть отныне ненависть уйдет промеж вами, пусть ваши ссоры окончатся, пусть прекратятся войны и пусть утихнут все разногласия и споры. Ступите на путь, ведущий ко Гробу Господню; отберите эту землю у нечестивого народа и покорите ее себе... ради отпущения грехов ваших, в уверенности славы вечной в царстве небесном» ⁷⁰. Далее он объявлял, что сам Христос приказывает им истребить мерзостных турок в его земле.

– Deus lo volt! Этого хочет Бог! – вскричали рыцари.

При всей зажигательной риторике Урбана идея войны во имя Христова была не нова. Беспрецедентным было сочетание военного похода с пожизненным паломничеством. Перспектива была такой манящей, что тысячи бедных мужчин, женщин и детей стекались к подстрекателям-проповедникам вроде Петра Пустынника, имевшего, как повсеместно полагалось, послание с самих небес, в котором Господь приказывал его людям напасть на турок. Вооруженные лишь верой в то, что Господь рассеет неверных у них на пути, поход нищих отправился на Восток еще до того, как начали собираться европейские войска. По пути многие паломники практиковали резню в богатых иудейских общинах, пока не добрались до Константинополя, где пришедший в ужас император спешно отослал их прочь из города, и они приняли ужасный конец от рук турок.

Когда в следующем году начался настоящий крестовый поход, страшные тяготы пути превратили гордых воинов в оголодавших зверей, отрезавших гниющие ягоды заруб-

⁶⁷ Роберт Реймский сообщает, что Иерусалим занимал центральное место в речи Урбана. Согласно Фульхерию Шартрскому, присутствовавшему на совете в Клермоне, Урбан, напротив, подчеркивал необходимость защитить Константинополь от быстро подступающих турок. В собственном письме крестоносцам, написанном вскоре после совета, Урбан II говорит о произволе мусульман, захвативших «святую город Христа», но не призывает явно к его освобождению. Однако, по всей вероятности, он на это надеялся. Edward Peters. *The First Crusade: The Chronicle of Fulcher of Chartres and Other Source Materials* (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1971), 30–31, 16.

⁶⁸ Халиф династии Фатимидов аль-Хаким, контролировавший в тот период Иерусалим, развернул широкомасштабную программу по уничтожению христианских церквей в Египте и в Иерусалиме. Его более терпимый сын и наследник позволил Константинополю смягчить меры, согласившись на восстановление храмов. В 1073 году Фатимиды были вынуждены отдать Иерусалим туркам, но вернули себе город в 1098 году, за год до появления в Святой Земле крестоносцев.

⁶⁹ Роберт Реймский, цитируется по: Edward Peters. *The First Crusade*, 4.

⁷⁰ Там же, 3–4.

ленных мусульман и зажаривавших их на костре, а после вгрызавшихся в еще полусырое мясо. Однако сама атака на Иерусалим гарантировала возмещение. Память о том дне резни лета 1099 года не умрет никогда: ни в мусульманском мире, авторы которого стонали, что погибли сотни тысяч человек, ни среди христиан, которые с мрачным упоением писали домой о «чудесных делах»⁷¹, сотворенных во имя Господа. По сообщениям очевидцев, горы голов, рук и ног загромождали улицы. Убегающих женщин насаживали на мечи. Видели, как рыцари «за ноги хватали младенцев с коленей матерей или из колыбелей и разбивали их о стены и ломали им шеи»⁷² или вскрывали животы умершим, чтобы достать золотые монеты, которые те «протолкнули себе в мерзкие горла, пока были живы»⁷³. В мечети аль-Акса⁷⁴, почитаемой мусульманами как храм, куда ночью прискакал на крылатом скакуне Мухаммед перед тем, как вскарабкаться с расположенной неподалеку скалы⁷⁵ на небеса, резня была такова, что очевидцы спорили, были ли крестоносцы в крови по щиколотку, по колено или по поводья лошадей⁷⁶. Вонь витала в воздухе еще месяцами, даже после того, как тысячи гниющих тел были сложены – силами уцелевших мусульман – под стенами города «кучами размером с дома»⁷⁷ и сожжены на медленно горевших кострах, дым которых застилал небо и с которых потом собрали еще больше проглоченного золота. Размах резни только раздул веру крестоносцев в то, что благословение сияет на них с небес; один восторженный монах заявил, что завоевание Иерусалима было величайшим событием в истории со времен Распятия, предвестником прихода Антихриста и наступления Последних дней⁷⁸.

Иерусалим стал столицей христианского королевства, и длинная череда французских королей, большинство из которых звались Балдуинами, была коронована в храме Гроба Господня. К северу от Иерусалима вдоль восточного побережья Средиземноморья протянулись еще три государства крестоносцев: Эдесса, Антиохия и Триполи. На знойных землях Сирии и Палестины вырос кордон замков, один монументальнее другого и каждый на расстоянии не более дня пути верхом от предыдущего. Гарнизонами в самых больших стали

⁷¹ Раймунд Алигьерский, цитируется по: Thomas Asbridge. *The First Crusade: A New History* (London: Free Press, 2004), Цифра в 100 тысяч погибших оказывается чрезмерно завышенной, если рассматривать ее на фоне численности населения Иерусалима того периода, которое скорее всего достигало 30 тысяч человек.

⁷² Альберт Аахенский, там же, 317.

⁷³ Фульхерий Шартрский, там же, 318.

⁷⁴ Название означает «Самая дальняя мечеть». Это величественное каменное здание в западной части Храмовой горы было возведено уже после смерти Мухаммеда, но стало широко отождествляться с земным концом ночного путешествия и вознесения пророка. Поскольку вскоре в Иерусалиме не осталось ни одного мусульманина, который мог бы это объяснить, крестоносцы сочли, что перед ними иудейский Первый храм, возведенный царем Соломоном. Также не осталось ни одного иудея, который мог бы показать, что храм царя Соломона был разрушен вавилонским царем Навуходоносором за тысячу шестьсот лет до появления крестоносцев. Первые короли крестоносцев, ни о чем не подозревая, устроили в мечети свой дворец, а после передали здание недавно созданному рыцарскому ордену, известному как Бедные рыцари Христа. Поскольку Бедные рыцари считали, что под мусульманскими полами, по которым ступают ноги христиан, лежит иудейская история, они вскоре стали известны как рыцари-тамплиеры.

⁷⁵ Скала находится на Храмовой горе под мечетью «Купол скалы», мусульманским храмом, возведенным в конце VII века в результате успешной попытки превзойти религиозные здания прочих религий. Согласно учению иудеев, эта скала представляет собой Краеугольный Камень, из которого была создана земля, алтарь, на котором Авраам собирался принести в жертву своего сына, и место упокоения Ковчега Завета, хотя все три эти варианта вызывают споры. В 2000 году глава тогдашней оппозиции Израиля Ариэль Шарон прогулялся по Храмовой горе, что спровоцировало шестигодичную интифаду; так продолжают накапливаться религиозные слои Иерусалима.

⁷⁶ В то время как мусульманские авторы преувеличивали число погибших, раздувая возмущение своих собратьев по вере, христианские авторы завышали то же число из гордости людей, творящих Божье дело. Фульхерий Шартрский, посетивший Иерусалим через пять месяцев после завоевания, писал, что почти 10 тысяч человек было убито в одном только «Храме Соломона»; мусульманский историк Али ибн аль-Атхир приводит цифру в 70 тысяч. Ни одну из них нельзя принимать буквально; фраза Раймунда Агильерского о крови, достигавшей поводьев лошадей, взята прямо из Книги Откровений.

⁷⁷ Анонимная «Геста франкорум» («Деяния франков»), цитируется по: Asbridge. *First Crusade*, 320.

⁷⁸ Роберт Реймский. Некоторые христианские фундаменталисты считают нынешний Израиль предшественником этого государства.

славящиеся своей дисциплиной и баснословным богатством военные ордена, выросшие из братств, чьей первоначальной целью были уход за больными паломниками и охрана их в пути. Рыцари-госпитальеры и рыцари-тамплиеры стали элитными подразделениями святого воинства, подотчетными только папе римскому. Тамплиеры скакали в авангарде крестоносцев на лошадях, налобники которых были снабжены стальными шипами. Идя в атаку с развевающимися за спинами белыми плащами, на которых был нашит красный крест, они выставляли перед собой копья и неслись во весь опор безмолвным, сомкнутым строем на передовые линии противника ⁷⁹.

Тамплиеры и госпитальеры жили как монахи ⁸⁰ и сражались как дьяволы, но зачастую были ожесточенными соперниками. Земля, которую люди Запада называли Отремер – «За морем», с самого начала являлась курьезной аномалией. Эту Европу в миниатюре, пересаженную на Восток и одетую в экзотические цвета, терзало то же соперничество высокомерных правителей, которое заставляло сеньоров вцепляться в глотку друг другу дома, и вскоре Отремер пал жертвой обычных распрей. Одни крестоносцы постоянно интриговали друг против друга, остальные же оставили идею священной войны и ассимилировались. Кроважественные новоприбывшие возмущались, обнаружив, что их предшественники повязывают головы арабскими платками, опрыскивают себя благовониями и сидят по-турецки на плиточном полу подле плещущих фонтанов, пока их развлекают танцовщицы. Для них было придумано унижительное наименование «пулины», или «дети», – и растущая отчужденность неминуемо должна была закончиться скверно.

Государства крестоносцев в плане выживания всегда полагались на разобщенность мусульман, окружавших их с трех сторон. На севере турки-сельджуки погрязли в свирепых внутренних конфликтах. На востоке лежали враждующие между собой города-государства Сирии, а на юго-западе Египет с шиитской династией Фатимидов переживал последний губительный скандал. В этом хаосе процветала отколовшаяся от шиитов секта ⁸¹, которая с большей охотой вонзала нож в спину собратьям-мусульманам, чем убивала христианских захватчиков. Их штаб-квартира располагалась в гористой области у побережья Сирии, в крепости, построенной на горном уступе, откуда их глава, призрачная фигура, известная европейцам как Старец Горы, якобы приказывал своим последователям прыгать и разбиваться насмерть, чтобы произвести впечатление на проезжающих мимо крестоносцев. Остальному мусульманскому миру секта была известна как гашишины, или «поедатели гашиша», – общепринятое унижительное прозвище, которое крестоносцы переделали в название «ассасины». Отсюда был лишь один шаг до фантазий западных баснописцев, утверждавших, что членам культа давали в ходе оргий в дыму гашиша мельком увидеть Рай, а после посылали с самоубийственным заданием, по выполнении которого им будет раз и навсегда открыта дорога на небеса. Находились они под действием наркотика или нет, но

⁷⁹ О впечатлении, которое производили на поле боя тамплиеры, см. анонимный рассказ некоего паломника, известный как «Tractatus de locis et statu sanctae terrae» («Трактат о местах и положении Святой Земли»), цитируется по: Helen Nicholson. *The Knight Templar: A New History* (Stroud, UK: Sutton, 2001), 67–68.

⁸⁰ Тамплиерам не позволялось владеть имуществом, и они приносили обет целомудрия. Каждый их шаг регулировал пугающе детальный устав, даже малейшие его нарушения означали год бичевания и принятия пищи с земли. В конечной своей редакции устав включал 686 статей. См.: Malcolm Barber. *The New Knighthood: A History of the Order of the Temple* (Cambridge: Cambridge University Press, 1994), 182, 219–221.

⁸¹ Ассасины были радикальной группой исмаилитов, недовольных неспособностью египетских Фатимидов навязать шиизм умме. Результатом их кампании террора явилась дискредитация всего шиитского движения. «Пролитие крови мусульманского [еретика], – писал один апологет ассасинов, – заслуживает большего одобрения, нежели убийство семидесяти греческих неверных». Цитируется по: Bernard Lewis. *The Assassins: A Radical Sect in Islam* (London: Weidenfeld & Nicolson, 1967), 48.

ассасины устранили большое число видных мусульман, равно как и множество крестоносцев.

Второй крестовый поход объединил мусульман много лучше, чем они сумели бы это сделать сами. Возглавляемый лично королями Франции и Германии, он начался в 1147 году ради попыток вернуть Эдессу, крестоносное государство, которое первым было завоевано и первым потеряно, и завершился фарсом – атакой на богатый Дамаск, единственный мусульманский город, который действительно был дружески настроен к христианам. Устранив свои разногласия и разгромив рыцарей-паломников, сирийцы вторглись в процветающий, распадающийся Египет, который с отчаяния призвал на помощь крестоносцев, а те сперва защищали Египет, а потом сами же принялись его грабить.

Египтянам пришлось позвать врагов, чтобы изгнать союзников, но на сей раз сирийцы пришли, чтобы остаться. Племянник и правая рука их командующего, молодой курд по имени Юсуф ибн Айюб стал визирем Египта и в 1171 году изгнал последнего правителя династии Фатимидов. Затем Юсуф, который станет известен на Западе как Саладин, уже сам захватил Сирию. Когда в 1176 году сельджуки закопали топор междоусобной войны на достаточно долгий срок, чтобы нанести новое сокрушительное поражение Византийской империи ⁸², Саладин заключил альянсы с обеими сторонами. За десять лет он объединил соседей крестоносцев, устранил потенциальные угрозы своей власти и захлопнул ловушку вокруг христианских государств.

Саладин стал тем противником, которого крестоносцы боялись больше всех: прекрасный тактик, он был заодно глубоко верующим человеком. Он так же фанатично был предан оживлению выдохшегося джихада, как самые ревностные христиане – крестовым походам. Подобно папе Урбану, он поместил Иерусалим в сердце своей кампании по строительству новой исламской супердержавы, но планы у него были еще грандиознее, чем у папы римского. Он заявил, что после завоевания святого города разделит свои земли, составит завещание и будет преследовать европейцев в их далеких странах, «дабы освободить землю ото всех, кто не верует в Бога, или умру пытаясь» ⁸³.

В 1187 году Саладин исполнил первую часть своего обещания. Тем летом он форсировал реку Иордан во главе тридцатитысячной армии, большую часть которой составляла быстрая легкая конница. Навстречу ему вышли двадцать тысяч крестоносцев, включая тысячу двести рыцарей в тяжелых доспехах.

Две армии сошлись неподалеку от Назарета.

Одного только названия доставало, чтобы пульс христиан участился предчувствием неминуемой победы. Но Бог – или тактическое искусство – был не на их стороне. Знать препиралась, следует ли пересекать пустыню под палящим зноем или лучше подождать, пока мусульмане сами придут к ним. Саладин же выманил крестоносцев на иссушенную равнину к западу от Тивериадского озера. Когда у христиан кончилась вода и наступила ночь, мусульманский авангард осыпал их оскорблениями, выпустил поверх их голов дождь стрел и поджег кусты вокруг лагеря, чтобы они задыхались в дыму. На следующее утро ослабевшая христианская пехота беспорядочно сбежала, вскарабкавшись на склоны потухшего вулкана, известного как Хаттинские Рога, и отказывалась спускаться. Рыцари атаковали снова и снова, но свежие мусульманские войска разгромили их за несколько часов ⁸⁴.

⁸² В битве при Мириокефале. Делу христианства не способствовал и тот факт, что шесть лет спустя император не вмешался, когда толпа озверевших православных вырезала тысячи живших в Константинополе католиков и протащила по улицам голову легата папы римского, привязав ее к хвосту собаки, – события, отчасти мотивировавшие хаос и беспорядки во время Четвертого крестового похода.

⁸³ Слова Саладина были записаны его слугой и биографом Баха-ад-Дином, цитируется по: Francesco Gabrieli. *Arab Historians of the Crusades* (Berkeley: University of California Press, 1984), 101.

⁸⁴ По беспощадным меркам своей эпохи Саладин был само великодушие. Пехотинцев продали в рабство, а дворян

Три месяца спустя Иерусалим капитулировал перед курдским завоевателем. Папа немедленно созвал Третий крестовый поход, и на его призыв откликнулся могущественный триумvirат: английский король Ричард Львиное Сердце, французский король Филипп II и император Священной Римской империи Фридрих I. Престарелый Фридрих упал с лошади при переходе вброд реки в Турции и скончался от сердечного приступа; по обычаю того времени плоть с его костей выварили и похоронили, а сами кости зашили в мешок, – так они сопровождали двинувшуюся дальше армию. Ричард осадил прибрежный город Акра, пообещав пощадить его жителей, а после учинил резню трех тысяч пленных, когда город сдался. Филипп рассорился с английским королем из-за награбленного и отбыл восвояси, и крестовый поход угас, не достигнув своей цели.

Новые волны вооруженных паломников накатывали из Европы ради возвращения святого города – с равно плачевными результатами. Самым вопиющим был Четвертый крестовый поход, по распоряжению своих венецианских казначеев свернувший на Константинополь и даже близко не подошедший к Иерусалиму. В 1204 году крестоносцы впервые за девять веков проломили мощные стены Константинополя и разграбили величайший христианский город мира. В величественной Святой Софии пьяные рыцари порубили сверкающий алтарь и топтали бесценные иконы, пока шлюха раздвигала ноги на престоле патриарха. Монахинь насиловали прямо в монастырях, в домах убивали женщин и детей. Венецианцы вывезли с античного ипподрома золоченых коней, чтобы установить над входом в собор Святого Марка, и подчинили себе коммерческую жизнь города. Одного из числа своих оккупанты провозгласили императором, и на протяжении пятидесяти лет существовали три Римские империи: низложенные правители Константинополя в изгнании, Священная Римская империя в Германии и так называемая Латинская империя крестоносцев. Разумеется, ни одна из них не имела власти над самим Римом.

Великое движение Запада на Восток, которое инициировал папа Урбан II, нанесло смертельную рану тому самому городу, который позвал их на помощь.

И вновь все могло бы сложиться иначе. В 1229 году император Священной Римской империи Фридрих II прибыл в Иерусалим и сел за стол переговоров с мусульманскими правителями, чтобы договориться об аренде священного города. При всей своей религиозности Фридрих II был скептиком, выросшим на космополитичной Сицилии⁸⁵, в единственном христианском государстве под стать аль-Андалусу в том, что благосклонно смотрело на плодотворный обмен между тремя религиями Ветхого завета, и его уже отлучал от церкви папа за то, что он отказался отправиться в крестовый поход. Фридрих пировал с султаном, говорил на арабском языке, который неплохо знал, и на следующее утро муэдзины, призывавшие на молитву правоверных с минаретов городских мечетей, из уважения промолчали. В ответ Фридрих настоял, чтобы вечером звучали только мелодичные арабские песни. Договор об аренде был подписан, и на пятнадцать лет Иерусалим вернулся под контроль христиан – к возмущению фанатиков с обеих сторон.

взяли в плен ради выкупа. Грозным рыцарям-монахам из орденов госпитальеров и тамплиеров повезло меньше. Среди своих врагов-мусульман они пользовались славой скорее дьяволов, чем людей; священнослужители выстроили их, чтобы обезглавливать по одному, а Саладин, по сообщению его секретаря Имада ад-Дина, взирал на это с радостью. См.: Barber. *New Knighthood*, 64.

⁸⁵ В XI веке два брата, норманны Рожер и Роберт Гвискар (хитрец), вырвали Сицилию из рук ее правителей-мусульман, которые, в свою очередь, отобрали ее у Константинополя. Норманны были потомками викингов, и еще долгое время после того, как викинги приняли христианство, если где-то велась война, среди воюющих непременно оказывались и норманны. Однако странствующие воины быстро адаптировались к своему новому дому, и особенно их привлекла утонченная Сицилия. Управление ею было отдано в умелые руки меритократов из среды иудеев, мусульман и христиан, и религиозная свобода процветала. Мусульман-путешественников поражал теплый прием в христианском Палермо, где женщины ходили к мессе в восточном облаке шелковых одежд, разноцветных вуалей, носили золоченые туфли и украшали себя татуировками хной, и с еще большим удивлением мусульмане обнаруживали, что некоторые норманны довольно сносно говорят по-арабски.

Фридрих – известный среди равных, которые, впрочем, не всегда им восхищались, как *Stupor mundi*, или «Чудо света», – был свободомыслящим человеком, а потому аномалией. На какое-то время вспышка мирного света осветила возможный силуэт совершенно иного будущего, но и она скоро угасла. Вмешательство Фридриха в конечном итоге еще более взбудоражило Европу, и крестовые походы потянулись к своему неизбежному концу. Для многих последним шокирующим прозрением стал провал Седьмого крестового: его армии уничтожили голод, болезни и военное поражение в Египте, который так самоуверенно взялся покорить Людовик IX Французский.

«Горе и ярость поселились в моем сердце, – писал в душевных терзаниях один тамплиер, – укрепились так прочно, что я едва смею оставаться в живых»⁸⁶.

«Казалось, Господь пожелал поддержать турок к нашему урону... О, Господь Всемогуший... увы, королевство Востока утратило так много, что ему уже не подняться больше. Они превратят в мечеть монастырь Пресвятой Девы, и поскольку кража угодна Сыну ее, кто будет над этим плакать, подчинимся и мы тоже... Любой, кто желает воевать с турками, безумен, ибо Иисус Христос больше с ними не воюет. Они завоевали, и они будут завоевывать. Что ни день они преследуют нас, зная, что Бог, который бодрствовал, ныне спит, а Мухаммед прирастает силой».

Хотя Людовика выкупили за астрономическую сумму и позднее канонизировали, некоторые святые воины утратили всяческую надежду и перешли на сторону мусульман.

Когда последние твердыни крестоносцев вот-вот должны были пасть и тысячи христианских беженцев осадили побережье Палестины, казалось, только чудо способно спасти Европу от поглощения исламом.

И в этот момент на Восток ворвалась орда свирепых всадников.

Изо всех вторжений кочевых племен, волнами накатывавшихся на запад через Азию, приход племен, объединенных Чингисханом, оказался не только самым неожиданным, но и самым опустошительным. В начале XIII века военная машина монголов прокатилась по Китаю, повернула на запад и выжгла себе дорогу через Иран и Кавказ. Всадники пронесли через Русь в Польшу и Венгрию, где стерли с лица земли внушительную европейскую армию, в рядах которой были большие отряды тамплиеров и госпитальеров. В 1241 году они дошли до Вены – и внезапно растворились так же быстро, как появились, отозванные домой смертью своего великого хана⁸⁷.

Европа, убежденная, что Апокалипсис уже близок, в последний момент получила передышку. Исламскому миру повезло меньше. Там монголы остались, а в тех областях, по которым неудержимо прокатывалась орда, лежали тлеющие руины бесчисленных великих городов.

Халифы еще укрывались в своих багдадских дворцах, когда у их ворот объявилось новое бедствие из степей. В 1258 году монголы разграбили Багдад и внезапно положили конец пяти векам правления Аббасидов. У победителей было табу на пролитие королевской крови, поэтому последнего халифа закатали в ковер и до смерти затоптали лошадьми. Багдад сожгли, его население вырезали, его дворцы разграбили и превратили в руины. Ирригационную систему, превратившую Месопотамию в один из самых плодородных регионов мира, разрушили раз и навсегда, и земля, более пяти тысячелетий служившая колыбелью цивилизаций, лежала разоренная и опустевшая.

Исламская цивилизация так и не оправилась от этого удара. Реакцией многих мусульман на потрясения стал уход в себя: это было время вертящихся дервишей, мистиков, пре-

⁸⁶ Цитируется по: Stephen Howarth. *The Knights Templar* (New York: Atheneum, 1982), 223.

⁸⁷ Речь идет о хане Угедее, третьем сыне и первом преемнике Чингисхана.

вративших ощущение изгнания и отчужденности во внутреннюю битву, способ избавиться от эгоистического эго ради того, чтобы раскрыть безграничное божественное начало. Пока одни смотрели внутрь, другие оглядывались назад. С утратой накопленных за столетия знаний, последовавшей за уничтожением бесчисленных библиотек, улемы (так собирательно называют мусульманских богословов) отошли на позиции консерватизма, искавшего стабильности в фундаментализме. Ранняя готовность ислама жить бок о бок с иудаизмом и христианством была окончательно отброшена, и теперь улемы учили, что всех чужеземцев следует держать под подозрением, и немусульманам воспретили посещать Мекку и Медину.

К середине XIII века силой боевых топоров, скимитаров и луков монголы построили крупнейшую лоскутную империю, какую только знал мир. Осажденные крестоносцы, цеплявшиеся за остатки своих былых государств, начали видеть во врагах своих врагов потенциальных союзников и десятилетиями питали надежды выковать опоясывающий мир монголо-христианский альянс против ислама. Монголы сами предложили совместно напасть на Египет, которым правила теперь военная каста мамлюков, династия солдат-рабов турецкого происхождения, изгнавшая потомков Саладина. Однако крестоносцы настаивали, чтобы монголы крестились, прежде чем христиане пойдут с ними на битву, и еще одна удачная возможность была утрачена из-за непримиримости Запада. В результате многие монголы обратились в ислам и восстановили разрушенные ими же города с еще большим размахом. Губители цивилизаций, монголы оказались на удивление способными управляющими, и на протяжении столетия *Rax Mongolica*, или «Монгольский мир», господствовал во всей Азии.

Со временем насытились и почили на лаврах сами монголы, и их империя пала жертвой внутренних усобиц. Когда она распалась на множество крупных и мелких владений (одно из них, государство Золотая орда, владело Русью до 1480 года), исламский мир постиг новый катаклизм. В середине XIV века в Азию пришла бубонная чума, завезенная стремительно передвигающимися монгольскими армиями и унесшая около трети населения. Цивилизация рухнула снова, и уже ослабленные династии утратили свою власть. «Они приближались к полному уничтожению и распаду, – сетовал мусульманский историк Ибн Хальдун, родившийся в семье беженцев из аль-Андалуса и потерявший родителей в результате эпидемии Черной смерти. – Города и строения приходили в запустения, дороги и веховые знаки были уничтожены, селения и усадьбы опустели, династии и племена ослабли. Весь обитаемый мир изменился»⁸⁸.

Точно так же XIV столетие отбросило назад и Европу. Тут Черная смерть забрала не меньше жизней, чем на Востоке, и некогда процветающие города внезапно опустели, а коммерция замерла. Династическая бойня Столетней войны между Францией и Англией тянулась бесконечно. Снова подняли голову суеверия: это было время, когда семнадцать церквей похвалялись, что владеют крайней плотью Господней, и никто не видел в таком утверждении ничего необычного. Моральная власть церкви рухнула: папство уже поступилось своим авторитетом, когда в 1309 году под давлением французского короля переехало во Францию. Католическая церковь была ввергнута в собственный Великий раскол, когда законность папы все больше оспаривали враги французской короны, которые поддерживали второго папу, посаженного на престол в Риме. Через сто лет после переезда папского престола во Францию Пизанский собор объявил обоих пап – и французского, и римского – еретиками и избрал третьего папу; нечестивая неразбериха разрешилась лишь восемь лет спустя на Констанцском соборе, затянувшимся на три года празднестве, где присутствовали 72 тысячи заинтересованных лиц, включая 2 пап, 1 короля, 32 принцев, 47 архиепископов, 361 юри-

⁸⁸ Цитируется по: Michael W. Dols. *The Black Death in the Middle East* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1979), Если христиане видели в чуме божественное наказание за грехи человечества, мусульмане относились к эпидемии как исходящему от Бога предложению верным принять мученичество. Эта вера пошатнулась, хотя и не исчезла совсем, когда чума обрушилась на Мекку – невзирая на предсказание Мухаммеда, что ни одна болезнь не коснется ни ее, ни Медины.

ста, 1400 торговцев, 1500 рыцарей, 5000 священников и 700 проституток⁸⁹. Когда первый за несколько поколений бесспорный папа вернулся в Рим, то застал его в таком упадке, что его едва можно было признать городом. Повсюду выросли строительные леса, Вечный город превратился в вечную стройку⁹⁰.

На более чем сто лет священная война уступила место борьбе за простое выживание. Тем не менее под фасадом всеобщего разорения глубоко укоренившееся соперничество между исламом и христианством вовсе не зачихло. Если уж на то пошло, оно лишь обострилось от того, что вынужденно стало подспудным.

К тому времени, когда ужасы стерлись из памяти, новые мусульманские правители обратили свои взоры на запад. Безудержные амбиции монголов расширили их горизонты, и они снова начали мечтать о новом мировом порядке, который родился бы из распада старого. Одна династия – Османовы – консолидировала свою власть во всей Турции и двинулась на Европу через Балканы, а первой ее целью стал Константинополь.

Османский султан Баязет I, прозванный за военные успехи Джильдерим, что означает «Молния», объявил новый джихад. Чрез три столетия после того, как крестоносцы отправились их изгнать, турки вновь стягивали силы к берегам Босфора.

По мере того как линия фронта между христианством и исламом медленно, но верно сдвигалась на запад к границам Венгрии, Европа наконец начала откликаться. В 1394 году папа в Риме (тогда еще существовал второй папа во Франции) провозгласил новый крестовый поход против быстро наступающих мусульман. Привычной уже главной целью похода было изгнать турок с Балкан, снять осаду Константинополя и пройти по Турции и Сирии, чтобы освободить Иерусалим.

И исход был вполне предсказуемым.

Столетняя война замерла в период очередного sporadического мира, и Филипп Храбрый, могущественный герцог Бургундии и де-факто правитель Франции, увидел в папском призыве к оружию еще один способ похвалиться своим богатством. Вопрос о том, как победить турок, занимал его гораздо меньше, и Филипп решил послать вместо себя своего старшего сына, двадцатидвухлетнего Иоанна Бесстрашного.

В апреле 1396 года несколько тысяч французских крестоносцев направились к Будапешту, останавливаясь по пути ради череды роскошных пиров, и соединились с потрепанными отрядами короля Сигизмунда Венгерского. Также на стороне западного воинства выступил большой отряд рыцарей-госпитальеров, а кроме того, прибыли отряды из Германии, Польши, Испании и разрозненные группы энтузиастов всей Европы. Венецианский флот поднялся вверх по Дунаю, чтобы встретить сухопутные войска, и объединенная армия стала держать военный совет о тактике в столкновениях с турками.

И тут же разгорелись ожесточенные споры. Первой проблемой стало то, что турок нигде не было видно. Разослали разведчиков, но и они вернулись ни с чем. Венгры утверждали, что крестоносцам надо стоять на месте и пусть враг изматывает себя долгим переходом.

⁸⁹ Сведения о числе присутствовавших и их профессиях приведены в: Jerry Brotton. *The Renaissance Bazaar: From the Silk Road to Michelangelo* (Oxford: Oxford University Press, 2002), Константинопольский собор, который проходил с 1414 по 1418 год и постановил, что все люди, включая самого папу римского, обязаны повиноваться его решениям, назначил Мартина V первым бесспорным за почти сто лет папой.

⁹⁰ «Дома лежат в развалинах, церкви обрушились, целые кварталы заброшены, и город пребывает в запустении и угнетен голодом и нищетой», – сетовал новый папа. Жители Рима, добавлял он, «бросали и незаконно прятали внутренности, кишки, головы, ступни, кости, кровь и кожу наряду с гнилым мясом и рыбой, отбросами, испражнениями и прочей вонючей и разлагающейся падалью на улицах... и посмели нагло и кощунственно узурпировать, разорять и приспособливать под свое пользование улицы, переулки, площади, общественные и частные места, как церковные, так и мирские». С самого начала новый Рим планировался с размахом, который бы символизировал и подчеркивал славу обновленной церкви; вера народа, по словам папы Николая V, будет «постоянно подтверждаться и повседневно подкрепляться величественными зданиями», которые «созданы словно бы рукой Господа». Eamon Duffy. *Saints and Sinners: A History of the Popes*, 3rd ed. (New Haven, CT: Yale University Press, 2006), 193; Brotton. *Renaissance Bazaar*, 106.

дом, – урок, который стоило бы усвоить из битвы при Хаттине. Жадные до славы французы уже сочли турок трусами и переубедили своих союзников. Армия вторглась в Болгарию и на территорию мусульман, где французы принялись с жаром грабить и вырезать местное население. Наконец 12 сентября крестоносцы подошли к стенам Никополя, города-крепости, построенного на крутой известняковой скале, возвышавшейся над низовьями Дуная. Поскольку осадных машин у них не было, они разбили лагерь, устроили роскошный пир и стали ждать, когда защитники сдадутся. Большинство их были еще пьяны, когда прибыли гонцы с известием, что огромная турецкая армия находится всего в шести часах пути от Никополя.

Битва была столь страшная, что средневековые хронисты позднее утверждали, будто в ней участвовало четыреста тысяч человек.

К тому времени французы препирались промеж собой из-за того, кому достанется честь возглавить наступление. Как водится, верх одержали голоса безрассудных. Пока венгры, рыцари-госпитальеры и остальные их союзники держались позади, французские рыцари галопом понеслись к холму, вниз по склону которого наступали турки. Они атаковали слабый турецкий передовой отряд, однако их кони налетели на заостренные колья, а сами они оказались беззащитны под убийственным шквалом стрел. Половина рыцарей была выбита из седла, но они сражались храбро и сумели обратить в бегство основную часть хорошо обученной турецкой пехоты. И вновь, презрев совет старших, молодые рыцари вскарабкались на холм в своих неуклюжих доспехах, убежденные, что битва уже позади. Когда они взобрались на гребень, забили барабаны, завывали трубы и с криками «Аллах акбар» на них, громяхая, вылетела турецкая конница.

Многие французы бежали назад вниз по склону. Остальные отчаянно сражались, но в конечном итоге даже телохранители Иоанна Бесстрашного, видя, что их вот-вот растопчут, простерлись ниц, моля пощадить их господина. Лишенные всадников лошади металась по равнине, остальные ряды крестоносцев были окружены и порублены. Многие бежали к Дунаю, но толкотня среди спешивших попасть на борт ожидающих кораблей была такова, что несколько кораблей перевернулись, и тем немногим, кто удержался на борту, приходилось обороняться от своих же крестоносцев. Лишь небольшому числу удалось перебраться на другой берег, где большую их часть ограбили, утомили голодом или убили.

Среди тех немногих, кому улыбнулась удача, оказались король Сигизмунд Венгерский и великий магистр ордена госпитальеров, бежавшие на рыбацкой лодке. «Мы проиграли битву, – жаловался позднее Сигизмунд своему спутнику, – из-за гордости и тщеславия французов»⁹¹. Однако французы заплатили дорогую цену. Самых молодых солдат Баязет оставил в качестве рабов для собственной армии; сотни остальных были раздеты, связаны и лишены головы или конечностей на глазах у султана и французских дворян, которых взяли в плен. Когда в Париж прибыли ужасные известия, колокола там звонили день напролет.

Никополь оказался Пуатье наоборот: эта битва стала катастрофическим провалом в попытке задержать продвижение ислама в глубь Европы. Шокирующее своим размахом поражение знаменовало последний предсмертный хрип средневековых крестовых походов. Только смерч монгольского возрождения при Тимуре Хромом, или Тамерлане, подарил Константинополю и Восточной Европе последнюю передышку. Тимур, объявивший себя прямым потомком Чингисхана, обменялся долгой чередой оскорбительных писем с султаном Баязетом, победителем при Никополе, прежде чем захватить его в битве и оставить гнить в тюрьме, где тот умер в 1403 году.

⁹¹ Цитируется по: Barbara Tuchman. A Distant Mirror: The Calamitous Fourteenth Century (New York: Knopf, 1978), 561.

Теперь никто больше в Европе не предлагал всерьез послать армию на Восток. Пройдет еще сто лет, прежде чем в Азии снова увидят алые кресты, – но тогда они будут нашиты на паруса тех, кто придет морем.

Совершенно неожиданно, но они отплывут с самой западной оконечности известного мира.

Крестовые походы начали рыцари Пиренейского полуострова, но полтора века они были слишком заняты, сражаясь с исламом у себя дома, чтобы ринуться в бой за Святую Землю. Но к середине XIII столетия христианское завоевание аль-Андалуса продвинулось уже достаточно далеко, и слишком многие рыцари были слишком заняты войнами друг с другом за новые территории, чтобы обращать внимание на то, что творится в остальном мире. Однако вскормленный ими крестоносный дух никогда их не покидал, и их не тяготило бремя поражений на Востоке, повергшее в уныние остальную Европу.

Когда в XV веке новые правители Пиренейского полуострова начали мечтать о большем, они смотрели через Гибралтарский пролив на Африку и земли своих бывших хозяев. В данном случае не было никакой внезапной лихорадки завоеваний, какой прежде в них никто не заподозрил бы. Вначале ими руководила та же ненависть к исламу и та же жажда его богатства, что и святыми воинами до них. Но, нащупывая каждый шаг, череда неординарных правителей объявит новый крестовый поход, который приведет их на другую сторону земного шара.

Глава 3

Семейная война

Король Жуан Португальский размышлял, как посвятить в рыцари трех старших своих сыновей на манер, подобающий наследникам амбициозной новой династии.

Португалия была самым западным из пяти так называемых Королевств Испании, возникших на волне испанских крестовых походов. Три из оставшихся четырех – Кастилия-и-Леон, Наварра и Арагон – были христианскими, и только одно, Гранада, – мусульманским. Более ста лет отряды закаленных, фанатичных воинов сражались, чтобы выковать новую страну из старых земель аль-Андалуса, лишь с незначительной поддержкой крестоносцев из Северной Европы ⁹², задерживавшихся тут на пути в Святую Землю, и люди этой страны люто гордились своей добытой тяжким трудом независимостью. Папа римский достаточно рано признал Португалию и дал ей божественное соизволение отвоевывать земли у мавров, и ее правители считали себя верными союзниками Рима. По утверждению одного королевского хрониста ⁹³, «Господь повелел и пожелал устроить Португалию ради великого таинства служения ему и ради возвышения святой веры».

Божьим велением или нет, но это была первая христианская страна на диком западе Европы. Король Педру I, в разные времена носивший прозвища Справедливый, Мстительный, Жестокий и Влюбленный-до-Конца-Света, после того как приспешники отца застали его в укромном месте для свиданий и обезглавили его любимую метрессу, прекрасную кастильку по имени Инес де Кастро, обезумел настолько, что, едва взойдя на престол в 1357 году, разыскал убийц и смотрел, как им вырывают сердца – одному через спину, другому – из груди. Несколько лет спустя он приказал эксгумировать останки Инес, завернуть в королевские облачения и посадить рядом с собой на трон. Он заставил придворных выстроиться в очередь, и по его ужасному крику «Королева Португалии!» они должны были один за другим поцеловать костлявую руку. Наследник Педру Фернанду Прекрасный был не многим лучше. Нарушив обещание жениться на наследнице престола Кастилии, самого крупного соседа Португалии и ее заклятого недруга, он взял себе женой прекрасную, но замужнюю Леонор Телеш. Свою головокружительную карьеру преступницы Леонор начала с того, что уговорила мужа сестры убить эту самую сестру, упирая на ее неверность, а когда дело было сделано, заявила, что все выдумала. Затем она сама завела тайный роман, и когда незаконнорожденный брат Фернанду Жуан поймал ее на супружеской неверности, то состряпала письмо, которое облыжно обвиняло его в государственной измене и в результате которого его арестовали. Когда муж отказался казнить сводного брата, Леонор подделала указ за подписью короля, и Жуан избежал казни только потому, что его тюремщики заподозрили неладное и отказались исполнить распоряжение.

После смерти Фернанду Прекрасного Леонор сделалась регентшей при своей одиннадцатилетней дочери Беатриш, обрученной с королем Кастилии. Трудно сказать, кого пор-

⁹² В 1147 году несколько кораблей с английскими, шотландскими, фламандскими, немецкими и норманнскими рыцарями на борту, направлявшимися во Второй крестовый поход, зашли взять припасов в портовом городе Порту. Порту вырос вокруг старого римского форпоста Порт Кале, отвоеванного у берберов в IX веке; по мере того как расширялось крошечное государство, название Порт Кале преобразовалось в Португалию. Сказками о великолепных богатствах Лиссабона крестоносцев заманили усилить армию, осаждавшую город, и на протяжении четырех знойных месяцев они бомбардировали цитадель. Наконец англичане построили несколько осадных башен и, проломив стены, взялись усердно грабить. Весной 1189 года еще один отряд крестоносцев обрушился на Алграве, где вырезал шесть тысяч мусульман и подверг жестокой осаде Сииш. После окончательного завоевания Алграве в 1249 году Португалия стала первым европейским национальным государством с фиксированными границами.

⁹³ Дуарте Галван «Хроника дома Афонсу Энрике». Цитируется по: Sanjay Subrahmanyam. The Career and Legend of Vasco da Gama (Cambridge: Cambridge University Press, 1997), 162.

тугальцы ненавидели больше – королеву Леонор или кастильцев; а поскольку и та, и другие открыто стояли заодно, португальцы восстали и обратились к единственному человеку королевской крови, еще не запятнанному чужеземными узами. Как незаконнорожденный сын, Жуан имел очень незначительные права на корону, но при могучих телосложении и подбородке выглядел истинным королем. Покинув свое тайное убежище, он вломился во дворец королевы и собственными руками убил ее любовника. При большом стечении народа ему предложили трон, и, спросив совета у святого отшельника, – поскольку был не только патриотичным, но и благочестивым, – он его принял. Кастилия расценила это избрание как объявление войны и вторглась в Португалию; летом того же 1385 года армия Жуана разгромила всемерно превосходящие ее силы противника ⁹⁴ и упрочила выживание Португалии как независимой страны.

Новой династии требовалась королева, и Жуан обратился к Англии. Англичане и португальцы были союзниками ⁹⁵ еще до того, как Португалия обрела статус полноценной страны: многие крестоносцы, пополнившие ее ряды в войнах с маврами, были англичанами, а недавно страны заключили договор о вечной дружбе и взаимной защите. Невестой себе Жуан избрал Филиппу, старшую дочь Джона Гонта, герцога Ланкастерского. Гонт приходился дядей английскому королю и был самым богатым и непопулярным человеком в своей стране, и его дочь, выросшая в переездах между крепостями Ланкастеров с их полками защитников и слуг, получила непревзойденное политическое образование.

Филиппа прибыла в Португалию с должной помпой, но начало брака было малообещающим ⁹⁶. Жуан в брачную ночь не объявился, вместо него для скрепления союза в постель Филиппы улегся придворный, положив между собой и невестой меч безбрачия. Двор был настроен враждебно, в свои двадцать семь новая королева была чересчур уж стара для средневековой невесты. Однако воли Филиппе было не занимать, и вскоре она заставила знать говорить по-французски и привила ей подобающие застольные манеры. Будь то из любви или из уважения, Жуан не предпринимал ничего, не посоветовавшись с ней, и королевская чета, в которой супруги так сильно различались внешне (Жуан чернобородый и кряжистый, Филиппа белокожая, с рыжевато-золотистыми волосами и «маленькими голубыми глазами англичанки» ⁹⁷), была практически неразлучна. Что до главной ее обязанности – упрочить преемственность трона, – немолодая уже королева родила одного за другим восемь детей, из которых пятеро мальчиков и одна девочка пережили опасные годы младенчества. Она взяла на себя их воспитание, внушив им любовь к поэзии, которую усвоила на коленях у Джеффри Чосера (еще она в юности изучала науки, философию и теологию) и кодекс рыцарственности, в соответствии с которым прожила всю свою жизнь. Мать принцев, которые войдут в историю как Славное поколение, была одной из самых замечательных женщин средневекового мира.

⁹⁴ Жуан I победил в битве при Альхубароте. Победа досталась ценой гибели или бегства в Испанию большей части старого дворянства, ставшего на сторону Кастилии. Жуан I конфисковал земли своих противников и создал новых дворян из числа своих сторонников.

⁹⁵ После осады Лиссабона ряд английских рыцарей остался при Жуане. Один из них, Гилберт Гастингский, стал первым епископом Лиссабона. Английские солдаты сражались на стороне Жуана при Альхубароте, а год спустя после битвы Жуан подписал Виндзорский договор, увековечивавший между португальскими и английскими королями, «их наследниками и между подданными двух королевств нерушимый, вечный, прочный и истинный союз дружбы, помощи и единства». Этот договор – самый старый из сохранившихся между двумя европейскими странами. H.L. Livermote. *A New History of Portugal*, 2nd ed. (Cambridge: Cambridge University Press, 1976), 67.

⁹⁶ Захватывающая история Филиппы изложена в: T.W.E.Roche. *Philippa: Dona Filipa of Portugal* (London: Philimore, 1971).

⁹⁷ Там же, стр. 57.

После долгих раздумий король Жуан решил отпраздновать вступление своих сыновей в пору рыцарства целым годом празднеств с пирами, танцами, играми и дарами для приглашенных из Европы особ голубых кровей.

Перспектива столь изнеженного вступления во взрослую жизнь пришлась не по вкусу самим принцам⁹⁸. Они перешептывались, мол, их гордому роду не подобает играть в игры. Тем летом 1412 года в своем дворце среди прохладных холмов за пределами Лиссабона принцы Дуарте, Педру и Энрике держали совет. Старшему Дуарте было двадцать лет, младшему Энрике едва исполнилось восемнадцать. Они решили пойти к отцу и попросить придумать что-нибудь более подходящее, что-нибудь, что подразумевало бы «великие подвиги, отвагу, смертельные опасности и пролитие вражеской крови»⁹⁹, когда вошел один министр короля. Принцы ему доверились, и он набросал план.

Его слуга только что вернулся из Сеуты, куда был послан получить выкуп за группу мусульманских пленников, захваченных в открытом море. Португальские сеньоры и даже епископы, как и их собратья по всей Европе, не считали ниже своего достоинства временами заниматься прибыльным пиратством, впрочем, не чурались этого и их враги. Мусульманские корсары веками терроризировали Европу; их дурная слава была так велика, что африканское побережье Средиземноморья еще долго будет известно по имени берберских пиратов как Берберия.

Через семь столетий после того, как исламская армия вскарабкалась на южный Геркулесов столб и алчно уставилась на Европу, название Сеута еще сохраняло свой символический смысл. Возвращение ее христианскому миру стало бы актом изощренной мести. А кроме того, указал министр, она была баснословно богата, и добавил, что однажды уже выдвигал эту идею, но тогда король только посмеялся.

К тому времени Сеута превратилась в крупный торговый порт. Ее знаменитые зернохранилища полнились пшеницей, выращенной вдоль Атлантического побережья Марокко. У ее сухопутных ворот заканчивались караванные пути из Сахары, по которым поступали слоновая кость, черное дерево, рабы и золото. Еврейские, итальянские, испанские купцы регулярно заходили в ее порт для торговли. Вдоль берега выстроились фактории, комплексы зданий, в которых купцы жили, хранили свои товары и заключали сделки. Временами накал религиозных страстей возрастал, и жизнь иностранцев становилась затруднительной, но Сеуту едва ли можно было считать рассадником радикалов. Изгнавшая альмохидов из Марокко династия Маринидов объявила джихад против испанцев и оккупировала несколько прибрежных городов, включая сам Гибралтар. Но начиная с 1358 года, когда султана задумал его собственный визирь, Марокко погрузился в безнадежную анархию.

Для принцев – помимо приятных перспектив добычи и славы – довольно было и того, что Сеута город неверных. Троица отправилась напрямик к отцу, но тот опять расхохотался. Несколько дней спустя они попытались счастья снова, на сей раз вооружившись перечнем оправданий и аргументов. Они указывали, что нападение на Сеуту позволит им заслужить рыцарские шпоры в реальном сражении. А еще позволит рыцарям и сеньорам страны попрактиковаться в рыцарских умениях, которым грозит опасность заржаветь, ведь после изгнания мавров и мира с Кастилией они оказались в пагубном положении, когда у них нет врага, с которым можно было бы воевать. Война, по выражению старшего из братьев,

⁹⁸ Основным авторитетным источником сведений о планировании и проведении крестового похода против Сеуты считается португальский хронист Гомеш Энеш де Зурара. Первоначально его повествование служило приложением к «Хронике короля Жуана I» Фернана Лопеша де Кастаньеды, предшественника Зурары в должности придворного хрониста. Недавно вышло португальское издание труда Зурары «Cronica da tomada de Ceuta» (Mem Martins: Publicacoes Europa-AMERICA, 1992). В сокращенном переводе он приведен в сборнике: *Conquests and Discoveries of Henry the Navigator*, ed. Virginia de Castro e Almeida (London: Allen & Unwin, 1936).

⁹⁹ Zurara. *Conquests and Discoveries*, 33.

«отличное упражнение в оружии, через отсутствие которого были утрачены многие люди и королевства, но которое послужит также, дабы отвлечь наших подданных от праздности, коей недостает добродетели»¹⁰⁰. Кроме того, имея крестьянское население около миллиона человек, Португалия была слишком мала и слишком бедна, чтобы содержать рыцарское сословие в подобающей роскоши, а новый крестовый поход открывал новые перспективы грабежа. И, что равно важно для людей, выросших на богобоязненной рыцарственности, эта война докажет остальному миру, что Португалия так же решительно и громогласно, как и любая другая христианская страна, заявит о своей ненависти к неверным.

Жуан и сам беспокоился, что его закаленные в битвах рыцари обратятся друг против друга, если не найдут иного выхода своей энергии. Но и теперь он предусмотрительно позвал за своими исповедниками, учеными и советниками. Им он сказал, мол, желает знать, будет ли завоевание Сеуты богоугодным деянием. Еще в период расцвета крестовых походов в умы христианских теологов и правоведов закралось сомнение относительно права папы как самопровозглашенного суверена мира простирать свою власть на нехристиан и одобрять завоевательные войны против них. Равно неясно было, могут ли христианские короли по закону вести войну против неверных, не представляющих для них прямой угрозы; лагерь противников войны указывал, что в Писании говорится, дескать, их следует обращать в христианство силой не оружия, а проповеди. Папство, еще только оправляющееся от последствий раскола XIV века, разумеется, придерживалось иной точки зрения. Оно всегда рьяно поддерживало правителей, готовых претворить в жизнь папские prerogatives, и неоднократно жаловало буллы на крестовые походы португальцам, позволявшие им открыть новый фронт против ислама, когда только пожелают¹⁰¹.

Поразмыслив еще несколько дней, королевские советники приняли сторону папы, иными словами, утверждения, что христианские правители наделены неограниченным правом – даже обязанностью – нападать на неверных или язычников просто потому, что они неверные или язычники. Когда с юридическими формальностями было покончено, принцы разбили каждый пункт из длинного перечня практических возражений короля (не последнюю роль тут играли непомерные затраты на все приключение), и началось планирование кампании.

Военный совет быстро пришел к выводу, что лучшим шансом на успех станет элемент внезапности. К тому же никто в Португалии ровным счетом ничего не знал об оборонительных укреплениях, якорных стоянках или условиях мореплавания в окрестностях Сеуты. Король Жуан составил план. Вдовствующая королева Сицилии, которой тогда управляли из Арагона, намекала на возможность брака с принцем Дуарте, наследником португальского престола. Было подготовлено посольство, но вместо руки Дуарте послали – приору и капитану, за которыми шла заслуженная слава хитрецов, – наказали предложить руку принца Педру, второго сына, который не наследовал ничего.

Две галеры разукрасили вымпелами, драпировками и балдахинами цветов короля, матросов нарядили в ливреи тех же цветов. Галеры направились в Гибралтарский пролив и бросили якорь в Сеуте. Приор напоказ делал вид, что отдыхает, а на самом деле изучал и запоминал береговую линию Сеуты, а капитан, взяв лодку, под прикрытием ночи обплыл Сеуту с моря. Завершив свою миссию, они отбыли на Сицилию, где королева была – вполне предсказуемо – не в восторге, и вернулись в Лиссабон. Когда их вызвали во дворец, приор попросил два мешка песка, моток ленты, полбушеля бобов и таз. Запершись в зале, он построил

¹⁰⁰ Письмо Дуарте I, цитируется по: Peter Russell. Prince Henry «the Navigator»: A Life (New Haven, CT: Yale University Press, 2000), 40.

¹⁰¹ Буллы издавались папами из числа итальянских кардиналов, которых португальцы наряду с англичанами поддерживали против французских претендентов. Первая булла датируется 1341 годом, она же была возобновлена в 1345, 1355, 1375 и 1377 годах.

огромный песчаный замок и в миниатюре воспроизвел холмы, долины, здания и фортификации Сеуты.

Даже на песке зрелище расхолаживало. Невысокая гора Монте-Ачо была окружена сетью круговых укреплений: стен, переходов и башен, которые поднимались от самой воды к цитадели на вершине. Другие стены окружали внутренний город, расположенный на полуострове, выгнувшемся между горой и материком. В самом узком месте перешейка тянулся ров, отделяя город от предместий на берегу, а со стороны суши подступы к нему охранял замок. Корабли могли вставать на якорь по обеим сторонам полуострова, но часто налетали или неожиданно меняли направление ветра, и от португальцев потребовалось менять место причала и тактику почти без предупреждения. Это была устрашающая перспектива для небольшой страны, которая никогда не вела войн на море.

И требовалось преодолеть еще одно препятствие – в лице королевы. Филиппа очень любима в народе, торжественно объяснил Жуан сыновьям, и ничего не может быть сделано без ее согласия. Принцам был прекрасно известен решительный характер матери, и они прибегли к хитрости. Они изложили ей свой план и с невинными лицами попросили заступиться за них и за их план перед королем.

– Сир, – обратилась Филиппа к мужу, – у меня есть просьба не из тех, с какими матери обычно обращаются в отношении своих детей, ибо обычно мать просит отца, чтобы он удержал сыновей от любых опасных поступков, страшась, как бы не случилось с ними беды. Я же, – продолжала она, – прошу вас удержать их от забав и удовольствий и подвергнуть их тяготам и опасностям.

Далее она объяснила, что принцы приходили в тот день ее повидать. Они сказали, что король медлит принять их план и что они просят ее о заступничестве.

– Что до меня, сир, – утверждала Филиппа, – то, учитывая род, из которого они произошли, род великих и великолепных императоров, королей и прочих принцев, чьи имя и слава известны по всему миру, то я ни в коей мере бы не хотела, чтобы они испытывали недостаток в возможностях совершить своими трудами, своей отвагой и своим умением великие подвиги, какие были совершены их предками. А потому я приняла на себя миссию, которую они на меня возложили, и их просьба мне в великую радость ¹⁰².

Жуан сделал вид, что поддался на уговоры, и приготовления начались. В план было посвящено только ближайшее его окружение, и поползли самые разные слухи: о готовящемся нападении на принадлежащую Арагону Ибицу или Сицилию, на мусульманскую Гранаду или даже на кастильскую Севилью. Наконец был созван большой совет, которому как свершившийся факт представили идею вторжения и с которого взяли клятву хранить тайну. Товарищи Жуана по оружию давно уже состарились, но, как писали хронисты, даже девяностолетние старцы ухватились за шанс последней схватки на поле брани. «Вперед, седобородые!» ¹⁰³ – будто бы воскликнул один престарелый советник, и все покатались со смеху. Сколь бы забавна ни была перспектива увидеть, как старые вояки будут втискивать себя в доспехи, в качестве меры предосторожности Жуан потихоньку распустил слух в рыцарских кругах Европы, что намечается благородное рыцарское приключение.

По приказу короля был проведен смотр численности и состояния португальских кораблей. Отчет производил удручающее впечатление, и были отданы приказы вырубить значительную часть королевских лесов и нанять всех свободных плотников, конопатчиков и бочаров. Корабельные плотники в Португалии были привилегированным классом: ее порты

¹⁰² Zurara. *Conquests and Discoveries*, 52–53.

¹⁰³ Там же, За кулисами событий совет был далек от единогласной поддержки плана, многие молодые дворяне все еще жаждали возобновления войны с Кастилией. Утверждение Зуары, дескать, девяностолетние старцы загорелись желанием принять участие в походе на Сеуту, следует воспринимать как поэтическое заверение в том, что в пользу крестового похода высказались самые мудрые люди страны.

стали жизненно важной остановкой в пути между Средиземноморьем и Северной Европой, и в них осели многие итальянские купцы и моряки ¹⁰⁴, привезя с собой познания в навигации и строительстве различных типов судов. Однако им было далеко до венецианского Арсенала, государственного конвейера, который выдавал гигантские галеры со скоростью, поражавшей гостей Венеции. Довольно быстро стало ясно, что единственным способом собрать большой флот в короткие сроки будет нанять его, и Жуан отправил доверенных лиц в Испанию, Англию и Германию, чтобы зафрахтовать столько морских кораблей с высокой осадкой, сколько удастся собрать. Чтобы их оплатить, он приказал португальским солеварам продать ему свои запасы по ценам ниже рыночных, а после сам перепродал соль с огромной выгодой, а чтобы урезать дополнительные расходы, приказал всем, кто держал запасы меди и серебра, передать их в казну. Монетный двор гремел и сиял огнями день и ночь, а монета поступательно девальвировалась. Многим португальским купцам это предприятие казалось разорительным капризом рыцарственной глупости ¹⁰⁵.

Поскольку крупный флот трудно подготовить незаметно, советники короля придумали еще один план для отвода глаз. Под довольно шатким предлогом, дескать, в Голландии были украдены товары португальских купцов, отправили посольство объявить войну Голландии. Сразу по прибытии посол договорился о тайной встрече с графом, наместником Нидерландов, и посвятил его в планы португальцев. Затем в ходе заранее срежиссированной сцены при дворе он сыграл свою роль так убедительно, что его собственным советникам пришлось его сдерживать, и Голландия сделала вид, будто готовится к войне.

В Португалии же Энрике, самого младшего из августейших заговорщиков, послали на север в старинный город Порту собирать половину флота. То же задание дали его брату Педру в Лиссабоне. Сам король занялся надзором за вооружением и артиллерией, переложив на старшего сына Дуарте управление страной, – задача, стоившая хрупкому двадцатидвухлетнему принцу многих месяцев бессонных ночей и едва не доведшая его до нервного срыва.

По всей стране чистили оружие, ткачи и портные выдавали стопы форменной одежды, плотники сколачивали ящики под снаряжение, канатчики чесали и свивали коноплю. Морские сухари, основная пища моряков, сушили в огромных количествах. Сотнями забивали быков и коров, а мясо снимали с костей, засаливали и затаривали в бочки. В доках выпотрошенная рыба вялилась на солнце – точь-в-точь насыпи серебристых лепестков. Страна гудела все новыми слухами об истинной цели загадочного похода: поговаривали о крестовом походе в Святую Землю за возвращение Гроба Господня и даже о маловероятной войне с Голландией.

Соседи Португалии были скорее встревожены, чем заинтригованы. Королю Арагона Фердинанду I сообщили сначала, что Португалия намерена напасть на его остров Ибицу, потом – на его королевство Сицилию и, наконец, на саму Кастилию, которой он правил в сорегентстве со сводной сестрой Филиппы Катериной Ланкастерской. Фердинанд направил в Лиссабон тайного агента, желая знать, собирается ли Португалия напасть на какое-либо из его владений. Мусульманские правители Гранады тоже решили выяснить, что происходит. То ли из фанатичного нежелания лебезить перед маврами, то ли из ощущения, что именно такая дымовая завеса ему на руку, Жуан совершенно запутал посланников, сказав им сначала, что ни в коей мере не собирается нападать на Гранаду, а затем отказавшись представить какие-либо гарантии. Смущенные подобной уклончивостью послы отправились к Филиппе.

¹⁰⁴ Среди них преобладали генуэзцы, вынужденные искать новые пути коммерции, когда Венеция захватила главенствующую роль в торговле предметами роскоши из Азии. В 1317 году один генуэзец даже был назначен первым адмиралом Португалии.

¹⁰⁵ Десятилетия спустя кредиторы все еще пытались получить крупные суммы, одолженные ими короне. См.: Russell. Prince Henry, 44.

Старшая жена эмира Гранады, сказали они королеве, молит ее заступиться перед мужем, поскольку ей прекрасно известно, что мольбы женщин обладают большой властью над мужчинами. В благодарность она пошлет Филиппе самый дорогой наряд для свадьбы ее дочери.

«Не знаю, – надменно ответила Филиппа, – как обстоят дела между вашими королями и их женами. Но не в обычае христиан, чтобы королева или принцесса вмешивалась в дела своего супруга». Старшая жена эмира, добавила она в конце своей длинной диатрибы, может делать со своими подарками что пожелает ¹⁰⁶. Наконец послы попытались извлечь желаемые заверения у Дуарте, обещая еще более богатые подношения. «Те в моей стране, кто на высоких местах, – пожурил их он, – не имеют обыкновения продавать свою добрую волю за деньги, ведь поступай они иначе, то заслуженно звались бы торговцами, а не властителями и принцами». Даже предложи они все королевство Гранада, присовокупил он для острстки, он его не принял бы – хотя, добавил он, их королю нечего бояться.

В начале июля недавно закончивший сборы флот молодого Энрике снялся с якоря и поплыл на юг вдоль пустынного атлантического побережья Португалии. Пройдя две сотни миль, он обогнул скалистый мыс и по узкому каналу вышел в просторное устье реки Тахо. Впереди простиралась спокойная водная гладь залива, который два тысячелетия служил живописной гаванью, где за выстроившимися вдоль кромки воды на северном его берегу новыми верфями и складами поднималась вверх по склонам невысоких холмов столица Португалии. На противоположном берегу ожерелье укрепленных уступов поднималось к цитадели, некогда мусульманской аль-касова, возродившейся как замок Святого Георгия.

Когда весть о прибытии флота достигла города, толпы жителей сбежались посмотреть на морской парад. Процессию возглавляли двадцать шесть грузовых судов и многочисленные пинасы (небольшие парусно-гребные суда), за которыми следовали шесть двухмачтовых кораблей, парад замыкали – под рев фанфар – семь трехмачтовых боевых галер. Над каждым кораблем реял штандарт, украшенный восьмиконечным крестом крестовых походов, а флаги поменьше были украшены золотом и регалиями Энрике. Навесы, на которых был вышит его новый девиз «Власть творить благо», затеняли палубы семи галер, и каждый матрос красовался его шелковым значком – гирляндой дубовых листьев с серебрением на белом с черным и синим фоне. Принц и его капитаны были облачены в простое шерстяное платье: искренне благочестивый Энрике уже в молодые годы мастерски умел создавать благоприятное о себе мнение.

Принц Педру присоединился к нему с восемью королевскими галерами и десятками судов поменьше – эти несли на флагах более сдержанные эмблемы самого короля. Рыболовецкие и речные суда экспроприировали для перевозки войск, лошадей и провианта. Учитывая, что Англия вот-вот должна была выступить против Франции, где ее ожидала слава победы при Азенкуре, объявилось всего несколько иностранных рыцарей, по большей части обычных сорвиголоу, которые пойдут куда угодно, где пахнет хорошей дракой. И тем не менее в собравшейся армии было 19 000 человек ¹⁰⁷: 5400 рыцарей, 1900 конных лучников, 3000 пеших лучников и 9000 пехотинцев. Это была огромная армия для маленькой страны, которая едва-едва могла содержать постоянную армию в 3000 человек.

Под пение труб объединенный флот бросил якорь в нескольких милях от атлантического побережья. Для Энрике это был миг упоения, поскольку вскоре все мысли о праздновании вылетели у него из головы. Один из иностранных кораблей привез в Португалию чуму, и паж прибежал с известием, что его мать умирает. Жуан велел перевезти жену в монастырь

¹⁰⁶ Zurara. Conquests and Discoveries, 66–67.

¹⁰⁷ Сведения были переданы шпионом на службе у короля Фердинанда I Арагонского (Russell. Prince Henry, 19). Согласно другим сведениям, численность армии достигала 50 тысяч человек.

на холме к северу от Лиссабона, и Энрике погнал коня галопом, чтобы воссоединиться с семьей.

Незадолго до болезни Филиппа приказала выковать три прекрасных клинка, а специально изготовленные для них ножны и навершия рукоятей были позолочены и инкрустированы жемчугом и драгоценными камнями. Она надеялась увидеть, как ее сыновей посвятят ими в рыцари перед самым отплытием. Теперь она знала, что уже не станет свидетельницей этого великого события, и призвала к себе детей. Говорили, что предсмертные муки не помешали ей на смертном одре подарить мечи, а также снабдить четкими инструкциями, как ее убитые горем сыновья должны держаться после ее смерти.

Филиппа скончалась 19 июля 1415 года в возрасте пятидесяти пяти лет. Еще одним недобрый предзнаменованием сочли то, что ее смерть совпала с продолжительным солнечным затмением. Растревоженные советники Жуана настаивали, чтобы отложить отплытие на месяц, пока не завершатся траурные церемонии и не утихнет чума. Вместо этого королеву похоронили с почти неприличной поспешностью среди ночи (как объяснялось, из-за летнего зноя), и краткая похоронная церемония состоялась на следующий день, под стенами огромной толпы за стенами церкви. Памятником Филиппе станет крестовый поход, за который она так рьяно ратовала; еще будет время ее оплакать.

Как всегда, приняв на себя руководство, Энрике пригласил братьев отобедать на борту его флагмана. Он поднял флаги, приказал свернуть навесы, а трубачам – залезть на мачты и оттуда играть что-то бравурное. Было воскресенье, что смутило капитанов. Все они прибыли на флагман и, узнав, что отплытие вот-вот состоится, поспешили назад, чтобы сбросить траур.

Три дня спустя, в пятницу 26 июля – в день Святого Иакова, – флот поднял якоря и медленно двинулся прочь от притихшего Лиссабона. Пока толпы зрителей смотрели с холмов на удаляющиеся корабли, пошли шепотки. Как король мог допустить такие проявления ликования, когда тело его супруги еще не остыло? Не повлиял ли на него молодой Энрике, который в глазах короля всегда был более мужчиной, чем все его братья разом? Охотиться на диких кабанов в королевских лесах – это одно, но схватиться с вооруженными воинами – совсем другое. Неужто юные принцы считают, что надвигающаяся битва лишь еще один турнир, где никто не смеет выбить их из седла? Может, и впрямь все закончится скверно.

Опасения сомневающихся как будто вскоре подтвердились, потому что великий поход быстро превратился в кошмарное фиаско.

Через два дня после выхода из порта король Жуан приказал бросить якорь и наконец просветил войска о цели их похода. Духовник короля произнес трогательную проповедь¹⁰⁸ и зачитал новую папскую буллу¹⁰⁹, дающую Португалии право на крестовый поход против неверных и дарующую отпущение грехов всем, кто падет в битве. Многие солдаты были настолько сбиты с толку, что сочли это очередной уловкой.

Едва удалось сподвигнуть армию на славное варварство, как ветра стихли. Около недели флот дрейфовал возле южного побережья Португалии. Наконец 10 августа он вошел в Гибралтарский пролив – к ужасу мусульман, которые все еще контролировали Геркулесов столб напротив Сеуты. В сторону галеры короля отправились суда и лодки со всевозможными драгоценными дарами. Дары король принял, но обещать мир наотрез отказался.

¹⁰⁸ Как отмечает Питер Рассел, духовник особо упирал на вину Жуана I, дескать, тот пролил много христианской крови в войнах с Кастилией; дабы облегчить свою совесть, объяснял он, король твердо решил пролить равное количество крови неверных. «Надо думать, – замечает Рассел, – никому в королевской свите не показалось странным, что муки совести Жуана следует облегчить ценой огромных затрат для его народа и еще большего пролития его крови», там же, 46.

¹⁰⁹ Папой, у которого Жуан I заручился буллой, был Иоанн XXIII, второй из череды пизанских понтификов, избранный в противовес папам профранцузским или отпрыскам римских родов. После ритуальных обвинений в пиратстве, убийстве, изнасиловании, симонии и инцесте Иоанн XXIII был смещен Констанцским собором в мае 1415 года и объявлен антипапой – за два месяца до того, как отплыл крестовый поход, который он благословил.

В равной мере огромная армада потрясла кастильцев, живших на островке Тарифа у самого побережья. Согласно одной хронике, они легли спать, полагая корабли фантомами, и проснулись туманным утром, когда на море вообще ничего было не видно, и последний сон с них стряхнуло, когда солнце вдруг ярко осветило флот, проплывающий под их стенами. Когда португальцы бросили якорь возле расположенного поблизости кастильского порта Алгесирас, губернатор спустился на берег с внушительным стадом коров и овец и послал своего сына предложить их португальскому королю. Жуан объявил, что очень этим доволен, но объяснил, что на его кораблях достаточно провизии. Полагая, что тоже должен проявить добрую волю, сын губернатора вскочил на коня и поскакал по берегу, на скаку закалывая скот. Жуан вежливо похвалил его старания и поблагодарил за такой поступок.

После этой драматичной интерлюдии король собрал совет, на котором было решено атаковать Сеуту в следующий понедельник. Паруса подняли, как раз когда с Атлантики накатил густой туман. Худшее было еще впереди. Сильные течения и крепкий ветер обеспечили проливу дурную славу труднопроходимого места, но нехватка опыта у португальских моряков делала проход практически невозможным. Корабли с пехотинцами под командованием принца Педру унесло в сторону Малаги, главного порта мусульманской Гранады, а королевские галеры бросило прямо на Сеуту, но там внезапная смена ветра заставила их поднять якорь и пробираться к противоположной стороне полуострова. Флаги города развевались с цитадели на холме, два ключа на них символизировали контроль Сеуты над входом в Средиземное море и над выходом в Море-Океан. Со стен летели пушечные ядра, но кораблям удалось остаться вне досягаемости канониров.

Когда остальная армада так и не объявилась, король отправил Энрике на поиски. Половину экипажей на кораблях братьев Энрике одолевала чума, другую – морская болезнь. Учитывая, что к этому прибавились туман и коварные течения, они практически готовы были сдаться. Энрике разослал приказы отца на корабли, и со временем транспортные суда добрались до Сеуты.

Тут же налетел шторм и загнал весь флот назад к Испании. Король и его командиры сели в лодки и сошли на кастильский берег держать совет прямо на песке. Одни советники Жуана уговаривали его внять знамениям и вернуться домой, другие предлагали – для спасения лица – совершить рейд на близлежащий Гибралтар. Но король несгибаемо ответил, что лучше предпочесть верную смерть, чем отказаться от своего христианского долга. На самом деле у него просто не было выбора: он поднял слишком большой шум, чтобы в последнюю минуту все бросить, в противном случае он рисковал выставить себя на посмешище всей Европе.

Наконец флот вернулся к побережью Африки.

Со своих наблюдательных постов защитники Сеуты недоуменно смотрели, как первые португальские корабли сперва приблизились, потом быстро исчезли. Престарелый губернатор ¹¹⁰ решил, что назревает по меньшей мере что-то недоброе, и ради предосторожности послал на материк за подкреплением. Подкрепление пришло, но Марокко одолевали чума и голод, и в городах и крепостях серьезно не хватало людей. А поскольку христиане как будто не в состоянии были повести свои корабли в нужном направлении и явно отступили за пролив, он большую часть своих новых войск отправил назад. Непогода обернулась для португальцев замаскированным благом.

Той ночью жители Сеуты зажгли лампы в каждом окне, чтобы создать видимость, будто город защищает огромное число людей. Тем временем на море свет факелов и фонарей ложился на воду, пока португальцы готовились к наступлению. На заре португальцы приня-

¹¹⁰ Губернатор Сеуты Салах бен Салах был также верховным правителем цепочки близлежащих городов и происходил из видной семьи африканских мореплавателей.

лись натачивать мечи, облачаться в тяжелые доспехи, размахивать для разминки боевыми топорами, а также исповедоваться в грехах священникам и вскрывать бочки, чтобы полакомиться самой вкусной провизией. Пришел день первой европейской колониальной войны со времен крестовых походов на Восток.

Неумелые действия флота выявили, насколько мало король Жуан смыслил в навигации, но в том, что касалось войны на суше, у него за спиной был опыт всей жизни. Ненамеренная задержка перед Сеутой дала ему время выработать план. В общих чертах он был прост. Главная цель – захватить цитадель. Пока она стоит, ее защитники могут атаковать португальцев, но как только португальцы ее возьмут, город будет у их ног ¹¹¹.

Большую часть своего боевого флота король подвел к городским стенам. Это был обманный маневр: наступление должно было начаться с атаки на Монте-Ачо. Меньшая группа кораблей обошла гору и стала на якоре у ее подножия. В числе этих кораблей была галера Энрике. Задолго до того, как армада отплыла, он умолял отца позволить ему возглавить первое наступление, и король, как обычно, не смог ему отказать.

Пока высадившиеся потели под жарким солнцем, а враги насмехались над ними, размахивая оружием с берега, несколько горячих голов спустились в лодки, не дожидаясь приказа атаковать. С огромным раздражением Энрике пришлось смотреть с борта своей галеры, как те высадились на берег и завязался бой. Прыгнув в лодку, он приказал трубить сигнал атаки и сам бросился в схватку.

Португальцы быстро оттеснили защитников к стене, окружающей подножие холма, и хлынули вслед за ними в ворота. Среди всеобщего хаоса Энрике вдруг увидел, как впереди него сражается и его брат Дуарте. Когда он его нагнал, братья, согласно хроникам, нашли время обменяться любезностями. Энрике, скрывая свое разочарование, благодарил Бога, что дал ему такого доброго товарища и брата. «И тебя, Господь мне свидетель, – ответил Дуарте, сыпая соль на рану позднего прибытия брата, – я тысячу раз благодарю за твою добрую волю, что ты пришел к нам на помощь» ¹¹².

Один воин-мусульманин на голову выше всех остальных безжалостно расправлялся с христианами: под рукой у него были только камни, но бросал он их с силой катапульты. Португальский хронист живописно отметил, что он был наг и «черен как ворона, и у него были очень длинные и белые зубы, а губы, весьма мясистые, были вывернутые» ¹¹³. В целом он представлял собой пугающее зрелище, но пал, пронзенный копьем, а его теснимые товарищи отошли через вторые ворота, которые вели в сам город.

Следом за ними на узкие улочки протиснулись пять сотен португальцев. Вскоре они безнадежно заблудились, и, чтобы оглядеться, Энрике с братом вскарабкались на насыпь, похожую на холм, но оказавшийся городской свалкой нечистот. Когда на них надвинулись защитники города, они стояли на своей горе отбросов, отражая наскоки в ожидании, что кто-нибудь придет их спасти. Никто не пришел. Значительная часть отряда Энрике решила покрыть себя славой, презрев открытые ворота и атаковав надежно запертые. Пока они рубили их топорами и пытались поджечь доски, защитники бросали со стен им на головы камни, и многие были убиты.

¹¹¹ В этот момент, согласно повествованию Зурары, к губернатору Сеуты явилась группа молодых марокканцев с планом, как захватить вражеский флот, одержать великую победу и взять богатую добычу. Они якобы объяснили, что христианам будут мешать их тяжелые доспехи; нужно только будет встретить их у кромки воды и сбить с ног, а сами они подняться уже не смогут. Неизвестно, действительно ли губернатору дали такой мудрый совет (и трудно себе представить, как о нем мог прослышать Зурара), но, памятуя о своих сократившихся войсках, он решил, что лучше всего будет попытаться помешать португальцам войти в город. Многие его отряды оставили оборонительные позиции и собрались у воды, что привело к катастрофическим последствиям.

¹¹² Zurara. *Conquests and Discoveries*, 99.

¹¹³ Там же, 99.

Принцы разделили свои отряды на более мелкие группы и наконец пробились со своей свалки. Дуарте направился к лестнице, ведущей к городским стенам, развязав и сбросив доспехи, чтобы легче было карабкаться на все поднимающейся жаре. И снова Энрике остался позади, но потом сбросил кольчугу и побежал догонять брата.

Король Жуан все еще находился на своей галере по другую сторону города, не зная, что битва уже началась, и нетерпеливо ожидая, когда на берегу покажутся какие-нибудь враги. Наконец он послал ко второму флоту Педру, приказывая сыновьям атаковать. Когда принц вернулся и объяснил, что на кораблях никого не осталось, король дал сигнал трубить всеобщее наступление. Жуан, как дипломатично писали хронисты, «никак не выдал своей радости», но тем яснее проявили свои чувства его рыцари. Они бросились на стены, завидуя, что вся слава достанется их товарищам, и паникуя, что лучшая добыча уже захвачена. Едва оказавшись внутри, они рассеялись, чтобы с жаром грабить. А задержать их было чему: вдоль улиц Сеуты выстроились роскошные дома и дворцы. «Наши жалкие дома все равно что свинарники в сравнении с ними»¹¹⁴, – откровенно высказался один очевидец. Все новые солдаты проламывали низкие, узкие дверные проемы домов поменьше и сталкивались лицом к лицу с десятками перепуганных семей. Одни были вооружены, другие просто кидались на захватчиков. Третьи бросали узлы с пожитками в колодцы или закапывали где-нибудь, надеясь вернуть имущество, когда город будет отвоеван. Понемногу атакующие одолели их, и многие были убиты.

Король не сумел бы навести порядок, даже если бы и захотел. Едва он сошел на берег, как был ранен в ногу, а потому остался сидеть у городских ворот. Ради сохранения его достоинства позднее писали, что он решил приберечь свою королевскую особу до атаки на саму цитадель, а не присоединяться к мелким схваткам, когда город уже практически взят.

Пока Дуарте и его отряд пробивались на верх городских стен, Энрике решил вернуть себе инициативу, собственноручно штурмовав крепость. Продвигаясь по ведущей к цитадели главной улице, он наткнулся на несколько сотен португальцев, бегущих от толпы разгневанных марокканцев. Энрике опустил забрало и закрепил на руке щит. Выждав, когда его минуют соотечественники, он атаковал их преследователей. Узнав своего принца, португальцы развернулись и бросились следом за ним, и теперь уже мусульмане бежали, а христиане их преследовали. Когда защитники достигли задов купеческих факторий вдоль берега, они развернулись и атаковали снова. Энрике в ярости бросился на врага, и защитники отступили через ближайшие ворота, ведущие к цитадели.

Ворота были прорезаны в толстой зубчатой стене, позади них располагалась башня с амбразурами, которая защищала вторые ворота, а уже от них проход тянулся к третьим и последним воротам, ведущим в саму цитадель. Когда со стен начали лить подожженную смолу, Энрике пробился за первые ворота всего с семнадцатью людьми – так, во всяком случае, писали хронисты. Многие из его отряда рассеялись в поисках добычи или воды, другие попросту устали. Некоторые были убиты, в том числе управляющий двора самого Энрике, который погиб, спасая своего опрометчивого молодого господина. Энрике попытался оттащить раненого и ввязался в отвратительную схватку за труп.

Два с половиной часа, как утверждалось позднее, молодой принц пробивался вперед в рукопашном бою. Из семнадцати его спутников осталось четверо, но каким-то образом (возможно, потому, что защитники не стреляли, опасаясь попасть в своих же) они сумели пробиться за вторые ворота. Они рванулись вперед, прошли третьи ворота и захватили цитадель. Когда на место прибыл наконец король Жуан, то застал цитадель уже покинутой. Так, во всяком случае, утверждается в официальной хронике, – гораздо вероятнее, что немногие уцелевшие защитники поняли, откуда ветер дует, и решили, что будет и другой день для

¹¹⁴ Цитируется по: C.R. Boxer. The Portuguese Seaborne Empire 1415–1825 (London: Hutchinson, 1969), 13.

схватки. К тому времени, когда гарнизону был отдан приказ отойти, большая часть гражданских уже бежала, остальные, если смогли, последовали их примеру.

На следующий день по городу эхом отдавались крики раненых и ругательства солдат, пытавшихся выкопать все новые сокровища. В своей одержимой жажде золота они умудрились уничтожить гобелены, шелка, масла и пряности огромной ценности. «Это разорение породило большой вой среди людей низкого происхождения», – сообщал хронист, должным образом, но неубедительно добавляя, что «особы респектабельные и благородные не утруждали себя подобным»¹¹⁵. Несколько генуэзских купцов, оказавшихся под перекрестным огнем, запоздало предложили помощь завоевателям, но одурманенные победой португальцы обвинили их в вымышленном преступлении, дескать, они ведут торговлю с неверными, и по меньшей мере одного подвергли пыткам, чтобы заставить рассказать, где он прячет свои ценности. Ватага солдат ворвалась в огромную подземную цистерну и, восхищенно рассматривая стены, покрытые расписными изразцами, и своды, поддерживаемые тремя сотнями колонн, увидела вдруг прячущихся в ее недрах марокканцев. Они обрушили цистерну, не выпустив из нее горожан¹¹⁶.

В воскресенье король Жуан приказал служить мессу под высоченным куполом главной мечети Сеуты. Но сначала ее следовало отскрести дочиста. Мавры, как объяснял хронист, имели обыкновение укладывать новые циновки поверх изношенных старых, и их приходилось поднимать лопатами и выносить в корзинах. После ритуальной уборки король, принцы и знать собрались посмотреть, как священники солью и святой водой изгоняют призраков ислама. Потом под рев труб и «Te Deum»¹¹⁷ они посвятили здание Христу.

После мессы трое принцев надели доспехи и опоясались подаренными матерью мечами. Они прошли в новую церковь мимо рядов трубачей и барабанщиков, преклонили колени перед отцом и были посвящены в рыцари. Вскоре после этого они отплыли домой, оставив три тысячи солдат защищать город от марокканцев, которые уже стреляли по ним из укрытий.

Завоевание знаменитого города-крепости всего за один день поразило всю Европу, пусть даже эта победа несколько отошла в тень перед известием, что другой внук Джона Гонта, английский король Генрих V вторгся во Францию¹¹⁸, чего, впрочем, давно ждали. Три молодых принца красивым жестом заявили о вступлении своей страны на арену крестовых походов, и по меньшей мере один из трех не собирался на этом останавливаться. Португальцы преследовали своих бывших хозяев через тот самый бурный пролив, через который они прибыли, и – спотыкаясь поначалу, но набирая уверенность и силу – они будут преследовать ислам по всей земле.

Только много лет спустя нападение на Сеуту будут рассматривать как краткую характеристику всей заморской одиссеи Португалии. Она родилась из ожесточенной борьбы христиан и мусульман на Пиренейском полуострове. Она вылупилась из юношеского пыла. Ее вскормили общие усилия всей страны, желала она того или нет. Она едва не встретила мучительный преждевременный конец. Благодаря отчасти упорной отваге, отчасти сущей удаче она оставила по себе след в истории мира. А еще она оставила наследие, которое будет тяготить амбициозную молодую нацию в последующие века.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Valdim Fernandes. *Description de la Cote d'Afrique de Ceuta au Senegal*, ed. and transl. P. de Cenival and T. Monod (Paris: Larose, 1938), 18-Огромная цистерна заполнялась водой из городских источников; корабли, желавшие пополнить из нее свои запасы, выкладывали за такую привилегию немалые суммы.

¹¹⁷ Начало молитвы «Тебя, Бога, славим...» (лат.). – *Примеч. пер.*

¹¹⁸ Мейлин Ньюитт отмечает это совпадение в: *A History of Portuguese Oversea Expansion, 1400–1668* (London: Rountege, 2005), 19.

Глава 4

Море-Океан

Энрике, принц Португалии, стоял на продуваемом ветрами скалистом мысу на юго-западной оконечности Европы. Одинокая фигура в монашеском облачении, он смотрит на Африку, планирует новый поход, чтобы разведать доселе неизвестные пределы мира. За спиной у него – огромная основанная им школа, где самые выдающиеся светила космологии, картографы и навигаторы того времени собираются, чтобы развивать искусство навигации. Когда его экипажи возвращаются из рискованных экспедиций, он подробно расспрашивает их и прибавляет новейшие сведения к своему непревзойденному собранию карт моря и звездного неба и отчетов путешественников. Он более не Энрике Крестоносец, он – Энрике Мореплаватель, открыватель новых миров.

Так рассказывает тщательно лелеемая легенда ¹¹⁹. Правда выглядит несколько иначе. Нога Энрике никогда не ступала на борт океанского корабля. Его школа никогда не существовала как официальное учреждение, хотя он интересовался астрономией и давал работу многим ведущим картографам. Он носил власяницу и, как поговаривали, всю жизнь хранил целибат, рьяно изучал теологию, но в равной мере любил закатывать экстравагантные застолия. Он был первым, кто осуществил согласованную кампанию по исследованию Моря-Океана (как тогда назывался Мировой океан), однако его исследования начались всего лишь с примитивного пиратства как дополнительного источника дохода.

Карьера Энрике Корсара началась вскоре после того, как он заслужил рыцарские шпоры в Сеуте. Его суда отправились обчищать побережья Марокко и перехватывать мусульманские грузы в Средиземноморье, хотя временами он не считал низким нападать и на христианских купцов, что в одном случае даже вызвало горькие жалобы короля Кастилии. Первое его открытие неведомых земель проистекло непосредственно из пиратства. В 1419 году шторм забросил двух его капитанов на необитаемый архипелаг посреди Атлантического океана, и в следующем году была отправлена уже настоящая экспедиция, чтобы объявить острова собственностью короны. Мадейра, восхищался один матрос, была «одним большим садом, и каждый тут пожинает золотые плоды» ¹²⁰, хотя больше всех этих плодов пожал сам Энрике, владевший ею до конца своей жизни. Мадейра была быстро заселена, и первых мальчика и девочку, родившихся у колонистов, назвали Адам и Ева.

У Энрике быстро развилась тяга к открытию новых земель, но доходов от пиратства не хватало для финансирования дальних плаваний. Его финансовое положение изменилось, когда в 1420 году король Жуан подал прошение папе римскому назначить его любимого сына главой португальского отделения печально известного ордена монахов-воинов.

Повсюду в Европе рыцари-тамплиеры переживали падение столь же стремительное, каким был их головокружительный взлет. Когда тамплиеров выставили из Святой Земли, их аура безгрешной неприкосновенности быстро потускнела. Однако они сохранили огромную сеть принадлежавших им крепостей, поместий и даже целых городов, проникнув глубоко в сердце европейского общества. Темпл, их отделение в Лондоне, был хранилищем значительной части богатства и казны Англии, включая ценности королей, многих аристократов,

¹¹⁹ Образ Энрике как одинокого первопроходца науки, основавшего новаторскую школу навигации, уходит корнями в португальские хроники XVI века. Написанные на пике расцвета империи, они неизбежно наделяют отца-основателя романтическим ореолом. Легенда была увековечена в биографии XIX века (R.H. Major. Prince Henry, Surnamed the Navigator) и развезать ее оказалось непросто. См.: Russell. Prince Henry, 6–7.

¹²⁰ G.R.Crone, transl. and ed. The Voyages of Cadamosto and Other Documents on Western Africa in the Second Half of the Fifteenth Century (London: Hakluyt Society, 1937), 10.

епископов и купцов и даже какое-то время драгоценности короны¹²¹. Тампл в Париже представлял собой мощную крепость, окруженную рвом и стеной, за которой укрылся комплекс построек размером с небольшую деревню, – отсюда орден ведал казной и финансами Франции. Могущество ордена поражало, и видные коронованные особы Европы начали наконец негодовать на присутствие среди них столь многих облаченных в кольчуги магнатов с их монашеской дисциплиной и постоянной армией, с их пугающей казной и подчинением непосредственно папе римскому. В начале XIV века французский король Филипп Красивый, который – так уж вышло – чересчур много задолжал тамплиерам, приказал арестовать рыцарей по часто расхожему тогда обвинению в ереси, святотатстве и содомии и принудил папу распустить орден¹²². Десятки тамплиеров были сожжены в Париже, включая великого магистра, престарелого человека, сознавшегося во всем на дыбе, а после отказавшегося от признаний и настаивавшего на своей невинности, пока его пожирало пламя, а руки были связаны как для молитвы.

Только на Пиренейском полуострове положение монахов-воинов осталось прочным. Хотя их слава зиждилась на защите Святой Земли, тамплиеры с самых первых дней основания ордена вели активную деятельность на дальнем западе Европы. Они шли в авангарде Реконкисты, стояли гарнизонами в замках на границах с исламским миром и заселяли огромные участки недавно захваченных земель¹²³, и для молодых христианских стран их пыл и глубокие карманы были незаменимы. В Португалии никто и не думал распускать орден. В качестве уступки веяниям времени они просто сменили свое название на орден Христа. Все остальное, включая их солидное богатство, осталось в целости¹²⁴.

Когда папа римский согласился на просьбу короля, в распоряжении Энрике оказались ресурсы под стать его амбициям, в то время как тамплиеры в своей новой ипостаси обрели новую жизнь в роли спонсоров эпохи Великих географических открытий. И все же открытие новых земель стояло далеко не на первом месте среди забот Энрике. Он растратил огромные денежные и людские ресурсы на ожесточенную борьбу за Канарские острова с Кастилией, которая на них претендовала, и с жителями островов, чья культура находилась на уровне каменного века и которые нанесли большой урон воинской доблести Энрике, отбив его армии три раза кряду. С еще большим пылом он устраивал кампанию за кампанией, чтобы повторить свой героизм в Сеуте в ходе нового крестового похода за завоевание Марокко.

Сеута обернулась для Португалии «золотом дураков». Мусульманские купцы быстро перенесли торговые операции в соседний Танжер, и прибрежные склады Сеуты упорно пустовали. Колония находилась в постоянной осаде; очень скоро все дома за пределами стен пришлось снести, поскольку местное население использовало их для вылазок. Гарни-

¹²¹ Отделения, или командорства, ордена тамплиеров не всегда соответствовали своей репутации самых надежных храмилищ. В 1263 году будущий Эдуард I Английский, который был на мели – наряду со своим отцом Генрихом III и большей частью членов королевской семьи, – получил доступ в лондонский Темпл под предлогом того, что желает посмотреть на драгоценности короны, но вместо того чтобы любоваться ими, порубил топором несколько сундуков и отбыл с большой добычей – чужих денег. См.: Helen Nicholson. *The Knights Templar: A New History* (Stroud, UK: Sutton, 2004), 163.

¹²² Ордера на арест были выданы в пятницу 13 октября 1307 года; папская булла, датированная ноябрем того же года, предписывала каждому правителю Европы последовать примеру Франции. После папа передумал и собрал суд, который оправдал тамплиеров по всем пунктам обвинения, но после нового давления французов и на основании того, что орден уже запятнан скандалом, сфабрикованным единолично Филиппом Красивым, орден был распущен буллой от 1312 года.

¹²³ В 1311 году король Арагона Альфонсо I попытался завещать все свое королевство тамплиерам, госпитальерам и монахам Гроба Господня. Его брат Рамиро поспешно ушел из монастыря, родил дочь и женил ее на графе Барселонском, который стал следующим правителем Арагона. Рамиро вернулся в монашескую келью, а тамплиеры в качестве компенсации получили большие земельные владения и доходы.

¹²⁴ В эпоху Энрике переименованное отделение ордена тамплиеров контролировало 21 город и обширные земельные владения в Центральной Португалии. Но к тому времени у них давно уже вышли мусульмане, на которых можно было бы нападать, и рыцари прогневали короля, отказавшись принять участие в крестовом походе против Сеуты на том основании, что обязаны сражаться только на родной земле. Назначение Энрике главой ордена было фактически королевским захватом.

зон плохо кормили, к тому же он должен был сносить насмешки с проходящих испанских кораблей, и этот пост стал настолько непопулярен, что гарнизон пришлось укомплектовывать осужденными, отбывающими срок своего наказания. Постоянное содержание изолированного форпоста, снабжаемого из-за моря, легло тяжким бременем на скудные ресурсы Португалии, и многие португальцы жаловались, что цепляться за нее сушая глупость.

Но не Энрике. Для жадного до славы принца фиаско Сеуты было поводом делать не меньше, а больше. Исламский мир уже не контролировал Геркулесовы столбы, эти каменные стражи великого неведомого. Впервые за семь столетий христианство зацепилось за африканский континент. Победа, как настаивали он сам и его сторонники, доказывает, что благословение Господа сияет их народу, а вера и честь требуют двигаться дальше. В конце-то концов Северная Африка некогда была христианской территорией; уж конечно, завоевание ее – всего лишь продолжение Реконкисты ¹²⁵.

Годами Энрике тщетно уговаривал отца выступить против Танжера. Когда Жуан умер, повсеместно оплакиваемый, в 1433 году и на престол взошел склонный к книгочеству Дуарте, всю свою силу убеждения Энрике обратил на своего старшего брата. Дуарте поддался, и Энрике лично взял на себя командование новым крестовым походом. Он ринулся в него очертя голову, как всегда чрезмерно самоуверенный, но без хитростей и уловок, которые принесли столь богатые плоды в Сеуте. Когда не объявились зафрахтованные транспортные корабли, он отказался задержать отплытие, пусть даже половину армии пришлось оставить в Португалии. Семь тысяч человек набились на имеющиеся суда и отплыли в Африку, а Энрике разжигал их гнев все более фанатичными диатрибами в адрес ислама. Однако когда, размахивая знаменем, на котором был изображен Христос в доспехах, и присланным папой куском Креста Господня, португальцы подошли к воротам Танжера, даже Энрике начал понимать, что одной только верой ему не победить. Танжер был гораздо больше и гораздо лучше укреплен, нежели соседняя Сеута. Португальская артиллерия была слишком легкой, чтобы пробить мощные стены, имеющиеся лестницы – слишком короткими, чтобы их преодолеть, и осаждающие вскоре сами подверглись осаде в собственном лагере на берегу. По мере того как в город входили все новые свежие силы, а обычные видения крестов в небе не произвели желаемого чуда, сотни рыцарей Энрике, включая нескольких человек из его собственной свиты, сели на корабли и бросили крестоносца. Единственной разменной монетой у него оставалась Сеута, и его переговорщики пообещали сдать ее в обмен на безопасный проход для оставшихся войск. Энрике отдал своего младшего брата Фернанду в качестве заложника и ушел в Сеуту, а там слег в постель, отказываясь отвечать на многократные вызовы домой, где пришлось бы держать ответ за катастрофу.

Он вовсе не намеревался выполнять условия соглашения ¹²⁶. Фернанду прозябал в марокканской тюрьме, Сеута приходила в упадок в руках португальцев. В следующем году в возрасте сорока шести лет умер король Дуарте, скорее всего от чумы, а не от разбитого сердца, как полагали повсеместно. После пяти лет, на протяжении которых с ним обращались все хуже и хуже и на протяжении которых он в душераздирающих письмах умолял братьев договориться о его освобождении, судьба смилостивилась над принцем Фернанду, и он скончался от смертельной болезни. Сколь бы ни мучился Энрике в одиночестве, на людях он

¹²⁵ Энрике был не единственным, кто отказывался видеть в Гибралтарском проливе препятствие на пути Реконкисты. Еще в 1291 году Кастилия и Арагон договорились о границе между их будущими фьефами в Марокко; в 1400 году кастильские войска разрушили марокканский город Тетоуан, расположенный приблизительно в 25 милях к югу от Сеуты и являвшийся известной базой пиратов. Во времена Римской империи Северный Марокко был частью диоцеза Испании, хотя притязания Кастилии основывались скорее на ее спорном утверждении, будто бы она является наследницей старого готского королевства, которое, по ее мнению, владело не только самой Испанией, но и Марокко.

¹²⁶ Репутация Энрике зиждилась на его героических подвигах в Сеуте, и отец поставил его командовать обороной города; отдать ее назад так скоро означало бы испытать страшное личное унижение, равно как и выставить на посмешище новехонький мандат Португалии на крестовые походы.

всегда утверждал, что его младший брат – которого посмертно окрестили Верным принцем – всем сердцем готов был стать мучеником за их дело.

Энрике, младший сын, который мог бы стать королем, запросил ужасную цену за свои необузданные амбиции. Однако в эпоху религиозного фанатизма его непреклонная жажда славы в войне с неверными, в какие бы темные и адские глубины она его ни завела, многим казалась признаком истинного рыцарственного героя, достойного одних лишь похвал.

* * *

Энрике снова обратится к морю. Каждый год его рейдерские экспедиции заходили чуть дальше вдоль африканского побережья Марокко, и понемногу у него созрел новый грандиозный план.

Как и многие образованные европейцы, он знал про настойчивые слухи о баснословно богатых золотых копях, расположенных в недрах Африки южнее пустыни Сахара, огромном регионе, который португальцы вслед за берберами называли Гвинея. Одна весьма авторитетная карта, «Каталонский атлас» 1375 года ¹²⁷, изображала мусульманского купца верхом на верблюде, приезжающего к легендарному императору Мансе Мусе в его столицу Тимбукту. На карте Манса Муса, на голове у которого покоится огромная тяжелая корона и который сидит на своем троне в самом сердце континента, протягивает купцу огромный самородок. «Столь изобильно золото, находимое в этой стране, – гласит подпись на карте, – что он самый богатый и самый благородный король в тех краях» ¹²⁸.

Притягательность легенды вполне объяснима. К тому времени Европа практически истощила собственные золотые копи и отчаянно нуждалась в золоте, чтобы поддерживать ликвидность экономики. Две трети импортируемого ею золота привозили в сумах, переброшенных между горбами верблюдов, бороздивших пустыню Сахара, однако сами христиане практически не имели доступа в глубь Африки. Надежный доступ к источнику золота принес бы двойную выгоду: это обогатило бы страну Энрике и привело бы к обнищанию мусульманских купцов, получавших наибольшую выгоду от этой торговли.

Но местонахождение копей оставалось тщательно охраняемым секретом, и все растущее разочарование – вполне предсказуемо – сменилось хороводом домыслов и бредовых выдумок.

Начиная с IV века картографы Европы стали прочерчивать на картах невероятно длинную реку, которая практически разделяла Африку надвое с востока на запад. Река называлась Рио-дель-Оро, или Золотая река, и в середине континента на карте она расходилась на два рукава, которые, сливаясь вновь, образовывали большой остров, весьма похожий на пупок на теле Африки. Энрике был убежден, что именно там найдется искомое золото, и по мере того как его корабли заходили все дальше на юг, он начал мечтать, как поплывет по Золотой реке и сам зачерпнет от источника.

Но имелось одно вопиющее препятствие. Почти на каждой мировой карте Атлантика представляла собой небольшую лужицу голубизны слева, а под ней за край карты уходил

¹²⁷ Атлас был составлен на Майорке ведущим иудейским картографом Абраамом Крескесом для короля Франции Карла V.

¹²⁸ Цитируется по: Jerry Brotton. *The Renaissance Bazaar: From the Silk Road to Michelangelo* (Oxford: Oxford University Press, 2002). Ради разнообразия легенды содержали крупную правду: добываемый на западе Судана золотой песок действительно перевозили в торговые города на границе пустыни Сахара, такие как, например, Тимбукту, где золото переплавляли в слитки и караванами отправляли в Северную Африку. Манса Муса, король могущественного государства Мали, приобрел свою славу за счет поразительной роскоши: в частности, во время хаджа в Мекку в 1324 году его сопровождали 100 нагруженных золотом верблюдов и 500 рабов с тяжелыми золотыми жезлами.

африканский континент. Последним известным ориентиром был скромный выступ приблизительно в пятистах милях южнее Танжера под названием мыс Божадор ¹²⁹.

Само это название внушало страх поколениям моряков, и его окружали жутковатые легенды. Бескрайнее мелководье не позволяло подойти к побережью, не попав на мель. Бурные прибрежные течения уносили корабли в неведомое. В море изливались огненные потоки, от которых закипала вода. Морские змеи только и ждали, чтобы сожрать тех, кто вторгся в их владения. Из океана вставали великаны и поднимали корабли на ладонях. От палящего зноя белые люди обращались в черных. Повсеместно считалось, что ни один, отправившийся туда, не вернулся, чтобы поведать о своем приключении.

Но Энрике не желал отступать. Когда в 1434 году его оруженосец Жил Эанеш приплыл домой и признался, что его экипаж испугался приблизиться к жуткому мысу, принц отправил его назад с новым наказом не возвращаться, пока дело не будет сделано.

Небольшой кораблик Эанеша опасно подползал к страшному мысу ¹³⁰. Волны и течения были сильными, тени с берега ложились далеко на воду, водяная дымка и туман затрудняли видимость, и чудилось, что направление ветров скорее всего помешает им вернуться домой. Но за красными дюнами мыса побережье тянулось с однообразной монотонностью. Опасности оказались мифом, возможно, распространяемым мусульманами, желавшими держать христиан подальше от своих караванных путей. Эанеш вернулся с победой и был посвящен в рыцари, а Энрике громогласно провозгласил, что тот, мол, превзошел поколения мудрецов и мореплавателей.

Девять лет спустя, в 1443 году он уговорил своего брата Педру, тогда регента после смерти Дуарте, даровать ему личную монополию на все судоходство к югу от мыса Божадор.

Затребовать себе в личную собственность море было самонадеянным шагом даже для предприимчивого принца, и притязания требовалось подкрепить делом. Португальских моряков, обладавших достаточным опытом и к тому же жаждой новых ощущений, было не так уж и много, и Энрике пришлось искать новых рекрутов за границей. Удобно было то, что его личные владения находились в Алгарве (название происходит от арабского аль-Гарб, или «запад»), совсем близко к Сагрешу, плоскому мысу в самом юго-западном уголке Португалии ¹³¹. В непогоду суда, направляющиеся из Средиземноморья в Северную Европу, искали укрытия под его отвесными скалами, и Энрике высылал своих людей навстречу каждому кораблю. Они показывали образцы товаров, какие выменяли или собрали его первоходцы, рассказывали о том, как принц открыл новые земли и какое там можно составить себе состояние, и улещивали матросов записываться в его флот.

На самом деле корабли Энрике возвращались всего лишь со шкурами и жиром от ставшего уже ежегодным массового боя морских котиков, хотя в 1441 году один капитан вернулся с «десятью чернокожими, мужчинами и женщинами... толикой золотой пыли и щитом из бычьей шкуры, а еще с несколькими страусовыми яйцами, так что однажды к столу принца подали три блюда из них, и они были так же свежи и вкусны, как от любой другой домашней птицы. И мы вполне можем предположить, — добавлял наш информатор, — что ни у одного

¹²⁹ Божадор — название португальское; более распространено испанское название — мыс Бохадор. — *Примеч. пер.*

¹³⁰ Европейские картографы и моряки Энрике, возможно, ошибочно сочли знаменитой путевой вехой более опасный мыс Хуби в 140 милях к северу от мыса Бохадор; сам по себе мыс Бохадор был скорее всего пройден незамеченным десятилетием ранее. См.: Russell. Prince Henry, 111–113.

¹³¹ Позднее считалось, что именно там располагалась академия Энрике. Согласно хронисту Жуану ди Баррушу, Энрике начал восстанавливать уже существовавший разрушенный поселок, позднее переименованный в Вила до Инфанте, или Город принца; скорее всего он задумывался как верфь, обслуживающая проходящие мимо корабли. В середине XV века, когда писал Зурара, он все еще строился и состоял из крепостных стен, небольшой крепости, нескольких домов, но никакой школы навигации там еще не существовало. Собственный флот Энрике отплыл из Лагоша, расположенного южнее по побережью Алгарве.

другого принца в христианском мире не было к столу подобных блюд»¹³². И все равно множество сорвиголов среди моряков не смогли устоять перед посулами Энрике. Альвизе Кадамосто, искатель приключений благородных кровей из Венеции, направлялся во Фландрию, когда его галеру вынесло на берег Алгарве. К нему тут же обратились рекрутеры Энрике и начали расписывать чудеса Африки. «Они столько сообщили в этом духе, – записал он, – что я и остальные премного дивились. И тем они пробудили во мне большое желание отправиться туда. Я спросил, позволяет ли их господин плыть туда любому, кто пожелает, и мне ответили, что позволяет»¹³³.

Денег, как и людей, в Португалии всегда не хватало, и даже имея ключи от казны тамплиеров, Энрике не мог бесконечно оплачивать дорогостоящие экспедиции. В Лиссабоне открыли свои представительства богатые итальянские финансисты, и Энрике выдал лицензию генуэзцам, флорентийцам и венецианцам на оснащение кораблей и спонсирование плаваний, всегда, впрочем, оставляя за собой долю в прибылях. Новая политика оправдалась: в 1445 году к Африке направилось целых двадцать шесть кораблей под парусами с красными крестами ордена Христа, принадлежавшего Энрике.

К тому времени корабельщики и экипажи принца нашли идеальное судно для исследования побережья и – что равно важно – для возвращения домой. Каравелла была изящным судном с низкой посадкой, способным идти вдоль берега и входить в устья рек. Она была оснащена латинским, или треугольным, парусом, позаимствованным через арабов из Индийского океана¹³⁴ и который откликался на малейший бриз и позволял идти ближе к линии ветра, нежели обычная квадратная оснастка. А еще, учитывая, что на корме имелась одна-единственная каюта, оно было чудовищно некомфортно и двигалось мучительно медленно. Пока корабли ползли вдоль побережья Сахары, приходилось постоянно выставять дозорных, которые высматривали бы буруны, говорящие, что впереди косяки рыбы либо мели. Требовалось наносить на карту линию берега, а также исследовать лежащие возле берега острова. Надо было бросать лоты, чтобы замерить глубину, а ночью всю работу вообще приходилось прекращать. Дальше к югу сильные течения тащили каравеллы к берегу, и им пришлось поднять паруса и отойти за пределы видимости суши. Чтобы вернуться домой, им потребовалось углубиться в Атлантический океан, борясь (они шли галсами) с северо-восточными пассатами, пока не зашли достаточно для того, чтобы поймать западные, которые пригнали их назад в Лиссабон.

Награда, однако, была немалой. Например, разрешилась старинная загадка, куда деваются птицы: в Сахаре зимой моряки видели ласточек, аистов, горлиц и грачей, а летом – соколов, цапель и лесных голубей, на африканскую зиму улетавших в Европу. В их сетях бились странная рыба-меч и диковинные рыбы-прилипалы, а мясо и яйца снежных пеликанов и грациозных фламинго составляли экзотичное дополнение к рациону. Сойдя на берег, они дивились бескрайним песчаным просторам песка и животным, обитавшим среди камней. Они видели крыс размером больше кролика и змей, способных проглотить козла, пустынных антилоп и страусов, бесчисленные стада газелей, ланей, без счета ежей, диких собак, шакалов и прочих тварей, совершенно человеку неведомых. От туч желтой и красной саранчи воздух темнел на мили вокруг, на дни скрывал солнце, и где бы они ни опускались, уничтожали все на поверхности земли. После бурных гроз голая земля расцветала за один день, песчаные смерчи ревели, как ужасные пожары, и бросали черепах и птиц, точно листья.

¹³² Gomes Eanes de Zurara. *The Chronicle of the Discovery and Conquest of Guinea*, transl. C.R. Beazly and Edgar Prestage (London: Hakluyt Society, 1896–1898), 1: Огромная добыча была взята как выкуп за трех пленников-мусульман.

¹³³ Crone. *The Voyages of Cadamosto*, Альвизе Кадамосто – португальское искажение настоящего имени венецианского морехода Альвиде да Ка'да Мосто.

¹³⁴ Процесс распространения был предметом долгих дебатов. См.: I. C. Campbell. «The Lateen Sail in World History», in *Journal of World History* 6, No. 1 (Spring 1995): 1-23.

Вбив в землю деревянные кресты, чтобы объявить ее собственностью Христа, первопроходцы отправились устанавливать контакт с туземцами, и их ошеломила ложная чехарда мелких царств и племен и сбивающее с толку многообразие их языков. Поскольку для начала знакомства они, высадившись на берег, подходили, лязгая доспехами, к пустынным пастухам, ужинавшим верблюжьим молоком, или к мирным рыбакам, жарящим на костре из водорослей рыбин или черепах, и с криком «Португалия и Святой Георгий!» захватывали пару пленников как информаторов и переводчиков, непонимание было взаимным.

Когда европейцы расхрабрились и стали продвигаться в глубь материка, то наткнулись на гористые местности, где росли лучшие на свете финики, но обитали там, по слухам, каннибалы, и на пустынные города мусульман, где дома и мечети были построены исключительно из блоков соли ¹³⁵. Временами им встречался какой-нибудь из прославленных верблюжьих караванов. Верблюды служили для перевозок и пропитания разом: тех животных, которым повезло меньше, не поили месяцами, затем заставляли напиваться чрезмерно, чтобы после их можно было убить во время перехода и брать воду из них. Смуглые купцы носили тюрбаны, отчасти скрывавшие их лица, и белые плащи с красной полосой, а еще ходили босыми. Это были мусульмане, торговавшие серебром и шелками из Гранады и Туниса в обмен на рабов и золото, и они были полны решимости держать чужаков подальше от своих путей.

Со временем пустыня сошла на нет, и, миновав устье реки Сенегал ¹³⁶, флот вошел в более густонаселенные тропики. Внезапно все стало казаться больше и красочнее. «Мне это представляется весьма чудесным, – писал преисполненный надежд венецианский искатель приключений Кадамосто, когда флот еще проплывал Сахару, – что за рекой все люди очень черные, высокие и крупные, их тела хорошо сложены, а сама земля зелена, полна деревьев и плодородна; тогда как на этой стороне люди коричневатые, маленькие, худощавые, недокормленные и малого роста; а земля здесь бесплодна и безводна» ¹³⁷.

Перед глазами европейцев предстал новый мир, какой не могло нарисовать даже самое буйное воображение. Здесь мужчины прижигали себя раскаленным железом, а женщины татуировали себя раскаленными иглами. Туземцы обоих полов носили золотые кольца в проколотых ноздрях, ушах и губах, и еще больше золотых колец звенело у женщин между ног. Новоприбывшие изумлялись тянущимся к небу деревьям, раскидистым мангровым лесам и говорящим птицам с ярким оперением. Они купили мартышек и бабуинов, чтобы отвезти домой; они глазели на бегемотов, стали свидетелями охоты на слона и отведали мяса этого гигантского животного, которое оказалось жестким и безвкусным. Вернувшись домой, они поднесли экзотические дары принцу Энрике, в том числе ногу, хобот, шкуру и засоленное мясо слоненка. Бивень и ногу взрослой особи Энрике преподнес своей сестре.

Поначалу африканцы были в равной мере зачарованы новоприбывшими. Они терли им конечности слюной, проверяя, не является ли их белизна краской. Они как будто сочли их волынки своего рода музыкальными животными. Они на весельных лодках подходили к

¹³⁵ Тагаза, ныне руины в пустыне Северного Мали, была крайне важным местом добычи соли, которое контролировали марокканцы и которое издавна являлось коммерческим и политическим центром Северной Африки. Каменную соль везли на юг караваны купцов, которые выменивали ее на золото в Судане, где она ценилась настолько, что ее рубили на куски и использовали в качестве денег. Обмен проходил в форме безмолвного аукциона, знаменитого со времен Геродота. Соль выкладывали горками, и купцы отходили; подходили рудокопы, выкладывали вдоль горок соли горки золота и исчезали. Вернувшиеся продавцы высчитывали, стоит ли брать предложенное или лучше подождать лучшего предложения, золото-добытчики возвращались забрать соль или предложить больше, и процесс продолжался до завершения всех сделок.

¹³⁶ На протяжении некоторого времени португальцы считали Сенегал притоком Нила; эта же ошибка прокралась в папскую буллу *Romanus Pontifex* от 1455 года. За притоки Нила по очереди принимали реки Гамбию, Нигер и Конго.

¹³⁷ G.R.Crone, transl. and ed. *The Voyages of Cadamosto*, К югу жили племена волоф и серер, к северу – асанаги (современные зенага), одна из крупных групп народа туарегов, кочевых берберов, которые составляли (и составляют) основное население пустыни Сахара.

каравеллам, приняв их (или так казалось португальцам) за огромных рыб или птиц, пока не увидели матросов и не сбежали.

К немалому смятению европейцев, вскоре выяснилось, что и тут тоже исповедуют ислам. Тем не менее вера туземцев была далека от фанатизма, они были по большей части бедны, и по меньшей мере некоторые – счастливы вести дела с христианами. Во время одной экспедиции в глубь Сенегала Кадамосто пригласили в столицу ближайшего королевства ¹³⁸, где – типично для его собратьев-первопроходцев – он ожидал увидеть монархию европейского типа и настоящий двор. Подходя к трону, он увидел, как просители бросаются на колени, склоняют головы до земли и посыпают песком обнаженные плечи. Пресмыкаясь таким образом, они ползли вперед, объявляли свое дело, после чего их бесцеремонно отсылали прочь. Поскольку выяснилось, что жен и детей подданного здесь могут схватить и продать в рабство в наказание даже за самый мелкий проступок, Кадамосто решил, что волнение и дрожь просителей вполне уместны. Царю и его приближенным, одобрительно отметил он, повинуются с много большей готовностью, чем в Европе, хотя, добавил он, люди тут «большие лжецы и обманщики».

Если многие обычаи Африки казались примитивными, то расценить другие оказалось гораздо сложнее. Вскоре Кадамосто уже оказался втянут в дебаты о тонкостях религии с придворными мусульманскими священниками. Как всегда, дискуссию открыли европейцы, сообщив царю, что он исповедует ложную веру. Если христианский Бог справедливый господин, со смехом ответил им царь, то у него и его людей много больше шансов попасть в рай, чем у них, поскольку Европа была наделена много большими богатствами в земной юдоли. «В этом, – отметил Кадамосто, – он проявил большой здравый смысл и глубокое понимание людей» ¹³⁹. Царь выказал понимание иного рода, когда в знак доброй воли подарил венецианцу «красивую молодую негритянку двенадцати лет от роду, сказав, что дает ее мне для услуг в моей комнате. Я ее принял, – записал Кадамосто, – и отправил ее на корабль» ¹⁴⁰.

Не все африканские правители были настроены столь доброжелательно, и первопроходцы вскоре обнаружили, что подвергаются постоянным нападениям. Из леса возникали воины, вооруженные круглыми щитами, обтянутыми кожей газели, копьями с зазубренными железными наконечниками, обмазанными змеиным ядом и соком неведомых растений, похожими на палицы дротиками и скимитарами наподобие арабских. Одни пускались в боевые танцы и песнопения, другие незаметно подплывали на лодках. Все были бесстрашны и предпочитали смерть бегству. Каждая каравелла была оснащена небольшой пушкой, стрелявшей маленькими каменными ядрами, но множество рыцарей, оруженосцев, солдат и матросов погибло под натиском туземцев, а пленников, которых посылали на берег в качестве переводчиков, неизменно забивали до смерти.

По мере того как каравеллы, теряя все больше людей, едва-едва добирались домой, Энрике начало тревожить нарастание враждебности. Он приказал солдатам стрелять только для самообороны, но к тому времени слухи о кровожадности белых уже распространились. Когда следующая экспедиция прибыла к широченному устью реки Гамбия (на расстоянии более чем полутора тысяч миль от Лиссабона), то обнаружила, что слухи ее опередили и что белых здесь считают канныбалами с особым пристрастием к черному мясу. Когда корабли начали подниматься вверх по реке, из леса появилось множество туземцев, которые стали забрасывать их дротиками и выпустили град отравленных стрел. Навстречу незванным гостям вышел на веслах флот боевых плоскодонок. Крепкого телосложения воины были одеты в белые хлопчатые рубахи и шапки с белыми перьями и, как отмечал Кадамосто-

¹³⁸ Это была столица одного из двух королевств волофов, с которыми португальцы завязали торговые отношения.

¹³⁹ G.R.Crone, transl. and ed. *The Voyages of Cadamosto*, 41.

¹⁴⁰ Там же, 36.

сто, «были чрезвычайно черны» ¹⁴¹. В ходе последовавших затем переговоров европейцы поинтересовались, почему на них, мирных купцов, привезших дары, напали. Африканцы, по сообщению Кадамосто, ответили, что «ни на каких условиях не хотят нашей дружбы, но желают вырезать всех нас, а наше имущество поднести в дар своему господину» ¹⁴². Даже грохот выстрелов, как оказалось, был не в силах отпугнуть их надолго, и нежеланным гостям снова пришлось поспешно отступить.

По мере того как ширились торговые контакты Португалии на побережье, в Лиссабон начали поступать немногочисленные мешочки золотого песка; скоро на лиссабонском монетном дворе будет отчеканена первая за почти сто лет португальская золотая монета, удачно окрещенная крузадо, то есть «крестоносец». Однако Золотая река обернулась миражом, и еще меньше Энрике продвинулся в своей второй по значимости миссии – в поисках могущественного союзника против ислама.

Где-то далеко за морем, как гласили древние легенды, лежала затерянная христианская империя баснословных могущества и богатства. Ее правитель был известен как пресвитер Иоанн.

Слово «пресвитер» по-гречески означает «священник», но Иоанн был необычным священнослужителем. Европейцы твердо верили, что он могущественный христианский царь и скорее всего потомок одного из трех волхвов, которые поднесли золото, благовония и мирру младенцу Христу. Столетия догадок и домыслов наделили царство пресвитера всяческими чудесами, включая источник молодости, который веками поддерживает его жизнь, зеркало, в котором отражается весь мир, и изумрудный стол, освещенный драгоценным бальзамом, горящим в бесчисленных лампах, за который он усаживает по тридцать тысяч гостей за раз. В эпоху, когда отпущенный Ною срок жизни ¹⁴³ считался общепризнанным фактом, сверхъестественное существование пресвитера Иоанна представлялось совершенно логичным; или по меньшей мере оно придавало весу мечтам Запада о вселенском христианстве.

Легенда о пресвитере Иоанне была не просто популярной сказкой. Она выросла из череды слухов, мошенничеств и недопонятых фактов, но многие могущественные люди, включая целую череду пап римских, воспринимали ее как непреложную истину.

Известные факты были таковы. В 1122 году некто, объявивший себя Иоанном, епископом Индии, предстал перед папой римским и описал свою землю как богатые христианские владения. Два десятилетия спустя один немецкий епископ ¹⁴⁴ поведал, что некий христианский царь ведет войну с Ираном; по словам его информатора, добавлял епископ, царя зовут пресвитер Иоанн и он имеет скипетр, вырезанный из цельного изумруда. Ни та ни другая информация не наделала большого шума до 1165 года, когда по всей Европе начали появляться копии письма, подписанного пресвитером Иоанном. Написано оно было надменным тоном, подобающим тому, кто утверждал, будто правит над 72 царями, и величал себя «императором трех Индий». За столом ему, как сообщал он читателям, прислуживают «семь царей, каждый в свой день, шестьдесят два герцога и триста шестьдесят пять графов... В нашем зале ежедневно обедают по правую нашу руку двенадцать архиепископов и двадцать епископов по левую» ¹⁴⁵. Сосчитайте звезды в небе и песчинки на дне морском, любезно предлагал он, и сможете угадать размеры его владений и мощи.

¹⁴¹ Там же, 58.

¹⁴² Там же, 60.

¹⁴³ 950 лет (Быт. 9:29).

¹⁴⁴ Оттон Фрейзингенский, сводный брат императора Священной Римской империи. В своей «Chronica de duabus civitatibus» («Двойной истории Иерусалима и Вавилона») Оттон Фрейзингенский сообщает, что Гуго, епископ Джабалы в Сирии, рассказал ему про царя-несторианина на востоке – пресвитера Иоанна.

¹⁴⁵ Цитируется по: Robert Silverberg. The Realm of Prester John (Carden City, NY: Doubleday, 1972), Во времена Васко

Поскольку европейцы Средних веков жили на постоянной диете из диковин и чудес, от подобных чрезмерных и чудесных утверждений письма делались тем более достойными доверия. Далее пресвитер объяснял, что его царство может похвастаться «людьми рогатыми, людьми одноглазыми, людьми, имеющими глаза и на лице, и на затылке, кентаврами, сатирами, пигмеями, великанами, циклопами, фениксами и любыми животными, каких видавали на земле»¹⁴⁶. Среди прочих упоминались львы с птичьими крыльями, называемые грифонами, которые способны унести к себе в гнездо целого быка, а еще птицы, именуемые тиграми, которые способны убить рыцаря с лошадью, и пара царских птиц с оперением цвета пламени и крыльями острыми, как бритвы, которые шестьдесят лет правили всем птичьим царством, пока, отказавшись от короны, не бросились в море, где нашли свою гибель. Раса пигмеев вела ежегодную и как будто одностороннюю войну с птицами, а народ лучников имел то преимущество, что ниже пояса имел туловища и конечности лошадей. На другом краю царства сорок тысяч человек были заняты разведением костров, согревающих червей, которые изрыгают серебряные нити.

После двенадцати лет раздумий над этим поразительным посланием папа римский решил направить ответ. Дешеву он доверил своему личному лекарю, который отправился на поиски прославленного царя, – и с тех пор о нем ничего не слышали. Тем не менее письмо с Востока завладело воображением Европы: его перевели на разные языки и с интересом читали столетиями. Всякий раз, когда Европе угрожала опасность с моря, почти ожидалось, что пресвитер Иоанн придет на помощь и раздавит неверных. Во время крестовых походов ходили слухи, что он планирует напасть на Иерусалим. Когда на Европу напали монголы, его царство сместилось в Центральную Азию, где, как одно время полагали, он был приемным отцом Чингисхана, с которым тот рассорился¹⁴⁷. Недолгое время его считали погибшим¹⁴⁸, когда дошли слухи, что он вызвал гнев Чингисхана, отказавшись отдать за него свою дочь, и потерпел поражение в войне, которая из этого воспоследовала, но когда Европа начала мечтать об обращении монголов в христианство, он восстал как новый монгольский правитель.

Утверждалось, что популярность пресвитера Иоанна¹⁴⁹ в три раза больше, чем всего западного христианства, вместе взятого. Его постоянная армия будто бы насчитывала сто тысяч человек, а его воины сражались оружием из чистого золота. Если потребуется, он способен вывести в поле миллион бойцов; от слухов, что они сражаются голыми, эти бойцы становились тем более устрашающими. Он будто бы был самым могущественным человеком на свете, распоряжавшимся неисчислимыми запасами ценных металлов и драгоценных камней. Объединившись с его непобедимыми армиями, Европа непременно стерла бы ислам с лица земли.

Если бы только его удалось найти.

К тому времени, когда Энрике отправил свои экспедиции искать пресвитера Иоанна, владения великого царя переместили в Восточную Африку. Сдвиг, по сути, был не так уж

да Гамы письмо еще имело широкое хождение.

¹⁴⁶ Цитируется по: L. N. Gumilev. Searches for an Imaginary Kingdom: The Legend of the Kingdom of Prester John, transl. R.E. Smith (Cambridge: Cambridge University Press, 1987), 6.

¹⁴⁷ Европейцы идентифицировали его с Тоорилом (Прочие версии имени – Тогорил, Торгул. – *Примеч. пер.*), ханом племени кераитов. Тоорил был побратимом отца Чингисхана и, возможно, несторианином по вероисповеданию. История приобрела еще большую правдоподобность, когда Тоорил попытался убить бывшего протеже, ставшего, на его взгляд, слишком могущественным. Тоорил был убит, когда спасался бегством с поля битвы, и Чингисхан женил своего сына на племяннице Тоорила.

¹⁴⁸ Источником сведений был не кто иной, как Марко Поло. Историк и участник крестовых походов Жан де Жуанвиль излагает ту же историю. В хронике Виллема де Рубрука царем кераитов назван брат пресвитера Иоанна; согласно той же хронике, монголы разбили их обоих, и сын Чингисхана взял в жены дочь пресвитера Иоанна.

¹⁴⁹ Значительной частью своей притягательности легенда о пресвитере Иоанне обязана надписям на картах мира. См.: Russell. Prince Henry, 122.

велик. Это мало чем отличалось от веры в то, будто он правит в Индии, поскольку европейцы постепенно поверили, что Индия и Африка соединены друг с другом. Восточная Африка была известна также как Средняя Индия, а еще более запутывало ситуацию то, что Среднюю Индию идентифицировали с Эфиопским царством¹⁵⁰.

Эфиопия считалась древней христианской страной, но, учитывая, что ислам блокировал все пути туда, Европа утратила с ней контакты, и постепенно ее окружило множество легенд. Одни говорили, что она отделена от Египта и лежит по ту сторону пустыни, а чтобы пересечь ее, требуется пятьдесят дней¹⁵¹; другие утверждали, будто эфиопы невосприимчивы к болезням и живут по двести лет. В 1306 году, после столетий тишины при папском дворе во Франции внезапно объявился посол из Эфиопии, и пресвитер Иоанн тут же был помазан патриархом эфиопской церкви – без сомнения, чтобы доставить удовольствие обеим сторонам. Поскольку для него это был шаг на ступеньку ниже, его вскоре произвели из патриархов в самодержцы и идентифицировали со всемогущим императором бескрайнего и могущественного государства Эфиопия. К 1400 году гипотеза утвердилась настолько, что английский король Генрих IV писал пресвитеру в его новом качестве, исходя из слухов, что великий правитель вновь собирается походом на Иерусалим. То, что европейцы упорно называли их монарха пресвитером Иоанном, постоянно приводило в замешательство эфиопских послов, которые время от времени добирались в Европу на протяжении XV столетия (так, приезд одного из них произвел большой переполох в Лиссабоне в 1452 году), хотя, несомненно, им льстило, что их принимают как особ много более важных, чем они могли бы предполагать.

И вновь чаяния Европы взмыли в небеса, ведь священник-царь непременно должен стать решающим союзником против ислама. Но даже если он согласится на союз, оставалась проблема, как до него добраться. Затруднение как будто разрешилось, когда начали появляться карты, на которых в западное побережье Африки врезался полумесяцем огромный залив. Названный *Sinus Aethiopicus*, или Эфиопский, этот залив как будто вел в самое сердце владений пресвитера.

Годами, пока португальские корабли плавали к тому месту, где полагалось быть разверстому зеву залива, принц Энрике давал наказ за наказом расспрашивать всех о новостях об Индиях и их священнике-царе пресвитере Иоанне. Когда в 1454 году принц подал папе петицию (которая была дарована) об Атлантической монополии, он обещал, что его экспедиции вскоре дойдут «до самих индийцев, которые, как говорят, поклоняются Христу, так что мы сможем войти с ними в сношения и убедить их помочь христианам против сарацин»¹⁵². Христианская Индия, которую португальцы будут искать еще десятилетия, была вовсе не Индией, а Эфиопией.

Энрике так и не нашел свой *Sinus Aethiopicus*, прямой путь в земли пресвитера. Поиски великого царя будут продолжаться, и западное христианство и впредь будет стараться дотянуться до чудес, чтобы утвердить свое господство на земном шаре.

Гвинея оказалась совсем непохожей на ослепительную Эфиопию европейских фантазий. Ее торговые посты были разбросаны по бескрайним диким землям, а сезонные караваны – практически невозможно проследить. За исключением толики золота, товары, кото-

¹⁵⁰ Называемая так, чтобы отличить ее от Великой Индии и Малой Индии или – приблизительно – полуострова Индостан и Индокитая. Названия изобретены Марко Поло; Эфиопия у него тоже называется Индией: *India Tertia* – Третья Индия. Различия между ними были уделом знатоков: большинство простых людей считали любое загадочное место к востоку от реки Нил той или иной частью Индий.

¹⁵¹ См.: *Travelers in Disguise: Narratives of Eastern Travel* by Poggio Bracciolini and Ludovico de Varthema, transl. John Winter Jones, rev. Lincoln Davis Hammond (Cambridge, MA: Harvard University Press, 163), 42.

¹⁵² Russell. Prince Henry, 121.

рые привозили домой первопроходцы – шкуры антилоп, янтарь, живых виверр и их мускус, смолу гуммиарабик, сладкую смолу, черепаший и тюлений жир, финики и страусовые яйца¹⁵³, – были экзотическими, но едва ли могли перевернуть мир. Хуже того, сами африканцы так пренебрежительно относились к тюкам грубой материи, которые предлагали в обмен португальцы, что Энрике был вынужден покупать товары хорошего качества в Марокко для перепродажи в Гвинее. Когда его экспедиции натолкнулись на согласованное сопротивление и были вынуждены идти на уступки, он объяснял, что торговля просто еще один способ вести борьбу против ислама¹⁵⁴. Но теперь даже эта отговорка становилась опасно неубедительной.

Рокот недовольства в самой Португалии уже невозможно было игнорировать. Колоссальные расходы денежных и людских ресурсов, на которых настаивал Энрике, как будто ни к чему не вели.

Недовольство улеглось с появлением товара почти столь же ценного, как золото: людей.

Первая полноценная экспедиция Энрике Мореплавателя по захвату рабов отплыла в 1444 году и жестоко напала на мирные рыбацкие поселки острова Аргуин в одноименном заливе. Спустив под покровом ночи шлюпки, солдаты напали на островитян на рассвете с яростными криками «Португалия, святой Иаков и святой Георг!». Хроники зафиксировали жуткую сцену: «Можно было видеть, как матери бросают своих детей и мужчины оставляют на произвол судьбы жен, и каждый думал только о том, чтобы бежать со всей возможной поспешностью. И одни бросались в море, а другие искали укрытия в хижинах, а третьи прятали детей своих под грязью, надеясь так уберечь их от глаз врага, а после за ними вернуться. И наконец Господь наш, Кто вознаграждает любое правое дело, повелел, чтобы труды того дня проделаны были нашими людьми на службе Его, и даровал им победу над их врагами и награду за их старания и невзгоды в том, что взяты были сто шестьдесят пять пленников, мужчин, женщин и детей, не считая тех, кто умер или убил себя»¹⁵⁵.

Вознеся благодарственные молитвы, захватчики перебрались на соседний остров. Обнаружив, что поселок заброшен, они подстерегли девять мужчин и женщин, потихоньку пробиравшихся с ослами, груженными панцирями черепах. Один из девяти сбегал и предупредил жителей соседнего поселка, который тоже опустел к тому времени, когда объявились португальцы. Жителей они вскоре заметили на песчаной мели, куда те бежали на плоту. Поскольку залив был слишком мелок, чтобы добраться до них на лодке, португальцы вернулись в деревню и вытащили восемь прятавшихся женщин. На следующее утро они вернулись для рейда на рассвете. Деревня была все еще заброшена, и они пошли на веслах вдоль берега, время от времени высаживаясь на поиски новых жертв. В конечном итоге они наткнулись на большую группу беглецов и захватили семнадцать или восемнадцать женщин и детей, «ибо они не могли бежать чересчур быстро»¹⁵⁶. Вскоре после этого видели, как большое число туземцев спасается на плотках. Радость португальцев, как сетовали хроники, вскоре обернулась горем, когда они поняли, какой упущен будет шанс заслужить славу и

¹⁵³ Там же, 202, 211.

¹⁵⁴ Утверждение было не столь лицемерным, как может показаться сегодня. В эпоху, когда церковь и государство были неразрывно связаны, невозможно было разделить религиозное и светское благосостояние страны. Крестоносцы былых времен, не задумываясь, сводили в одну упряжку религию, войну, власть и прибыль, не видели тут ничего странного и крестоносцы новые. Богатство считалось благословением Божиим: один итальянский купец каждую страницу своего грессбуха начинал с заголовка «Во имя Господа и прибыли». C.R. Boxer. *The Portuguese Seaborne Empire 1415–1825* (London: Hutchinson, 1969), 18.

¹⁵⁵ Gomes Eanes de Zurara. *Conquests and Discoveries of Henry the Navigator*, ed. Virginia de Castro e Almeida and transl. Bernard Miall (London: Allen & Unwin, 1936), 160–161.

¹⁵⁶ Там же, 164–166.

прибыль, когда оказалось, что все пленники не помещаются на кораблях. Тем не менее их на веслах перевезли на борт и, «движимые жалостью, пусть даже плоты были заполнены неверными мусульманами, убили лишь немногих. Однако следует полагать, что многие мавры, охваченные страхом, бросились с плотов и погибли в море. И христиане потому, проходя мимо плотов, выбирали превыше всего детей, чтобы как можно больше из них увести к себе на корабль, и из них взяли четырнадцать».

Возблагодарив Господа за победу над врагами веры и «более чем когда-либо желая потрудиться на службе Господа», португальцы на следующий день отправились захватывать новых пленных. Пока они этим занимались, на них набросилась толпа туземцев, и им пришлось бежать. Вовсе не выставляя агрессоров дураками, хроники утверждали, что рассерженные туземцы были посланы Богом, чтобы отвадить христиан до того, как на место прибыли три сотни вооруженных воинов. И тем не менее только они прыгнули в лодки, как «на них напали мавры, и все сражались в великом беспорядке». Португальцам удалось убраться целыми и невредимыми и захватить новых пленников, включая юную девушку, которую забыли односельчане. Всего они согнали 240 мужчин, женщин и детей, которых предстояло связать и загнать на ожидающие корабли, где переполненные трюмы и палубы, кишачие крысами и тараканами, воняющие стоялой водой и гниющей рыбой, теперь воняли еще испражнениями дрожащих и паникующих рабов.

Когда живой груз доставили в Португалию, молва о нем разошлась широко. Взбудораженные зеваки запрудили гавань, сам Энрике приехал надзирать за распределением добычи. Сидя верхом на прекрасном жеребце и выкрикивая приказы, он превратил омерзительную сцену в апофеоз паблик-рилейшнс.

После мучительного плавания рабы являли собой жалкое зрелище, и по мере того как их нагими выводили на набережную и заставляли показывать свою силу, даже португальцы пришли в ужас. «Что за сердце может быть столь жестоко, чтобы его не пронзило жалостное чувство при виде этого сборища?» – писал хронист Гомеш Ианиш ди Зурара, очевидец происходящего, признавшийся, что оно тронуло его до слез.

«Ибо одни понурили головы и их лица были омыты слезами, когда они смотрели друг на друга; иные жалостно стонали, поднимая взоры к небесам и громко крича, точно зывали о помощи к Матери-Природе; третьи били себя ладонями по лицу и всем телом бросались наземь; еще иные возносили свои сетования заунывным пением, как это заведено в их стране. И хотя мы не понимали слов их языка, звуки его вполне передавали суть их печали. Но чтобы еще более усилить их страдания, явились те, на кого было возложено разлучить пленников и кто начал отделять одних от других... И тогда потребовалось отделить отцов от сыновей, мужей от жен, братьев от братьев. Никакого снисхождения не было выказано ни дружеским, ни семейным узам, но каждый отправился туда, куда выпала ему участь. Кто мог бы завершить такое разделение без весьма больших трудов? Ибо нередко в одну сторону отводили сыновей, а в другую – отцов, и последние тогда вскакивали с большой живостью и бежали к ним; матери сжимали в объятиях детей и бросались с ними на землю, получая удары без жалости по собственному телу, лишь бы детей у них не отнимали»¹⁵⁷.

Энрике глядел удовлетворенно. Он дал свой ответ критикам: пусть он не нашел золотых россыпей, зато поставил Португалию в один ряд с основными работорговыми державами мира. Когда в следующем году в Лиссабон доставили новый человеческий улов, скептиков наконец заставили замолчать. «Теперь, – отмечал ди Зурара, когда на борт кораблей хлынули любопытные, – не нашлось никого, кто согласился бы признать, что некогда был в числе недовольных. Когда видели, как связанных веревками пленников ведут по улицам,

¹⁵⁷ Zurara. *Discovery and Conquest of Guinea*, 1:81–82.

столпотворение было таково, что толпы славили великие добродетели принца, и ежели кто-то посмел бы вслух говорить противное, его быстро заставили бы замолчать»¹⁵⁸.

Закованные в кандалы невольники спасли поход Португалии за освоение океанов.

Рабство в Средние века было довольно распространенным явлением. Целые мусульманские сообщества были построены на рабстве: размах его был так велик, что в середине IX века в Ираке взбунтовалось полмиллиона рабов. Невольников продавали в торговых итальянских республиках: среди них особо выделялась Генуя, не церемонившаяся из-за того, откуда прибывает человеческий груз, и на торгах там регулярно появлялись крупные партии православных христиан. Еще большее число рабов привозили через Кавказ и Сахару, или же их захватывали пираты Берберского побережья¹⁵⁹; по неким подсчетам, для продажи на невольничьих рынках Северной Африки пираты похитили в общем и целом более миллиона мужчин, женщин и детей. Мало какая страна не запятнала себя подобной торговлей, и мало кто видел в ней что-либо дурное. Большинство отмахивались от жертв как от людей низшего порядка; многие (включая африканских военных вождей, продававших своих врагов ради пшеницы, тканей, лошадей и вина) полагали законной добычей любого пленного. Чувствительные христиане утешали себя, воображая, что рабов спасли от безбожного существования, когда они жили ничуть не лучше животных, и никто не видел ничего странного в том, чтобы отобрать у человека свободу, лишь бы спасти его душу. Слезливый ди Зурара напоминал себе, что рабство произошло от проклятия, которое Ной после Потопа возложил на своего сына Хама: чернокожие, объяснял он, происходят от Хама и потому на веки веков подчинены всем прочим народам. Любые лишения, какие они терпят, заверял он своих читателей, бледнеют в сравнении с «чудесными новшествами, которые их ожидают»¹⁶⁰. При жизни Энрике было захвачено или куплено и привезено в Португалию приблизительно 20 тысяч африканцев¹⁶¹; к началу следующего столетия их число выросло до 150 тысяч.

Новая ипостась принца Энрике как главы работоторговцев никогда не давала его почитателям усомниться в его убеждениях крестоносца. Даже напротив: в этом они видели непротивное подтверждение тому, что его исследование Атлантики является прямым продолжением его пожизненного крестового похода. Поскольку Энрике был занят постоянной войной с неверными, и поскольку война с неверными была по определению справедливой, любой, захваченный им, являлся законным пленником и по обычаям того времени подлежал порабощению. В противоположность обычным работоторговцам Энрике удостаивался высших похвал за постоянные напоминания, дескать, торговлей он занялся лишь для того, чтобы нести Евангелие злополучным язычникам. В глазах его соотечественников устраиваемые им рейды по захвату рабов были великими деяниями рыцарственности, достойными похвал не меньше, чем захват пленных на поле битвы. Сам Энрике, без сомнения, верил, что его новый вид коммерции не только прибылен, но и бесконечно угоден Господу.

¹⁵⁸ Russell. Prince Henry, 246.

¹⁵⁹ Будущих рабов захватывали по большей части в прибрежных селениях Испании, Португалии и Италии, однако берберские пираты также совершали набеги на Францию, Англию, Ирландию и Нидерланды, даже на Исландию и Северную Америку. Европе приходилось раскошелиться в попытке их отвадить, а первая заморская военная кампания Соединенных Штатов велась как раз против пиратов в ходе Первой и Второй Берберских войн соответственно в 1801–1805 годах и в 1815 году. См.: Joshua E. London. Victory in Tripoly: How America's War with Barbary Pirates Established the U.S. Navy and Shaped a Nation (Hoboken, NJ: Wiley, 2005).

¹⁶⁰ Russell. Prince Henry, О теории Ноя и Каина ди Зурары см.: Zurara. Discovery and Conquest of Guinea, 2: Уже через сорок лет португальцы стали играть роль посредников между африканскими вождями и работоторговцами-мусульманами, и всяческие притязания на миссионерство и спасение душ были позабыты. Эта практика в конечном итоге прекратилась, когда король Жуан III (1521–1557) понял, что обрекает невольников на вечные муки в аду, — от внимания его предшественников это, по всей очевидности, ускользало.

¹⁶¹ Данные приводятся в: Russell. Prince Henry, Цифра 150 тысяч приведена в: Boxer. Portuguese Seaborne Empire, 31.

Церковь не просто соглашалась, а прилагала немало усилий, чтобы ясно выказать свое одобрение. В 1452 году папа римский издал буллу, наделяющую португальцев властью и правом нападать, завоевывать и подчинять любых «сарацин, язычников и всех прочих неверующих»¹⁶², каковые им встретятся, захватывать их имущество и земли и порабощать их в наследственное рабство, – пусть даже они приняли христианство. Рим уже даровал полное отпущение грехов всем христианам, отправившимся в поход под крестом ордена Христа, и в 1454 году передал ордену Энрике исключительную духовную юрисдикцию надо всеми недавно открытыми странами.

Поразительная мысль, что африканцы, которые почему-то не сумели прийти к истинной вере, находятся «за рамками законов Христа и в распоряжении, насколько речь идет об их телах, любой христианской страны», – была знаменем, которое первые европейские колонисты несли с собой по всему миру. Они путешествовали не только ради удовольствия новых открытий или торговых выгод: они плыли крестить и завоевывать именем Христа. Религиозное рвение вкупе с шансом грабежа эпического размаха было смертоносным стимулом, и он неумолимо погонит португальцев в Индию и за ее пределы.

Дорогой ценой инаугурации атлантической работорговли Энрике радикально расширил горизонты Европы. Делу, которому он положил начало, предстоит еще долгая жизнь, и внезапно оно станет тем более настоящим, когда с Востока придет ошеломляющее известие.

¹⁶² Булла «Dum Diversas», датированная 18 июня 1452 года, была издана папой Николаем V. Не каждый папа римский одобрял рабство: в булле «Sicutum dudum» 1435 года папа Евгений IV пригрозил работорговцам отлучением от церкви.

Глава 5

Конец света

22 мая 1453 года солнце село над осажденным Константинополем ¹⁶³. Час спустя в прозрачном небе поднялась полная луна, но внезапно ее затянула чернота затмения, оставив лишь узкий нездоровый серп. Всю ночь напролет паникующие толпы метались по древним улицам, освещенным лишь мигающими красноватыми отсветами вражеских костров за стенами. Воздевая к небу драгоценные иконы и распевая молитвы Богу, Пресвятой Деве и всем святым, последние римляне знали, что древнее пророчество наконец свершилось. Небеса застились, конец подступал.

Более тысячи лет о твердыню стен Константинополя разбивались волны варваров и персов, арабов и турок. Он пережил опустошительные поветрия болезней, кровопролитные династические неурядицы и мародеров-крестоносцев. Золотой город кесарей постепенно превратился в выхолощенный остов, его население, составлявшее теперь десятую часть того, что жило тут в пору расцвета Византийской империи, было разбросано по полям, усеянным обломками былого величия. Но он все же держался. Давным-давно он утратил свой латинский язык и перенял греческий, на котором говорила большая часть его населения. Европейцы Запада давно уже называли эту империю греческой. Позднее историки окрестят ее Византией, по имени города, на месте которого вырос Константинополь. Но для своих гордых граждан он всегда был римским, последним живым и дышащим осколком античного мира.

Османскому султану двадцати одного года от роду, который раскинул свой шатер в четверти мили к западу от города, рисовались блестящие перспективы: не столько окончательное падение Римской империи, сколько ее возрождение под его собственной эгидой. Мехмед II, крепыш среднего роста с пронзительным взглядом, орлиным носом, маленьким ртом и громким голосом, бегло говорил на шести языках и усердно изучал историю ¹⁶⁴. Он уже овладел почти всеми старыми римскими землями на Востоке, и история подсказывала ему, что завоеватель восточной столицы римлян унаследует мантию великих императоров былых времен. Он станет полноправным цезарем, а его ретивое честолюбие вернет громовую власть священному, но выхолощенному имени.

¹⁶³ К главе 5.

¹⁶⁴ Среди свидетельств очевидцев осады – подробный дневник Николо Барбаро, венецианского аристократа и косто-права*, склонного преувеличивать роль своих соотечественников в защите города, хроника Георгия Сфрандизи, канцлера города**, и письмо папе римскому Леонарда Хиосского, епископа Лесбоса, посланного в Константинополь вести переговоры об объединении церквей***. Эти повествования приведены в: J.R. Melville Jones, ed. *The Siege of Constantinople: Seven Contemporary Accounts* (Amsterdam: Hakkert, 1972). По истории Византии и осаде Константинополя см.: Steven Runciman. *The Fall of Constantinople: 1452* (Cambridge: Cambridge University Press, 1965); John Julius Norwich. *Byzantium: The Decline and Fall* (London: Viking, 1995); Roger Crowley. *Constantinople: The Last Great Siege, 1453* (London: Faber & Faber, 2005). *Николо Барбаро был на момент падения Константинополя послом Венеции в Византии, по другим версиям, попал в Константинополь как судовой врач одной из венецианских галер. – *Примеч. пер.* **Георгий Сфрандизи был историком Византии и выполнял ряд поручений для сына императора Мануила II Константина, а также в начале своей карьеры служил в канцелярии, но канцлером никогда не был. – *Примеч. пер.* ***Леонард Хиосский был архиепископом Мелитинским и оставил ряд записок об осаде; письма и донесения папе Николаю V отправлял папский легат в Византии кардинал Исидор Русский, бывший епископ Киевский (изгнанный из России за попытку внедрения унии с римско-католической церковью); Исидор Русский и Леонард Хиосский должны были не вести переговоры об унии (Флорентийская уния уже была подписана в 1439 году), а проследить за исполнением положений унии, уже заключенной, – которые никак не исполнялись. Самое любопытное то, что все эти сведения содержатся, в частности, в монографии Роджера Кроули (Roger Crowley. *Constantinople: The Last Great Siege, 1453* (London: Faber & Faber, 2005)), которую автор приводит ниже в качестве своего источника. – *Примеч. пер.*

Пока турки смыкали кольцо, византийский император в последний раз воззвал к Западу. От отчаяния он лично посетил папу римского ¹⁶⁵ и согласился воссоединить ортодоксально православную и римско-католическую церкви. Его мольбы разбились о столетия давнишней вражды между греками и итальянцами, и даже в свой последний час жители Константинополя развязали бурную общественную кампанию против примирения. Кроме того, если папство, как всегда, было не прочь использовать ситуацию с возможно большей для себя выгодой, Европа пресытилась поражениями от рук турок. На сей раз не будет ни папской коалиции, ни крестоносной армии, которые защитили бы восточный оплот христианства.

На подступах к городу с суши турки установили чудовищных размеров пушку со стволом в двадцать шесть футов длиной и дулом таким широким, что туда мог заползти взрослый мужчина, а весом таким, что потребовалось тридцать тягловых быков и четыреста человек, чтобы водрузить ее на отведенное место. На протяжении семи недель ее ядра весом в тысячу двести фунтов ударяли в древние стены и сотрясали землю с силой удара метеорита. Бесчисленные пушки поменьше обращали в пыль внешние укрепления, заставляя солдат, монахов и матерей семейств бросаться залатывать бреши. Монументальные стены были серьезно повреждены, но еще стояли, и в последний раз несколько тысяч уцелевших защитников собрались с духом.

Для православных столица восточного христианства была не только новым Римом, она была Новым Иерусалимом, колыбелью христианства как такового. Сам город представлялся сокровищницей священных реликвий, которым приписывали чудесную силу ¹⁶⁶: предположительно среди них находились большие куски Честного и Животворящего Креста Господня и святые гвозди, сандалии Христа, алое одеяние, терновый венец и покров, а еще остатки рыб и хлеба, которыми были накормлены пять тысяч человек, а также голова Иоанна Крестителя целиком, с волосами и бородой, и сладко благоухающие одежды Девы Марии, которую часто видели ходящей по стенам и вдохновляющей защитников. В дни расцвета Константинополя Святой Андрей Юродивый, бывший раб, ставший аскетом, чье очевидное безумие воспринималось последователями как знак его крайней святости ¹⁶⁷, пообещал, что до скончания времен великому городу нечего страшиться врагов. «Ни один народ не поработит и не захватит его, – возвестил он своему ученику Епифанию, – ибо он вручен Божьей руке, и никто не вырвет его из ее рук. Многие народы станут подступать к его стенам и ломать свои рога, и уходить со стыдом, хотя и возьмут от даров его и множество богатств» ¹⁶⁸. Лишь перед Страшным судом, добавлял он, Господь подсечет под ним землю могучим

¹⁶⁵ На жалованье у Мехмеда состоял небольшой штат итальянских гуманистов, которых он во время осады призывал к себе читать поучительные выдержки из трудов античных историков. См.: Franz Babinger. Mehmed The Conqueror and His Time (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1978).

¹⁶⁶ В 1438 году император Иоанн VIII Палеолог приехал на Вселенский собор во Флоренции и предложил унию как единственное средство предотвратить падение Константинополя. На собор съехались делегации многочисленных восточных церквей, которые привезли с собой значительное число античных и раннехристианских рукописей. Резолюция собора была подписана 6 июля 1439 года, но ее положения так и не были проведены в жизнь; народ Константинополя отказался принять слияние церквей, а итальянцы – предоставить Византии военную помощь. В 1452 году, когда турки уже стояли у ворот, последний византийский император Константин XI писал в Рим, обещая силой навязать своему народу признание унии, но папе не удалось вовремя побудить европейские державы действовать.

¹⁶⁷ Реликвии играли важную роль в имперской мифологии Византии. Реликвии страстей Христовых символизировали божественную природу власти императора, жезл Моисея и трубы Иерихона, выставленные на видном месте в императорском дворце, говорили о легитимности власти, подкрепляемой веками истории. Письмо – возможно, поддельное – императора Алексея графу Роберту Фландрскому накануне Первого крестового похода дотошно перечисляло полный перечень желанных реликвий.

¹⁶⁸ Андрей Юродивый бродил по улицам Константинополя, а свою священную мудрость открывал только ученику Епифанию. Популярный феномен «юродивого Христа ради» находит подкрепление в Первом послании Павла к коринфянам: «Никто не обольщай себя самого. Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, то будь безумным, чтобы быть мудрым. Ибо мудрость мира сего есть безумие перед Богом» [2:18,19]. Считалось, что юродивые вели битву с гордыней, намеренно

серпом; и тогда воды, столь долго носившие священное судно, обрушатся на него и закрутят как жернов на гребне волны, а после низвергнут в бездонную пропасть. Для истинно верующих падение Константинополя было равносильно концу света.

Через неделю после затмения, в котором многие увидели знак Божий, конец наступил.

Под покровом темноты, под рев рожков и дудок, под грохот пушек сто тысяч турецких солдат перешли во фронтальное наступление. Пока христиане и мусульмане сражались в рукопашной на горах щебня, бывших некогда самыми мощными стенами в мире, судьба сыграла с Константинополем последнюю, жестокую шутку. В общей суматохе защитники оставили открытыми одни из ворот, и через них хлынули турки. Когда в клубах пыли, дыма и серы наступил рассвет, последние римляне отхлынули в измученный город и пали на колени.

Турки волной неслись по Месе ¹⁶⁹, центральной улице города, более тысячи лет назад проложенной Константином Великим. Разбегаясь направо и налево, они врывались в дома, распоряжались в них по-хозяйски и пошатывались после под грузом награбленного. Они резали мужчин и насиловали женщин – среди последних оказалось немалое число монахинь. По обычаю войны город на три дня отдавался на разграбление победителей: Мехмед – с оглядкой на историю – прекратил грабеж в полдень и настоял, чтобы выживших обратили в рабов. Никто не протестовал: даже закаленные в битвах солдаты застывали полюбоваться в немом восхищении. Почти через восемь столетий после того, как исламская армия впервые осадила Константинополь, город наконец принадлежал им.

Под конец золотого майского дня Мехмед верхом проехал по Месе и спешил перед собором Святой Софии. Наклонившись подобрать горсть земли, он посыпал ею свой тюрбан и вошел в тяжелые бронзовые двери, которые висели на частично сорванных петлях. Когда его глаза свыклись с полумраком огромного пространства с его уносящимися ввысь стенами сверкающих, ветшающих мозаик, он собственным мечом заколол солдата, выковыривавшего из пола мраморную плиту. Отныне величайшая церковь христианского мира станет мечетью.

В Европе известие об окончательной гибели античности было воспринято как трагичное, но неизбежное. Ветхий город, казалось, давно уже принадлежал иному миру.

«Но что за ужасные известия сообщили недавно о Константинополе? – писал тогдашнему папе римскому ученый Эней Сильвий Пикколомини, будущий папа Пий II – Кто усомнится, что турки изольют свой гнев на храмы Божьи? Горько, что самый знаменитый храм, Святая София, будет разрушен или осквернен. Горько, что бесчисленные базилики святых, чудеса архитектуры окажутся в развалинах или будут подвергнуты осквернению магометанства. Что мне сказать про книги без счета, еще неизвестные в Италии? Увы, сколько имен великих людей теперь будут утрачены безвозвратно? Это станет второй смертью Гомера и вторым уничтожением Платона» ¹⁷⁰.

Как оказалось, книгам – в отличие от большинства церквей – ничего не грозило. От турок бежало множество ученых – в основном в Италию, куда они привезли охапки томов, содержащих античные тексты и подстегнувших набирающий силу Ренессанс ¹⁷¹. Мехмед Завоеватель, как он был известен своему народу, стерег оставшееся в своей лелеемой библиотеке, и этот образованный тиран вскоре вознамерился восстановить то, что разрушил. Как правитель единственной сверхдержавы Ренессанса, он мог привлечь любое число талантливых людей. Новый город, который будет назван Стамбулом, восстанет из пепла Кон-

навлекая на себя насмешки, оскорбления и побои, или разыгрывали безумие, чтобы оказывать духовное руководство, не снискивая похвал. В их высказываниях выискивали пророчества и мудрость, недоступные проповедникам в здравом уме.

¹⁶⁹ Букв. «Срединная». – *Примеч. пер.*

¹⁷⁰ Nikephoros. The Life of St. Andrew the Fool, ed. and transl. Lennart Ryden (Stockholm: Uppsala University, 1995), 2:261.

¹⁷¹ Цитируется по: Jerry Brotton. The Renaissance Bazaar, 49.

стантинополя, – прославленная столица под стать амбициям Завоевателя. Большой Базар (Капалы Чарши), мировой торговый центр XV века, накроет арочными сводами древние улицы, а в мастерских станут изготавливать товары с быстротой, какой тут не видели столетиями. Христиан и евреев пригласят назад как умелых ремесленников и администраторов, патриарх возобновит свои попечения о православной пастве, а главный раввин займет свое место в Диване, государственном совете, позади религиозных старшин мусульман.

Но у Мехмеда вся жизнь была впереди, и он не намеревался почивать на лаврах изукрашенного трона. Человек, сам себя произведший в цезари, не довольствовался Константинополем, вторым Римом античности. Чтобы подтвердить свои притязания, ему требовалось покорить и первый Рим тоже.

Некоторые европейцы разглядели в надвигающейся катастрофе выгодный шанс. Георгий Трапезундский ¹⁷², неуживчивый греческий эмигрант, превратившийся в прославленного итальянского гуманиста и секретаря папы римского, был убежден, что Мехмед исполнит старинное пророчество, став единовластным правителем мира. По общепринятому мнению, долгое царство террора установится перед появлением последнего христианского императора, который станет править в эпоху мира, предшествующую Концу Времен. Углядев шанс перескочить через два столетия ада на земле и перейти прямо в век блаженства, Георгий написал серию писем османскому султану. Обращаясь к нему как полноправному цезарю, он предлагал примирить ислам и христианство, с тем чтобы Мехмед мог креститься и сам стать «последним царем земли и небес». Хотя эсхатологическая затея Георгия была чересчур амбициозна, не он один пытался обратить в христианство Завоевателя: еще несколько греческих теологов и даже папа Пий II писали Мехмеду, предлагая то же самое.

Остальное западное христианство, не подозревая, что спасение подстерегает его в стремительном натиске турок, и раздираемое обычными своими внутренними войнами, могло лишь с ужасом смотреть, как армии Мехмеда вторглись глубоко в пределы Восточной Европы и приплыли к берегам самой Италии ¹⁷³. Султан-победитель был в одном шаге от воплощения мечты, которая семь столетий назад оборвалась на полях Франции.

Рим – неизбежно – призвал к новому крестовому походу. На сей раз план папского геноцида заключался в том, чтобы не только вернуть Константинополь, но и вторгнуться глубоко в земли османов и раз и навсегда изничтожить турецкий народ.

В феврале 1454 года Филипп Добрый, могущественный герцог Бургундии – и муж Изабеллы, сестры Энрике Мореппавателя, – устроил самый впечатляющий за все XV столетие пир, чтобы разрекламировать обсуждаемую священную войну. Сотни знатных людей собрались в Лилле на «Праздник Фазана» ¹⁷⁴, где их угощали и развлекали с размахом, приставшим человеку, одержимому рыцарскими романами. В большом зале было накрыто три стола, и каждый был украшен миниатюрными диковинками, на какие только способна фантазия кукольных дел мастера. Один только верхний стол мог похвалиться замком, ров которого был заполнен апельсиновым пуншем, стекавшим с его башен, примостившейся на вращающемся крыле ветряной мельницы сорокой (попасть в нее не удалось ни одному из многочисленных желающих поупражняться в стрельбе из лука), сражающимся со змеей тигром, осед-

¹⁷² Тем самым был переброшен мостик между эпохой античности и Ренессансом, позволивший Европе забыть о жизненно важном вкладе исламского мира в возрождение ее учености. Хотя открытие латинской, а затем и греческой литературы было в первую очередь делом Запада, труды мусульманских философов, астрономов и врачей продолжали вдохновлять европейских ученых и мыслителей до самого Нового времени.

¹⁷³ См.: John Mofasani. *George of Trebison: A Biography and a Study of His Rhetoric and Logic* (Leiden: Brill, 1976), 131-Фанатичная агитация в пользу Мехмеда Завоевателя довела Георгия Трапезундского до тюрьмы и едва не стоила ему жизни.

¹⁷⁴ В 1480 году турецкий флот захватил портовый город Отранто на побережье Италии, но год спустя конец вторжению положили смерть самого Мехмеда и последовавшая за ней борьба за власть между его сыновьями. Если бы вторжение продолжилось, будущее Европы могло бы стать совершенно иным: несколько лет спустя французы без особых усилий завоевали большую часть Италии.

лавшим медведя шутом, арабом верхом на верблюде, кораблем, который плавал взад-вперед между двумя городами, двумя влюбленными, лакомившимися птицами, которых вспугнул из куста человек с палкой, хитроумной бочкой, из которой лилось то сладкое, то кислое вино: «Отведай, если посмеешь», – гласила на ней надпись. Для особо стойких в зал вкатили колоссальный пирог: когда с него сняли верхнюю крышку, внутри оказался оркестр из двадцати восьми музыкантов. Пока гости в масках пробовали сорок восемь перемен блюд, для их увеселения кувыркались акробаты, разыгрывали интермедии актеры, живой лев взрыкивал подле статуи женщины, из правой груди которой било приправленное пряностями вино, и были выпущены два сокола, которые убили цаплю, – последнюю поднесли герцогу. Когда подошло время кульминации пира, великан, одетый мусульманином, ввел на поводке слона. На его спине была закреплена модель замка, а в нем сидел актер, изображающий женщину, одетую монахиней. Актер объявил себя Святой Церковью, а затем произнес «жалобу и сетование трогательным и женским голосом» на беззакония турок. В соответствии с давнишней рыцарской традицией придворный торжественно внес и поставил на верхний стол фазана в ошейнике из золота, жемчуга и драгоценных камней. Герцог принес обет Богу, Деве Марии, дамам и птице отправиться в крестовый поход, и его примеру последовали собравшиеся рыцари и оруженосцы. После подобного спектакля трудно было бы вежливо отказаться.

При всех стараниях герцога Филиппа аристократы, как выяснилось, больше настроены были пировать, чем воевать с турками, и папский призыв к оружию был встречен коллективным пожатием плечами. Фактически единственной страной, которая серьезно отнеслась к предлагаемому крестовому походу, оказалась Португалия. Король Альфонсу V, сын короля Дуарте и племянник Энрике, уже возмужал и горел желанием затмить славу, которой покрыли себя как Христовы воины его предки. Упрямый молодой король предложил свою кандидатуру на роль главы похода, в который собирался повести двенадцатитысячное португальское войско, впрочем, когда он отправил посла в Италию, чтобы продвинуть свой план, его ждало скорое крещение в мутных водах итальянской политики. Несколько итальянских государств пообещали присоединиться к крестовому походу, но посол докладывал, дескать, нет никакой вероятности, что они сдержат слово. Его скептицизму вторил герцог Миланский, который язвительно написал Альфонсу в сентябре 1456 года, восхищаясь «возвышенностью духа, заставляющей португальского короля, едва вышедшего из мальчишеских лет, желать напасть на неверных в областях, столь далеких от традиционных крестоносных устремлений Португалии в Северной Африке, и это невзирая на то обстоятельство, что его планы могут поставить под угрозу Сеуту»¹⁷⁵. В приступе обиды Альфонсу объявил, что, мол, схватится с турками единолично. Даже его дядя Энрике счел, что племянник лишился рассудка, и поскорее уговорил его перенести свой пыл на новый крестовый поход в Марокко.

Учитывая, что его притязания на верховную власть на земле выглядели как никогда шатко, Рим за подкреплением своих раздутых амбиций все чаще обращался к стойким крестоносцам Пиренейского полуострова. В 1455 году папа римский вознаграждал пыл молодого Альфонсу, наделив его вымышленным титулом властелина Гвинеи: с точки зрения церкви португальцы стали теперь хозяевами огромных территорий в Африке и прилегающих морях, открытых или доселе неизвестных. Сколь бы заоблачными ни казались устремления маленькой Португалии, поддерживая их, Рим ничего не терял, зато в случае успеха потенциально получил бы полмира.

¹⁷⁵ См.: Marie-Therese Charon and Denis Clauzel, eds. *Le Banquet du Faisan* (Arras: Artois Presses Universite, 1977). В честь своей свадьбы с Изабеллой Португальской Филипп учредил рыцарский орден «Рыцари Золотого руна».

Альфонсу велел зачитать пространную папскую буллу¹⁷⁶ в кафедральном соборе Лиссабона, похожем на крепость здании, построенном на месте старой мечети, перед аудиторией из иностранных сановников. В пылких выражениях папа восхвалял Энрике Мореплавателя как «нашего возлюбленного сына», а его открытия и завоевания – как подвиг «истинного воина Христа». Еще он подтверждал право нового властелина Гвинеи «вторгаться, выискивать, брать в плен, побеждать и подчинять себе всех и любых сарацин и язычников и прочих врагов Христа, где бы они ни встретились, и королевства, герцогства, княжества, владения, все движимое и недвижимое имущество, находящееся в их держании или владении, а самих их обращать в вечное рабство». Это была наивозможно ясная санкция верховных властей на любую военную акцию, какую Португалия могла бы пожелать совершить за морями, – позднее она станет известна как хартия португальского империализма. Вместе с буллой, дарованной Энрике в 1452 году, ею станут размахивать всякий раз, когда понадобится оправдать столетия европейского колониализма и работорговли в Атлантике.

Пять лет спустя, в 1460 году умер Энрике. К тому времени его корабли заплывали на две тысячи миль от Лиссабона, а его одержимая жажда открытий поразительно расширила амбиции Португалии. Многие соотечественники почитали его как героического провидца, первым скоординировавшего исследование Моря-Океана, и как отца нарождающейся империи. Имелись и несогласные: для одних он был безрассудным приспособленцем, для других – реакционером, средневековым рыцарем, одержимым крестовыми походами и рыцарскими романами. Все это в нем было, но его неумное стремление к целям, недоступным здравому смыслу людей более трезвых, изменят ход истории. Это была неоднозначная, не лишенная изъянов фигура, но без которой познания Европы о том, что лежит за пределами ее берегов, возможно, умножались бы черепашью шаг, фигура, без которой Васко да Гама, возможно, никогда не отплыл бы в Индию, а Колумб – в Америку.

Король Альфонсу не обладал тягой Энрике к новым открытиям. Экспедиции прервались на девять лет, пока молодой король пытался повторить крестовый поход своего дяди против Танжера, который то завоевывался, то утрачивался, пока не пал окончательно в 1471 году. Со временем король поддался на уговоры передать монополию на африканские вояжи и торговлю богатому лиссабонскому купцу по имени Фернан Гомиш. Купца королевские крестовые походы не отвлекали, и экспедиции следовали одна за другой. Корабли Гомиша обогнули массивный континентальный выступ Западной Африки и поплыли вдоль побережья на восток. В Гане – которую португальцы окрестили Эльмина, а англичане позднее Золотым берегом – корабли Гомиша наконец нашли постоянный источник золота, который ускользал от Энрике, и в 1473 году, теперь снова продвигаясь на юг, пересекли экватор. В общем и целом они продвинулись еще на две тысячи миль.

Себе на беду Гомиш был чересчур уж успешен: в следующем году его контракт был разорван¹⁷⁷, и корона отняла у него бразды правления. Манил не только драгоценный металл. Когда португальцы очутились внезапно в Южном полушарии, национальное сознание начала наконец захватывать электризирующая идея.

Столетиями европейцы мечтали найти надежный путь в дальние области Азии. Столетиями стена веры, воздвигнутая исламом, делала саму мысль о нем, этом пути, практически невозможной. Однако если существует конец Африки, то, возможно, есть и способ

¹⁷⁶ Peter Russell. Prince Henry «the Navigator»: A Life (New Haven, CT: Yale University Press, 2000), 320.

¹⁷⁷ Булла «*Romanus Pontifex*», изданная папой Николаем V 8 января 1455 года. Оригинальный текст и его перевод на английский язык см.: Frances Gardiner Davenport, ed. *European Treaties Bearing on the History of the United States and Its Dependencies to 1648* (Washington, DC: Carnegie Institution of Washington, 1917), 13-B 1456 году новый папа римский Каликст III подтвердил положения предыдущей буллы и по просьбе Энрике передал его ордену Христа духовную юрисдикцию над всеми областями, уже покоренными, и теми, что будут покорены в будущем, – от мыса Бохадор и далее в Гвинее и за ней в Индиях.

проплыть напрямую из Европы на Восток. Страна, совершившая этот подвиг, преобразится сама и преобразит мир.

В античной мифологии Европа родилась в результате похищения с Востока¹⁷⁸. Согласно древнегреческому мифу, финикийская царевна по имени Европа гуляла со своими служанками, когда царь богов Зевс, обратившись в белого быка, заманил предмет своего вожделения сесть на него и уплыл с ней на Крит. Отец истории Геродот позднее объяснял, что Европу на самом деле захватил Минотавр Критский из мести за прошлое похищение финикийскими купцами, что породило вражду между Европой и Азией, кульминацией которой стали греко-персидские войны. Так или иначе, мать Европы, по всей очевидности, не намеревалась отказываться от красот Азии ради чужих берегов.

Для средневековых европейцев Восток был землей чудес, не сравнимых ни с чем, что могло бы найтись дома. Большинство их выводили из Библии – как ее толковало средневековое, склонное к мистике мышление.

Отрезанная от сведений из первых рук о том, что лежит за ее пределами, Европа давным-давно ударились в библейский буквализм, переосмыслявший мир по своему подобию. На тогдашних похожих на колесо *mappe mundi*, или схематичных картах мира, три известных континента были распределены вокруг Т-образного водного пространства. Азию помещали над верхней планкой «Т», которая соответствовала Нилу и Дунаю. Европа находилась слева от вертикального основания, представлявшего собой Средиземноморье, а Африка – справа. Все вместе омывалось Морем-Океаном, а ровно в центре располагался Иерусалим. В европейском восприятии Иерусалим в самом буквальном смысле был городом в центре мира. «Так говорит Господь Бог: это Иерусалим! Я поставил его среди народов, и вокруг него земли»¹⁷⁹, – говорится в Библии устами пророка Иезекииля. Именно так его и рисовали.

Наверху карты – или на Дальнем Востоке – помещался Райский сад, колыбель самого человечества¹⁸⁰. В этом образчике предписанной отцами церкви географии не было ничего символического. Огромная энциклопедия, составленная святым Исидором Севильским¹⁸¹, – это самый популярный учебник Средних веков и Ренессанса – перечисляла Рай земной среди восточных областей наряду с Индией, Персией и Малой Азией. Статья о Рае в «Полихрониконе», или «Универсальной истории» XIV века, проясняла, что он составляет «значительную часть поверхности земли, будучи не меньше Индии или Египта, ибо был предназначен для всего рода человеческого, если бы человек не согрешил»¹⁸². После Грехопадения путь

¹⁷⁸ Гомиш был успешен настолько, что король пожаловал ему дворянство и новый герб – «увенчанный щит с тремя головами негров на серебряном поле, у каждой головы золотые кольца в носу и в ушах, и золотой ошейник на шее, и в ознаменование его открытия прозвание “да Мина”». G.R.Crone, trans. and ed. *The Voyages of Cadamosto and Other Documents on Western Africa in the Second Half of the Fifteenth Century* (London: Hakluyt Society, 1937), 109–110.

¹⁷⁹ Иез 5:5.

¹⁸⁰ Mark P.O. Morford and Robert J. Lenardon. *Classical Mythology*, 6th ed. (Oxford: Oxford University Press, 1999), 291- Согласно Геродоту, похищения продолжались до тех самых пор, пока сын царя Трои Парис не похитил Елену Спартанскую и не спровоцировал Троянскую войну.

¹⁸¹ В Библии говорится, что миру немногим более шести тысяч лет, и издавна было известно, что цивилизации процветали на Востоке с незапамятных времен. А потому Азия стала естественной кандидаткой на место рождения человечества – такую гипотезу считал само собой разумеющейся в начале XVII века французский путешественник Жан Моке. Азия, писал он, имеет «большие протяженность, богатства и плодородие и испокон веков славится тем, что породила величайшие монархии и первые империи, как то ассирийцев, вавилонян, персов, греков, парфян, арабов, татар, монголов, китайцев и прочих индийцев. Но превыше всего эта часть света почитается за сотворение первого человека, помещенного в Рай земной, от которого произошли народы и колонии и распространились по остальному миру, и еще более за то, что здесь состоялось искупление человечества, давшее путь нашему спасению, равно как и за то, что дала всем остальным частям света религию, науку, искусства, законы, политику, оружие и ремесла». См.: Jean Mocquet. «Preface», *Travels and Voyages into Africa, Asia and America, the East and West Indies; Syria, Jerusalem and the Holy Land*, transl. Nathaniel Pullen (London, 1696).

¹⁸² Святой Исидор был в VII веке епископом Севильи и сыграл важнейшую роль в обращении готов в католическую веру. Его «Этимология», составлявшая 448 глав в 20 томах, считалась первой энциклопедией Средних веков, которая

в сад, разумеется, был закрыт: на картах показано, как его охраняют ангел с мечом, стена пламени, кишашая змеями пустыня, а сам он расположен на вершине горы такой высокой, что она касается орбиты Луны (именно поэтому он остался сух во время Потопа), или же заточен на острове, единственным входом куда служит пугающая дверь с надписью «ВРАТА РАЯ». Так или иначе, в раю скрываются густые зеленые леса, пахучие цветы и ласкающие ветерки, равно как все мыслимые красоты, разновидности счастья, богатств и удачи. Рай земной, возможно, был недоступен, но в существовании его не сомневались.

Помимо такого авторитетного источника, как Библия, Европа столетиями могла опираться лишь на фрагменты античных текстов, уцелевших в хаосе нашествий варваров. В типично средневековом духе она безудержно приукрашивала содержащиеся в них сведения. В «Романе об Александре», средневековом бестселлере, излагающем приключения Александра Великого (сами эти приключения пережили бесчисленные переиздания и с каждым следующим становились все невероятнее), рассказывалось о том, как воочию был увиден Рай ¹⁸³. В одной из версий Александр и его спутники плыли под парусами по реке Ганг, когда вдоль берега вдруг возникла высоченная городская стена. Три дня они плыли вдоль нее, пока вдруг не увидели маленькое окошко и не окликнули. Ответивший им престарелый привратник объяснил, что они нашли город благословенных и что им грозит смертельная опасность. От стены Александр увез с собой сувенир, камень тяжелее золота, который, едва коснется земли, становился легче пера – символ конца, ожидающего самых могущественных людей. Учение античности, подкрепленное фантазией Средневековья, в ответе и за уверенность в том, что Александр повстречал в своих странствиях многочисленные «чудовищные народы» ¹⁸⁴, включая пигмеев, каннибалов, псеглавцев, людей с лицом на груди и еще некими, вообще не имевшими рта и питавшимися ароматом яблок. У каждой расы имелось общепринятое название: последние в списке уместно именовались «нюхающими яблоки».

Изображая на картах ¹⁸⁵ наряду с Адамом и Евой, покидающими Райский сад, Христом, восстающим из мертвых, еще и души, отправляющиеся к блаженству или на муки ада в час Страшного суда, картографы исхитрились найти место для пустующей Вавилонской башни, праздных Блаженных островов, страны Сухого Дерева, о которой писал Марко Поло, золотых копей Офира, Десяти потерянных колен Израилевых, царства волхвов и царства варварских народов Гога и Магога, чье освобождение от уз развяжет битву за Конец Времен на земле ¹⁸⁶. Последние два царства помещались на самом дальнем севере Азии, где их удерживали железные врата, построенные Александром Великим, который заградил путь им и еще – ни много ни мало! – двадцати двум злобным народам. Карты изображали пугающие племена, пьющие человеческую кровь и поедающие человеческое мясо, в том числе нежную плоть детей и недоношенных младенцев. Подобные мрачные фантазии не были уделом лишь разжигающих страхи популистов: они воспринимались как святое писание виднейшими умами эпохи.

Спекуляции и домыслы множились, и Европа начинала верить, что эти фантастические места реальны, а тем временем о реальных местах было известно так мало, что они, в

вобрала в себя все вселенское знание.

¹⁸³ Цитируется по: Jean Delumeau. *History of Paradise: The Garden of Eden in Myth and Tradition*, transl. Matthew O'Connell (New York: Continuum, 1995), «Полихроникон» вышел из-под пера английского монаха-бенедиктинца Ранульфа Хигдена.

¹⁸⁴ История изложена в «*Alexandri Magni iter ad paradisum*» («Путешествие Александра Великого в рай»), написанном неким еврейским автором между 1110 и 1175 годами, впоследствии она была переведена на французский и включена с некоторыми изменениями в «Роман об Александре». См.: Delumeau. *History of Paradise*, 46.

¹⁸⁵ Плиний Старший привел в I веке н. э. перечень различных народов. О широком распространении легенд о чудовищах, в особенности псеглавых, в фольклоре и мифологии см.: David Gordon White. *Myths of the Dog-Man* (Chicago: University of Chicago Press, 1991).

¹⁸⁶ См.: Scott D. Westrem. «Against Gog and Magog», in Sylvia Tomasch and Sealy Gilles eds. *Text and Territory: Geographical Imagination in the European Middle Ages* (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1998), 54–70, 60.

свою очередь, подпитывали диковинные фантазии. И что крайне важно – отдаленные области Востока представляли собой такую загадку, что позволяли вообразить – по меньшей мере на каком-то глубинном уровне, – будто там живут христиане.

Изо всех загадок наибольшую путаницу вносило местонахождение Индии, которое обернулось причиной несказанного разочарования, поскольку Индия считалась источником самого ценимого товара на свете: пряностей.

Ничто не радовало так средневековое нёбо как огненный взрыв пряностей. На кухнях по всей Европе пряностями обильно приправляли соусы, пряности замачивали в вине и засахаривали как конфеты, причем сам сахар расценивался как пряность. Корица, имбирь и шафран были главными ингредиентами в рецептах любого уважающего себя повара, а драгоценные гвоздику, мускатный орех и мейс из шелухи мускатного ореха клали едва ли не во все блюда. Даже деревенские жители жаждали черного перца, тогда как состоятельные гурманы в поразительных количествах жадно поглощали весь спектр от аниса до белой кукурмы, которую за редкостью заменил имбирь. Дом и двор первого герцога Бэкингемского в XV веке потреблял два фунта пряностей в день, включая почти фунт перца и полфунта имбиря, но даже такие исключительные объемы бледнели в сравнении с мешками пряностей, опорожняемых в горшки и кастрюли на пирах королей и епископов. Когда герцог Георг Богатый Баварский сочетался браком в 1476 году, повара затребовали огромное количество восточных даров природы:

Перца – 386 фунтов.

Имбиря – 286 фунтов.

Шафрана – 207 фунтов.

Корицы – 205 фунтов.

Гвоздики – 15 фунтов.

Мускатного ореха – 85 фунтов ¹⁸⁷.

Пряности не только щекотали нёбо ¹⁸⁸: по счастливому совпадению они были полезны для здоровья. Студентов-медиков Средневековья учили, что человеческое тело есть микрокосм, то есть вселенная в миниатюре, – эта концепция была выведена из античной медицины и передана Европе мусульманскими врачами. Четыре гумора, или телесных сока, являлись эквивалентами огня, земли, воздуха и воды, и каждый отвечал за собственную, присущую ему черту характера. Например, кровь могла настроить вас сангвинически или неотразимо оптимистически, а черная желчь подпитывала меланхолию; и хотя никто не наделен благословением совершенного равновесия гуморов, чрезмерный дисбаланс приводит к болезни. В поддержании равновесия телесных соков особую роль играла пища. Подобно гуморам она классифицировалась в соответствии со степенями ее жара и влажности. Холодная, влажная пища, как, например, рыба и многие виды мяса, тем самым становилась менее опасной, будучи сдобрена щедрой дозой сухих, жарких пряностей. Более того, пряности считались действенным слабительным – ценимое свойство в эпоху, любившую, чтобы лекарственные средства оказывали действие столь же бурное, что и проявления болезней.

¹⁸⁷ Поначалу многие европейцы считали монголов тем самым бичом, о котором говорится в Библии. См.: Kurt Villads Jensen. «Devils, Noble Savages and the Iron Gate: Thirteenth-Century European Concepts of the Mongols», in *Bulletin of International Medieval Research* 6 (2000): 1-Андрей Юродивый красочно живописал, что произойдет, когда Бог откроет врата. Он предрекал, что из них выйдут 72 царя «со своими людьми, так называемые нечистые народы, кои отвратительнее любых осквернения и вони, какие только можно вообразить. Они распространятся по всей земле под небесами, поедая плоть живых и выпивая их кровь, с жадностью пожирая собак, крыс, лягушек и все виды скверны на земле... Солнце обратится в кровь, видя, как на земле соперничают сии мерзостные существа». Nikephoros. *The Life of St. Andrew the Fool*, ed. and transl. Lennart Ryden (Stockholm: Uppsala University, 1995), 2:277–283.

¹⁸⁸ Paul Freedman. *Out of the East: Spices and the Medieval Imagination* (New Haven, CT: Yale University Press, 2008), 6.

Принимаемая отдельно, каждая пряность имела особое фармацевтическое назначение. Под вывеской со ступкой и пестиком аптекари растирали свои засушенные сокровища, готовя микстуры, таблетки или пастилки, и рекламировали результат как чудодейственные снадобья и добавки для укрепления здоровья. Черный перец, самая доступная из пряностей, использовался как отхаркивающее, как средство против астмы, а еще для прижигания язв, для противодействия ядам и (если живительно втирать в глаза) улучшения зрения. В самых разных смесях его прописывали (среди прочих множества недугов) от эпилепсии, подагры, ревматизма, безумия, воспаления уха и геморроя. Корица имела почти столь же широкое применение, начиная от сильной лихорадки и кончая дурным запахом изо рта. Мускатным орехом неизменно лечили от вздутия живота и газов, а горячий, влажный инжир был излюбленным средством подстегнуть мужское либидо. Автор одного из многочисленных средневековых руководств по сексу предлагал, чтобы мужчина, которому доставляет беспокойство «малый член» и «кто хочет сделать его великим или укрепить его перед коитусом, пусть натрет его перед соитием тепловатой водой, пока он не покраснеет и не вытянется от притока крови и соответственно жара; затем следует помазать его смесью меда с имбирем, втирая ее умеренно. Затем пусть соединится с женщиной, и он доставит ей такое удовольствие, что она станет возражать против того, чтобы он с ней сходил»¹⁸⁹.

Помимо обычных кулинарных специй, оптовые бакалейщики и местные купцы поставляли экзотический набор растительных, животных и минеральных диковин из дальних уголков земли. Их тоже относили к специям, и многие полагалось вдыхать.

Средневековые мужчины и женщины были не такими уж немытыми, как считает расхожий фольклор, но жизнь того времени несомненно воняла. Едкую вонь кожен и плавлен ветер доносил в жилые кварталы людей состоятельных. Сточные воды бежали по улицам или застаивались там же, смешиваясь с домашними отбросами и навозом, копавшихся тут же свиней и скота, гонимого на рынок. Полы в домах застилали тростником или соломой и посыпали сладко пахнущими травами, но малоприятные жидкости все равно скапливались под ногами. Во время путешествия в Англию великий голландский гуманист Эразм Роттердамский подметил, что тростник обновляют «столь скверно, что нижний уровень остается нетронутым иногда до двадцати лет, скрывая в себе мокроту от отхаркиваний, блевотины, мочу собак и людей, пролитый эль, куски рыбы и прочие мерзости, которые не достойны упоминания. Всякий раз, когда меняется погода, поднимаются испарения, которые я считаю весьма пагубными для здоровья»¹⁹⁰. Единственным способом побороть крепкие дурные запахи были крепкие приятные запахи, и едкие пряности жгли как благовония, капали на себя как духи и рассыпали по комнатам, чтобы создать ароматное убежище. Для тех, кто мог себе их позволить, дорогостоящие ароматы были самыми умиротворяющими: к наиболее ценным ароматическим веществам относились благовония, такие как ладан или мирра, или смолы мастикового и бальзамового дерева, а еще более редкие ароматические выделения животных, как, например, кастореум (струя бобра), мускус виверы или малого гималайского оленя.

Все знали, что вонь — это зло, но мало что предпринимали, чтобы ее устранить. Зато один медицинский предрассудок превратил тягу к экзотическим ароматам в полномасштабную наркотическую зависимость, — и это была уверенность в том, что дурные запахи пере-

¹⁸⁹ Устойчивое расхожее мнение, что пряности использовали главным образом для того, чтобы замаскировать вкус загнивающего мяса, давно уже опровергли. Поскольку всю пищу приготавливали на месте, она была обычно свежей, к тому же пряности стоили гораздо дороже мяса. Пряности использовали для того, чтобы «оживить» и разнообразить вкус мяса и рыбы, которые засаливали на зиму, с тем чтобы они протянули как можно дольше и чтобы придать аромат грубому или незрелому вину, но по большей части ради их собственного вкуса.

¹⁹⁰ Seikh Mohamed al-Nefzaoui. *The Perfumed Garden*, transl. Sir Richard Burton, цитируется по: Jack Turner. *Spice: The History of a Temptation* (New York: Random House, 2004), Среди многого другого шейх советовал прикладывать к головке члена разжеванный перец кубеба или кардамон, чтобы «доставить тебе, равно как и женщине, бесподобное наслаждение».

носят эпидемии, включая саму Черную смерть¹⁹¹. Лучшим профилактическим средством против чумы считалась амбра, жировое выделение из кишечника кашалота, которое отрывалось им или выводилось иным способом, а затем застывало в воде, и которое, пахнущее животным, землей и морем, волны выбрасывали сероватыми комками на берег Восточной Африки¹⁹². Медицинский факультет прославленного Парижского университета прописывал носить смесь амбры и других ароматических веществ – как то сандалового дерева и алоэ, мирры и шелухи мускатного ореха – в металлических шариках со множеством отверстий, известных как *rommes d'ambre*, или «ароматические шарики», хотя король и королева Франции были среди немногих, кто мог себе позволить вдыхать чистую амбру.

В мире чудес и таинств пряности были одной из глубочайших загадок. Амбре приписывали магические свойства именно потому, что она была столь диковинной и редкой, то же касалось и других равно странных веществ. Среди прочих предметов и веществ¹⁹³, тайком продававшихся в аптеках, были «тутти» (окаменелая гарь, соскобленная в дымоходах Востока) и «мумии», которую авторитетное пособие по фармацевтике того времени прославляло как «своего рода пряность, собираемую в гробницах умерших», – вонючее дегтеобразное вещество, соскобленное с голов и позвоночниках забальзамированных трупов. Еще один ценный товар, кристаллизовавшаяся моча рыси считалась своего рода амброй или драгоценным камнем, а настоящими драгоценными и полудрагоценными камнями запашились наряду с редкими пряностями, поскольку им приписывались особенно действенные целебные свойства. Ляпис лазурь (лазурит) прописывали от меланхолии и малярии. Топаз снимал боли при геморрое. Истолченный и рассыпанный по дому гагат вызывал менструации, а заодно отводил наговоры и сглаз. Истолченный жемчуг принимали, чтобы остановить внутренние кровотечения, увеличить количество молока у кормящей матери, а для истинных любителей себя побаловать – чтобы остановить диарею. Расточительные варевы из драгоценных камней и пряностей были последней мерой, если все остальные не приносили результата: изнеженная элита могла разгонять зимнюю тоску, попивая толченый жемчуг, смешанный с корицей, гвоздикой, алоэ, мускатом, имбирем, камфорой, слоновой костью и корнем галага, или отгонять старость изысканным купажом жемчугов, сапфира, рубина и кусочков коралла, смешанных с амброй и мускусом, – переварить такую смесь было едва ли проще, чем более дешевый вариант из мяса гадюки, гвоздики, мускатного ореха и мейса.

Драгоценные камни были, разумеется, делом богатых, и некоторые доктора потихоньку высказывали сомнения, что экзотические товары с Востока более действенны, чем полевые или садовые травы. Но для тех, кто мог себе позволить покупать самое лучшее, сам факт, что пряности привезли за много земель и морей из неведомых пустынь и джунглей (и заоблачные цены, которые за них запрашивали), налагал на них приятную печать эксклюзивности. В эпоху, прославляющую показные потребление и роскошь, купаться в облаке восточных ароматов было необходимой составляющей жизни высших слоев общества. Пряности были поистине предметом роскоши средневекового мира.

¹⁹¹ Desiderius Erasmus, letter to Francis, physician to Cardinal of York, n.d. [Basel, December 27, 1524?] цитируется по: E.P.Chancey. Readings in English History Drawn from the Original Sources (Boston: Ginn, 1922), Полный текст письма приведен в: The Correspondence of Erasmus: Letters 1356 to 1534, 1523–1524, transl. R.A.B. Mynors and Alexander Dalzell (Toronto: University of Toronto Press, 1992), 470–472.

¹⁹² Распространяли бубонную чуму, конечно же, укусы зараженных блох, живущих на грызунах.

¹⁹³ Согласно арабской традиции, амбра поднималась на поверхность из источника на дне океана, хотя в «Сказках тысячи и одной ночи» Синдбад помещает амбру на некоем острове и рассказывает, что чудовища пожирают драгоценное вещество, а после отгрызают его в море. Считалось также, что амбра облегчает роды, предотвращает эпилепсию и облегчает удущие матки – исключительно средневековое заболевание, при котором эмбрион будто бы движется в чреве, поднимается до самого горла и вызывает истерию. Согласно одному автору, лучшее средство от этого – обильный секс, но натирание влагалища ароматическими маслами или помещение в него тлеющих трав в металлической курильнице в форме пениса помогает приманить матку на место. Freedman. Out of the East, 15; Helen Rodnite Lemay. Woman's Secrets: A Translation of Pseudo-Albertus Magus's De Secretis Mulierum with Commentaries (Albany: State University of New York Press, 1992), 131–132.

Речь шла о головокружительных прибылях, и некоторые беспринципные купцы, чьи рекламные зазывания пестрели экзотикой Востока, не гнушались «подправить» свои товары, вымачивая в воде, чтобы придать веса, пряча затхлые пряности под свежими и даже добавляя серебряные опилки, которые на вес были дешевле гвоздики. Ярость обманутых покупателей не знала границ: в 1444 году в Нюрнберге заживо сожгли одного торговца, подделавшего шафран, – впрочем, много чаще огню предавали сами пряности. Но у все громче заявляющего о себе лобби противников пряностей имелись заботы поважнее мелкого местного мошенничества. На самом деле праведное возмущение вызывала скандальная растрата денег. Моралисты метали громы и молнии, дескать, пряности – «даже тот треклятый перец»¹⁹⁴ – лишь разжигают чувства, приводят к чревоугодию и похоти и исчезают без следа. Зависимость от пряностей, возмущались они, превращает доблестных европейцев в женоподобных транжир. И самое вопиющее – что тяга к восточной роскоши истощает золотые запасы Европы, перекачивая их в цепкие руки неверных.

Нет, пряности сами не считались порочными, как раз наоборот. Ароматы Востока, как сурово предостерегали моралисты, по праву принадлежат небесам и святым, а вовсе не алчным смертным. Смолы и пряности использовались в религиозных ритуалах как благовония, притирания и мази по меньшей мере со времен Древнего Египта, и хотя первые христиане чурались духов как запаха, исходившего от бани, борделя и языческого алтаря, уверенность в том, что ароматы притягивают сверхъестественное, оказалось трудно побороть. Средневековый христианский мир верил, что горьковато-сладким запахом пряностей веет с небес на землю, что он дуновение ароматной жизни после смерти. Утверждалось, что запах льнет к спускающимся на землю ангелам¹⁹⁵ и тем самым выдает их присутствие, а чертей можно распознать по их воню. Полагалось, что и святые тоже чудесным образом пахнут пряностями и что те, кого постигла особо отвратительная кончина, будут наслаждаться ароматами жизни вечной. В XV веке от трупа святой Лидвины Шиедамской, которая сломала ребро, катаясь на коньках подростком, и волею судьбы прожила еще тридцать восемь лет, и у которой перед смертью буквально отваливались куски кожи и плоти, а изо рта, носа и ушей шла кровь, будто бы исходил аппетитный запах корицы и имбиря.

Некогда европейцы знали, откуда берутся пряности. Путь проложили греки, а римляне, изгнав с трона Клеопатру, наладили регулярные поставки морем с западного побережья Индии к восточному побережью Египта¹⁹⁶. Как минимум 120 огромных сухогрузов курсировали между побережьями, дабы удовлетворить склонность римлян к пикантным вкусам и экзотическим ароматам, хотя даже тогда пуристы сетовали на огромные суммы золотом и серебром, которые выкладывали за восточные излишества, – эту тему уже в I веке развивал сатирик Персий Флакк:

Гонит нажива алчных купцов
В знойную Индию восходящего солнца,
Там заставляя транжирить
На перец и пряности

¹⁹⁴ «Circa Insans» (1166) цитируется по: Freedman. Out of the East, Фридмен указывает, что в разряд пряностей иногда попадали тонкий лен, хлопок и шелк, редкие красители, звериные шкуры, слоновая кость и даже попугаи.

¹⁹⁵ Немецкий гуманист Ульрих фон Гутен; цитируется по: Freedman. Out of the East, 147.

¹⁹⁶ Ангелы, по утверждению святого Андрея Юродивого, испускают чудесное сладостное благоухание, «кое исходит от ужасного и недостижимого божества. Ибо когда они стоят пред престолом Всемогущего, то впитывают аромат молний, который тот извергает, после чего благоухают неопишным ароматом Божественного бесконечно. Когда же они желают поделиться сей святостью с кем-либо, то являются пред ним и касаются его лица своим благоуханием до той степени, какой сочтут уместной, так что в радости своей тот человек не в силах объяснить, откуда исходит этот наиприятнейший запах». Nikephoros. The Life of St. Andrew the Fool, 2:287.

Честные наши товары ¹⁹⁷.

К III веку этими морскими путями завладели арабы, а возникновение ислама упрочило их контроль над торговлей с Востоком. По мере того как оживлялась экономическая жизнь Европы, венецианские и генуэзские купцы стали торговать на оживленных рынках пряностей Константинополя, построенных императорским эдиктом возле дворцовых ворот, дабы ароматы поднимались к покоям наверху, и во время крестовых походов христианские порты Сирии и Палестины разбогатели на торговле пряностями и драгоценными камнями, восточными коврами и шелками. Однако европейские купцы были лишь последним звеном в длинной цепочке поставок и пребывали в полном неведении относительно того, откуда происходит драгоценный товар или как он производится.

Как всегда, невежество породило пьянящую круговерть домыслов. Поскольку пряности явно происходили от места благословенного, очевидным их источником считался Рай земной ¹⁹⁸. И все же было известно, что некоторые пряности привозят из других далеких краев, и ответ на эту загадку нашли в Библии. Книга Бытия сообщала, что Эдемский сад орошают четыре реки, которые отождествили с Тигром, Евфратом, Гангом и Нилом. Издавна верили, что все они берут начало из одного гигантского источника в центре Эдема, но даже европейцы не смогли игнорировать такое искажение географии, поэтому было решено, что реки текут под землей, а после выходят на поверхность в видимом своем истоке. Наиболее почитаемым из четырех был Нил, а поскольку он никак не мог течь под морем, общепринято считалось, что глубины Африки, из которых он проистекает, наверное, связаны с Индией. Это удачно объясняло, почему пряности так широкодоступны в Египте. Один француз, побывавший там во время Седьмого крестового похода, писал, что каждую ночь люди, живущие по берегам Верхнего Нила, забрасывают в воды реки сети: «И когда наступает утро, в сетях они находят такие вещи, которые продаются на вес и доставляются в Египет, как, например, имбирь, алоэ и корица. Говорят, эти вещи происходят из Рая земного, ибо в том блаженном месте ветер валит деревья так же, как сушняк в лесах нашей родной земли, и сухие ветки с деревьев в Раю, которые падают в реку, нам продают купцы сей страны» ¹⁹⁹.

Европейские авторитеты мало что знали о сборе или добыче пряностей. Доподлинно было известно, что перец растет на деревьях, которые охраняют ядовитые змеи. «Перечные леса охраняются змеями, но когда перец поспевает, туземцы поджигают деревья, и огонь прогоняет змей, – вешал в своей «Энциклопедии» Исидор Севильский. – Это от огня перец становится черным, ибо по природе своей он бел» ²⁰⁰. Некоторые авторитеты утверждали, что после огромного пожара приходится заново засаживать целую рощу, что объясняло высокие цены на урожай. Сбор корицы требовал равно трудоемких затрат:

«Арабы говорят, что сухие палочки корицы приносят в Аравию большие птицы и складывают их к себе в гнезда, построенные из ила на горных склонах, забраться куда не под силу ни одному человеку. Способ добывать коричные палочки таков. Работники рубят бычьи туши на очень большие куски и оставляют на земле поближе к гнездам. Потом работники

¹⁹⁷ Плавание в Индию описано в «Перипл Эритрейского моря», подробном наборе инструкций, изложенных в I веке н. э. грекоговорящим моряком; Эритрейским морем в античности называли Индийский океан.

¹⁹⁸ Цитируется по: Turner. Spice, 81 (перевод на английский язык Джона Драйдена). Как и их преемники в Средние века, римские моралисты жаловались, что пряности в лучшем случае излишни, а в худшем вредны, и в любом случае – огромная трата денег. В духе старинной римской простоты Цицерон утверждал, мол, голод – вот лучшая пряность.

¹⁹⁹ Как объяснял богослов IV века Ефрем Сирий, Адам питался исключительно благоуханными смолами с деревьев Райского сада. (Freedman. Out of the East, 90.)

²⁰⁰ Jean de Joinville. History of Saint Luis in Chronicles of the Crusades, transl. M.R.B. Shaw (Harmondsworth, UK: Penguin, 1963), Жан де Жуанвиль принимал участие в Седьмом крестовом походе; вероятно, много менее привлекательным ему показалось зрелище того, как распухшие чумные трупы его товарищей плыли вниз по Нилу после катастрофической битвы при Эль-Мансуре.

разбегаются, а птицы слетают вниз и уносят мясо к себе в гнезда, которые слишком неустойчивы и под его весом падают вниз. Тогда работники приходят и собирают корицу»²⁰¹.

Циники подозревали арабов в том, что они распространяют всяческие небылицы, лишь бы оправдать высокие цены, но рассказам, подобным вышеприведенному, верили повсеместно. Равно как и давним сообщениям о том, что найти драгоценные камни можно только в осыпающихся расщелинах Индии: поскольку никто не мог туда спуститься, единственным способом добыть камни было бросать вниз большие куски сырого мяса и посылать натасканных птиц подбирать деликатесы с налипшими на них ценностями. В эту выдумку поверил и исламский мир (она встречается в сказках о Синдбаде, мореходе из Басры), она достигла даже Китая. За столетия к расселинам добавились змеи, которые умели убивать одним лишь взглядом. Александр Великий, разумеется, нашел выход: он опустил в расщелину зеркала, в которые змеи засмотрели себя до смерти, хотя, чтобы получить камни, ему все равно пришлось прибегнуть к проверенному способу с птицами и мясом.

Первая фактическая информация о происхождении пряностей достигла Европы в период долгого монгольского мира. Монголы, которым не было дела до веры, гарантировали безопасность путешествий всем, кто прибывал в их обширную империю, и для тех европейцев, кто жаждал приключений, перспектива проникнуть в таинственные области Азии оказалась непреодолимо заманчивой. Первыми двинулись миссионеры²⁰², вскоре за ними последовали купцы²⁰³. Как всегда, впереди были итальянцы, и среди них – молодой венецианец по имени Марко Поло. В 1271 году семнадцатилетний Марко совершил путешествие в Пекин, где стал доверенным посланником монгольского императора Хубилай-хана, а позднее отправился осматривать внушительные владения великого хана. В Венецию он вернулся двадцать четыре года спустя с большим грузом драгоценностей и с еще большим – невероятных историй. Почти доехав до дома, он попал в тюрьму в Генуе, которая воевала с Венецией, и, чтобы разогнать скуку, диктовал собрату по заключению «Книгу о разнообразии мира».

Азия Марко Поло была на удивление лишена «чудовищных народов»: он выплеснул холодную воду на огнеупорную саламандру и преобразил единорога в гораздо менее грациозного носорога. Он – или его сосед по острогу – не устоял перед любимыми легендами: алмазы, как объяснялось в «Книге», поедаются белыми орлами, которых заманивают в населенные змеями расселины сырым мясом, а после индусы выковыривают алмазы из птичьего гуано, но в целом его повествование представляет собой отчет практичного бизнесмена, – вот почему он так поражает при чтении. Китай Марко Поло описывает как мирную и процветающую страну, обладающую большими землями и большими богатствами, царство бесчисленных городов, построенных с колоссальным размахом, поскольку в каждом тысячах мраморных мостов и гавани со множеством плоскодонных судов. Согласно Марко Поло, на расстоянии полутора тысяч миль от Китая (слишком завышенная оценка, которая весьма сильно ободрит генуэзского мореплавателя по имени Христофор Колумб) находилась Япония, крыши дворцов которой были из золота. Поло оказался первым европейцем, сообщив-

²⁰¹ Цитируется по: Freedman. *Out of the East*, 133–134.

²⁰² Так в незапамятные времена сообщал Геродот, и ни у кого на Западе не хватало духу ему возражать. Цитируется по: Andrew Dalby. *Dangerous Tastes: The Story of Spices* (London: British Museum Press, 2000), 37.

²⁰³ В 1253 году монах-францисканец Виллем Рубрук, выехав из Константинополя, проделал путь в 4 тысячи миль через пустыни и степи Центральной Азии и достиг двора великого хана в Каракоруме, где принял участие в удивительных дебатах с участием представителей буддизма, ислама, манихейства и соперничающих христианских конфессий. Хотя Рубруку не удалось никого обратить в христианство, он вдоволь наслаждался национальным монгольским напитком из сброженного кобыльего молока и постарался описать обычаи и культуру монголов. Среди его преемников самым выдающимся был францисканский миссионер Джованни Монтекорвино, прибывший в Пекин в 1294 году. Монтекорвино построил две церкви, обучил литургии служек и хористов из числа китайцев, перевел на монгольский язык Новый завет, обратил в христианство несколько тысяч человек и был возведен в сан архиепископа Пекинского. В 1361 году католичество ушло из Китая вместе с монголами. См.: Peter Jackson, transl. *The Mission of Friar William of Rubruck: His Journey to the Court of the great Khan Monge 1253–1255*, ed. David Morgan (London: Hakluyt Society, 1990).

шим о существовании Японии и Индокитая; также он первым из известных европейцев достиг Индии, он же первым привез сведения о том, что многие ее пряности происходят с островов, лежащих еще дальше на восток, и даже привел их точное число – 7448.

Монголы так и не завоевали Индию, и лишь очень немногие выходцы с Запада добрались туда после Марко Поло. В 1291 году, незадолго до того, как он изумил своим возвращением Венецию, два монаха-миссионера²⁰⁴ посетили Индию по пути в Китай, вскоре за ними последовал бесстрашный доминиканец по имени Иордан де Северак, который большую часть жизни единолично поддерживал существование крошечных христианских общин, созданных его предшественниками. И Иордан, и его собрат-францисканец Одорико ди Порденоне²⁰⁵ записали рассказы о чудесах Индии, которые сильно приукрасили, дабы привлечь новых рекрутов, но и в них тоже содержались свежие сведения. Одорико наконец разъяснил, что перец растет на лианах и высыхает на солнце; он добавил, что по рощам бродят крокодилы, но животные эти пугливые и убегают от малейшего огня. Другой францисканец Джованни Мариньола, отправившийся в 1338 году посланником папы римского в Китай и пятнадцать лет странствовавший по Азии, описал сбор урожая перца и лишил мистического ореола людей со ступнями как зонты – познакомив Запад с зонтом от дождя и солнца.

Изю всех новых откровений брата Одорико наибольшее возбуждение вызвал рассказ о том, что перец в Индии в таком же изобилии, как зерно в Европе; урожаи, предполагал францисканец, растут только на Малабарском берегу²⁰⁶, орошаемом муссонными ливнями на юго-западном побережье Индии, но путнику потребуется восемнадцать дней, чтобы из конца в конец пересечь плантацию. Как раз такие известия разжигали ярость европейцев на разорительные цены за кулинарные добавки. Чем реальнее становилась для Запада Индия, тем больше былое благоговение перед невероятной редкостью пряностей отвергалось ради новых историй об их абсурдном изобилии. Пряности, как начали утверждать полемисты, растут на Востоке повсюду и ничего не стоят, а враги христианского мира измышляют различные байки и манипулируют поставками и ценами.

Для многих чаша терпения переполнилась. Огромные пространства суши, описанные Марко Поло, были неизвестны как античным, так и христианским географам, и его утверждения местами встречали недоверие. Его голос был одним из многих, и другие путешественники продолжали распространять и приукрашивать старые истории, – случалось, даже не выезжая из дома. Фантастические «Путешествия сэра Джона Мандевиля», написанные скорее всего в середине XIV века французским врачом из Льежа, включали все вплоть до псеглавцев, нюхателей яблок и одноглазых великанов и у читающей публики снискали большую популярность, чем трезвый отчет Поло. Вымышленный Мандевиль «объехал» значительную часть Востока, Китая и Индии и даже завернул в горы Райского сада с его бурлящим источником и стеной из огненных мечей. Его проводник убедительно настаивал, что перечные плантации все-таки заселены змеями, хотя этих змей легко прогнать при помощи лимонного сока и улиток. А еще он добавлял, мол, пресвитер Иоанн обрел несметные богат-

²⁰⁴ К 1340 году девятимесячное путешествие из Крыма в Пекин стало настолько обычным явлением, что удостоилось собственного путеводителя. Его автор, флорентийский купец Франческо Пеголотти, заверял читателя, что дорога «совершенно безопасна, будь то днем или ночью», хотя и советовал из предосторожности отпустить длинную бороду. Вдоль описанного маршрута селились итальянские купцы, а вскоре последовали несколько путешественников из других стран Европы. Прибыв к монгольскому двору, один папский посол с удивлением обнаружил там нескольких русских, англичанина, парижского ювелира и французскую похищенную в Венгрии. См.: Pegolotti. *Pratica della Mercatura in Henry Yule and Henri Cordier, transl. and eds. Cathay and the Way Thither, Being a Collection of Medieval Notices of China* (London: Hakluyt Society, 1913–1916), 3:143–171.

²⁰⁵ Это были Джованни Монтекорвино, будущий архиепископ Пекинский, и доминиканец Николай из Пистойи. Джованни более года проповедовал на Коромандельском полуострове в Индии; Николай там умер.

²⁰⁶ Этот монах совершил путешествий едва ли не больше всех прочих европейцев средневековой Европы. Выехав из Константинополя, он направился в Тавриз, затем посетил Багдад и Ормуз, сел на корабль до Индии и посетил Цейлон (Шри-Ланку), после двинулся на Суматру и Яву, а уже оттуда добрался до Китая.

ства благодаря своим обширным перечным лесам и сапфирам и изумрудам, посверкивающим в его реках. Владения пресвитера орошает источник чудесных вкусов и ароматов, исцеляющий любые болезни и сохраняющий всех в возрасте тридцати двух лет, – ровно столько было Иисусу Христу, когда его распяли.

С падением монголов сухопутные пути стали небезопасны и в конечном итоге непроходимы, и любая торговля между двумя континентами практически прекратилась. Манящая понюшка Востока вскоре ушла для Европы в область смутных воспоминаний, и сложнее, чем когда-либо, стало отделить факты от подкрепленных вековыми традициями вымыслов. Однако стало мучительно ясно, что с утверждением турок в Константинополе любая надежда Европы принять участие в торговле пряностями окончательно утрачена. И это были не сетования эпикурейца: сложившаяся ситуация создавала серьезную угрозу для экономики, политических структур и даже для религии Европы. Когда цены взлетели до заоблачных высот, а спрос и не думал снижаться, навязчивое желание сохранять видимость роскоши привело правящие классы – включая несколько королевских дворов – на грань серьезных финансовых затруднений. И хуже того: вероятность, что все богатеющей Восток может постучаться в двери обедневшей Европы, как будто предвещала гибель христианства.

Среди европейских держав при новом порядке вещей наибольшие потери могли понести Венеция и Генуя. Столетиями две морские республики соперничали за контроль над торговлей с Востоком. Один иностранец, посетивший в XV веке Венецию, был поражен, обнаружив, что тут как будто заключает сделки весь свет. «Кто мог бы сосчитать лавки, – изумлялся он, – так хорошо обустроенные и заполненные, что кажутся складами, со множеством тканей всяческого рода – гобеленов, парчи и занавесей разного изготовления, всякого рода ковров, камлотов всякого цвета и текстуры, всевозможных шелков; и великое множество складов, полных пряностей, бакалейных товаров и лекарств и столь прекрасного воска! Все это поражает увидевшего их»²⁰⁷. Богатство обоих городов зиждилось на регулярных поставках предметов роскоши из Азии, а поставки эти иссякали.

Тем не менее когда венецианские советники собрались в недавно отстроенном Дворце дожей, архитектура которого была вдохновлена мечетями, базарами и дворцами Востока, они видели перед собой не катастрофу, а выгодную возможность. У здешних купцов еще сохранялись контакты с контрагентами в странах Востока помимо Османской империи, а поскольку исламский контроль над торговыми путями был практически полным, у остальной Европы было меньше, чем когда-либо, шансов конкурировать с Венецией. Стоящая одной ногой на воде, Венеция всегда лишь непрочной крепилась к Европе: для соседей ее власть имела холодный, жесткий отлив, а вопросы веры зачастую бледнели перед интересами коммерции. «Siamo Veneziani, poi Christiani, – любили говаривать граждане республики. – Сначала венецианцы, потом христиане».

Всего через несколько месяцев после падения Константинополя туда уже вернулись купцы обеих республик, чтобы закупать у османов предметы роскоши и по завышенным ценам продавать затем своим клиентам. Тройственное согласие продлилось недолго: завоевательский взор Мехмеда вскоре обратился на заморские колонии Венеции, и наперекор своим же интересам республика оказалась втянута в собственный крестовый поход. Но для остальной Европы победы османов были лишь одной из многих проблем. Мехмед собирался отвоевать Египет у мамлюков, и египетский султан направил в Италию череду ослепительных посольств в преднамеренной попытке выбросить собратьев-мусульман с рынка. Одна такая делегация прибыла во Флоренцию с многочисленными дарами: смолой бальзамического и стираксового деревьев, мускусом, деревом алоэ, имбирем, муслиновыми тканями,

²⁰⁷ Эта узкая прибрежная равнина на юго-западе Индии между Аравийским морем и Западными Гатами сегодня поделена между штатами Керала и Карнатака.

китайским фарфором, чистокровными арабскими лошадьми и жирафом²⁰⁸. Другая достигла Венеции, и республика вскоре перенесла большую часть своей торговли в древний египетский порт Александрия.

Остальная Европа сочла такое решение сущим скандалом, ведь итальянские купцы сговаривались с мусульманами, чтобы завладеть торговлей пряностями, и делали это за счет собратьев-христиан. Как обычно случается, необходимость подтолкнула искать новых путей и средств: когда мусульмане снова сосредоточились вдоль сухопутных границ Европы, идея достигнуть Востока морем перестала казаться такой уж нелепой.

Эта мысль была все еще настолько радикальной, что мало кто о ней задумывался, но не совершенно новой. Еще в 1291 году, когда последняя твердыня христиан в Святой Земле попала в руки египтян, два брата-генуэзца приступили к осуществлению теоретически самоубийственного плана. Уголино и Вадино Вивальди снарядили две весельные галеры для десятилетнего путешествия и отплыли с намерением достичь Индии, пройдя вокруг Африки. Они прошли на веслах Средиземное море и миновали Геркулесовы столбы, – после о них больше не слышали, но легенды утверждали, что они все-таки обогнули Африку, прежде чем попасть в плен к неожиданно враждебному пресвитеру Иоанну. Никто не будет пытаться повторить их подвиг до тех пор, пока два столетия спустя не поднимет паруса Васко да Гама, но идея, что морская торговля на Востоке ключ к тому, чтобы понемногу подорвать ислам, сделалась догмой и то и дело всплывала в кипах пропаганды, выходящей из-под пера поборников возрождения крестовых походов.

В 1317 году доминиканский миссионер по имени Уильям Адам написал пространную памятную записку некоему кардиналу, приходившемуся племянником папе римскому. Его меморандум был озаглавлен «*De modo Sarracenos extirpandi*» – «Как стереть с лица земли мусульман». Адам провел девять месяцев, разведывая Индийский океан, и рекомендовал заручиться поддержкой монголов Ирана, чтобы при помощи генуэзских галер развернуть морскую блокаду Египта. «Все, что продается в Египте, – объяснял он, – как то перец, имбирь и прочие пряности, золото и драгоценные камни, шелка и те роскошные ткани, окрашиваемые в цвета Индии, и прочие ценности, покупать которые купцы спешат в Александрию и тем самым подвергают себя опасности отлучения от церкви, все это везут в Египет из Индии»²⁰⁹. Если верить Адаму, на монгольской территории уже были построены две генуэзские галеры, которые на веслах спустились по Евфрату в Индийский океан, но соперничающие фракции среди экипажей вскоре обратились друг против друга, и все погибли, не успев отплыть далеко. Семь лет спустя Иордан де Северак, монах-доминиканец, взявшийся основать католическую церковь в Индии, писал своему ордену, вторя призывам Адама послать в Индийский океан корабли, чтобы начать новый крестовый поход против Египта. «Если бы только наш господин, святой отец выслал несколько галер в море, – убеждал он, – какое благо бы это принесло! И какой урон и разрушение султану Александрии!»²¹⁰ Он ненадолго вернулся в Европу, чтобы реализовать свой план, и в 1329 году папа римский послал его в Индию епископом, но если верить слухам, вскоре по возвращении доминиканца забили камнями.

Приблизительно в это же время итальянский государственный деятель Марино Санудо Торселло составил подробнейшее руководство по возрождению крестовых походов²¹¹. К

²⁰⁸ Каноник Пьетро Касола. Цитируется по: Brotton. *The Renaissance Bazaar*, Этот миланский священник посетил Венецию в 1494 году.

²⁰⁹ Там же, 2.

²¹⁰ Цитируется по: C.F.Beckingham. «The Quest for Prester John», in C.F.Beckingham and Bernard Hamilton, eds. *Prester John: The Mongols and the Ten Lost Tribes* (Aldershot, UK: Variorum, 1996), В 1322 г. Адам стал архиепископом Султаннии (совр. Сольтани) и тем самым главой католической церкви в Персии.

²¹¹ Цитируется по: Harry W. Hazard. ed. *A History of the Crusades*, 2nd ed. (Madison: University of Wisconsin Press, 1975),

нему прилагалась подробная, пусть и неточная карта, и оно тоже выступало в пользу блокады с моря. На утрату последнего христианского порта в Святой Земле папство ответило запретом всяческой торговли с исламским миром, но вскоре Рим стал даровать разрешения европейским купцам в обмен на щедрое пожертвование. Санудо убедительно доказывал, что, обменивая богатства Европы на пряности, христианские купцы субсидируют войны ислама с христианскими армиями. Вполне очевидно, подчеркивал Санудо, что одних только военных экспедиций недостаточно для того, чтобы выбить мусульман из Святой Земли. Для этого требуется тотальное эмбарго на торговлю, подкрепленное угрозой отлучения от церкви и галерными патрулями; блокада нанесет турецкому султану смертельный удар, поскольку его богатства проистекают из контроля над торговлей пряностями. Крестоносный флот тогда мог бы подняться по Нилу и завершить дело. Со своей новой базы в Египте рыцари могли бы, заключив союз с монголами, напасть на Палестину и вернуть Иерусалим. Наконец, в Индийском океане был бы создан флот, который контролировал бы по его побережьям население и торговлю. Санудо представлял свой проект двум папам подряд и даже королю Франции, но поскольку план требовал совместных и согласованных действий сварящихся государств Европы, дело закончилось ничем.

Пока истощенные великие державы отметали каждое следующее предложение как очередные полеты фантазии, крошечная Португалия деловито готовилась проложить путь.

На старых *mappe mundi* – картах мира – не было места для Южного полушария. Вопреки расхожему мнению картографы не считали Землю плоской²¹², но просто полагали, что в Антиподах, землях ниже экватора, никто не живет. Сам экватор повсеместно считался кольцом из языков пламени, а поскольку Ноев ковчег пристал к горе Арарат на севере, трудно было себе представить, как люди могли добраться на юг. Кроме того, они оказались бы недоступными для слова Божия, которое, как утверждалось в Новом завете, разошлось по всей земле²¹³.

Когда картина мира пошатнулась и рухнула, картография претерпела революцию. Десятилетиями средневековые карты были причудливым смешением средневекового и современного: основанные наполовину на удивительно точных схематичных рисунках мореплавателей-каботажинов, наполовину полнящиеся черными великанами, поедающими белокожих чужеземцев, или женщинами-рыбами, которых называли сиренами. Когда передовые картографы начали искать более надежные сведения об отдаленных регионах земного шара, они, как это было со многим в эпоху Ренессанса, возвращались к античности.

В 1406 году «География» Птолемея вновь возникла на Западе – в багаже ученого, бежавшего от турок из Константинополя. Птолемей, римлянин, живший в Египте во II веке н. э., был первым географом, давшим подробные инструкции, как представить земной шар на плоскости, он же первым предоставил полный географический справочник каждого известного места на земле. «Географию» быстро перевели на латынь, и вскоре она стала обязательным томом в библиотеке любого уважающего себя светского правителя, клирика или купца. Признаком долгой изоляции Европы было то, что возвращение более чем на тысячу лет вспять стало скачком вперед в знании. Христианские географы полагали, что шесть седьмых земли составляет суша, и воображали себе единый сверхконтинент, окруженный еди-

3: Северак стал впоследствии епископом Квилона (совр. Коллам).

²¹² Тракта Санудо «*Liber secretorum fidelum cruce*» был представлен сначала папе Клименту V в 1309 году, а затем, с поправками, королю Франции Карлу IV в 1323 году. Помимо карт, Санудо приводил уже готовые планы сражений и большое количество сведений по логистике.

²¹³ Представление, что все до Колумба считали землю плоской, выдумка XIX века, распространяемая главным образом в фантастическом сочинении Вашингтона Ирвинга «Жизнь и плаванья Христофора Колумба» (1828). См.: Jeffrey Burton Russell. *Inventing the Earth Flat: Columbus and Modern Historians* (New York: Praeger, 1991).

ным Морем-Океаном. Птолемей распределял свои континенты на прозрачно-голубом фоне, и его карты давали картину поразительного водного мира, где океаны могли привести куда угодно.

То есть куда угодно, но не вокруг южной оконечности Африки. Африка Птолемея не имела конца: ее восточное и западное побережья внезапно поворачивали под прямым углом и тянулись вдоль нижнего края страницы, как хвост горбатого кита. Восточное удлинение заворачивалось, чтобы воссоединиться с длинным, тянущимся на юг отрогом Азии, и превращало Индийский океан в гигантское запертое сушей озеро.

Заново открытая «География» Птолемея радикально изменила представление Европы о земном шаре, но один дерзкий картограф поддался духу времени и рискнул пойти еще дальше. В 1459 году король Альфонсу Португальский заказал новую карту мира прославленному фра Мауро из Венеции. Фра Мауро, содержавший картографическую мастерскую при своем монастыре на острове Мурано, соединил Птолемея и Марко Поло и добавил сведения, полученные от еще более бесстрашного венецианского искателя приключений Никколо де Конти, который, покинув родной дом в 1419 году, выучил арабский язык и фарси, переоделся купцом-мусульманином и двадцать пять лет странствовал по Востоку²¹⁴. На карте фра Мауро Африка обрывалась незадолго до окончания страницы, и из Атлантического в Индийский океан вел узкий пролив²¹⁵. Именно этот дерзкий монах подал заманчивую мысль обогнуть Африку, и все же его сенсационное предвидение было основано на недопонимании.

В Индии Никколо де Конти услышал про заходящие иногда в ее порты огромные китайские плоскодонные суда. У этих гигантских многоярусных кораблей было по пять мачт и колоссальное рулевое колесо, укрепленное на навесном мостике за кормой. Корпусы кораблей имели три слоя обшивки, чтобы выдержать шторма, а трюмы были разделены на несколько отделений, чтобы, даже получив пробоину, корабль все равно оставался на плаву. Внутри находились ряды кабин с запирающимися дверьми и отхожими местами; в садиках на палубах выращивали травы и пряности. Эти плоскодонные суда были несоизмеримо больше любого европейского корабля, а ведь являлись далеко не самыми крупными, что в Китае спускали на воду.

Срединное царство, как удовлетворенно называли свою страну китайцы, столетиями торговало с Индией и Восточной Африкой, но между 1405 и 1433 годами императоры династии Минь устроили поразительный морской спектакль. Семь плавающих посольств объявились в Индийском океане под командованием адмирала Чжен Хэ, дородного евнуха-мусульманина, приходившегося правнуком монгольскому военачальнику. Один только первый флот состоял из 317 кораблей с командой из 27 870 матросов, солдат, купцов, лекарей, астрологов и ремесленников. Во главе его шли 62 девятимачтовых корабля, сконструированных перевозить сокровища. Однако в проявлении показной щедрости, которая совершенно сбила бы с толку европейцев, корабли были построены ради того, чтобы не собирать сокровища, а раздавать их. Заходя в гавани Юго-Восточной Азии, Индии, Аравии и Восточной

²¹⁴ Послание к Римлянам Святого апостола Павла, 10:18.

²¹⁵ История де Конти достойна полного изложения. Венецианец выучил арабский в Сирии и фарси в Иране, а после отправился с мусульманскими купцами в Индию. Там он женился и возил за собой все растущий выводок детей по Индонезии и Индокитаю, Аравии и Восточной Африке. В Каире он, чтобы защитить детей, принял ислам, но почти сразу же чума унесла его жену и двух из четырех детей. Он отправился домой и искал папской аудиенции, чтобы испросить прощения за то, что отрекся от веры; в наказание папа велел ему продиктовать отчет о его странствиях Погго Браччиолини, папскому секретарю и известному гуманисту. Невзирая на иногда встречающиеся фантазии (том числе историю о двух соседствующих островах, один из которых населен исключительно мужчинами, а другой — исключительно женщинами, чьи любовные похождения трагически обрывались, поскольку отсутствовавшие на своем острове более года падали замертво), его повествование подкрепляет одни и проясняет другие сведения Марко Поло, а также является крупным вкладом в свод знаний Европы об Индийском океане. Перевод на английский Джона Уинтера был опубликован в 1875 году и в исправленном варианте см.: Lincoln Davis Hammond, ed. *Travelers in Disguise: Narratives of Eastern Travel by Poggio Bracciolini and Ludovico de Varthema*, (Cambridge, MA: Harvard University Press, 163).

Африки, они извергали огромные количества шелков, фарфора, золотых и серебряных изделий и прочих китайских чудес. Столь устрашающая щедрость возымела желаемый эффект: на протяжении последующих нескольких лет посольства тридцати семи стран поспешили в Пекин воздать дань уважения императору. Но даже Китай не мог себе позволить такую расточительность достаточно длительный период, и в 1435 году Срединное царство добровольно отказалось от своего господства в Индийском океане. За несколько десятилетий его военные и торговые флоты практически сошли на нет – не случись такого, путь Португалии на Восток был бы закрыт окончательно и бесповоротно.

На карте фра Мауро одна подпись содержала примечательное сообщение, что около 1420 года некий плоскодонный корабль обогнул Африку и прошел две тысячи миль на юго-запад – курсом, который должен был завести его глубоко в воды ледяной Южной Атлантики²¹⁶. Фра Мауро приписывал сведения «надежному источнику», которым скорее всего был его соотечественник, венецианец Николло де Конти. Однако де Конти отправился в свои странствия всего за год до того, как предположительно совершило свое путешествие это плоскодонное судно, и если он о нем мельком узнал, то скорее всего из вторых рук. Фра Мауро этим не ограничился: страшный шторм, добавлял он, загнал его информатора на две тысячи миль на запад-юго-запад от Африки. Однако в собственном рассказе де Конти о его путешествиях лишь упоминается, что его сбило с курса, когда он переплывал в Африку на арабском корабле. Поскольку кое-что в путешествии к южной оконечности Африки, как его излагает фра Мауро, очень напоминает рельеф восточноафриканского побережья гораздо дальше к северу²¹⁷, самым вероятным объяснением было бы предположить, что картограф подстроил полученные сведения под собственную гипотезу, – и возможно, сделал это, чтобы доставить удовольствие своему португальскому заказчику.

На столь слабом основании зиждилась все растущая убежденность, что Индийский океан все-таки связан с Атлантическим. Идея была не нова, но ее время пришло.

²¹⁶ Монах-картограф также рискнул переместить Иерусалим из обычного для него центра карты – шаг столь радикальный, что ему пришлось прибегнуть к хитроумным доводам в свою защиту. «Иерусалим действительно центр населенного мира по широте, а по долготе он несколько западнее, – осторожно надписал он на своей карте, – а поскольку западная часть более густо населена по причине Европы, Иерусалим, следовательно, центр и по долготе, если учитывать не пустое пространство, а плотность населенности». См.: Piero Falchetta. *Fra Mauro's World Map* (Turnhout, Belgium: Brepols, 2006).

²¹⁷ На самом деле подпись на карте гласит «индийский корабль или плоскодонное судно», что наводит на мысль, что, возможно, это были вовсе не китайцы. Невзирая на двусмысленность, замечание фра Мауро воспринималось как серьезное доказательство того, что китайцы разведывали Атлантический океан и могли достичь Южной Америки раньше испанцев или португальцев.

Глава 6

Соперники

В 1475 году сорокатрехлетний король Альфонсу Португальский женился на своей тринадцатилетней племяннице Хуане Кастильской. Этот брак был заключен вовсе не по любви.

Мать Хуаны – сестра Альфонсу – была замужем за королем Энрике IV Кастильским, прозванным Бессильным, а отцом Хуаны повсеместно считался гранд по имени Бельтран де ла Куэва, и этот скандал до конца жизни навязал ей прозвище Ла Бельтранеха ²¹⁸. Значительная часть испанской аристократии воспротивилась самой мысли, что их королевой станет Ла Бельтранеха ²¹⁹, и переметнулась на сторону сводной сестры Энрике Изабеллы. В семнадцать лет Изабелла, никого не спросив, сбежала и сочеталась браком со своим кузеном Фердинандом, наследником короны Арагона, но у нее-то по меньшей мере кровь была чисто-голубая. Когда в 1474 году умер Энрике IV, одна фракция провозгласила королевой Кастилии Хуану, другая – Изабеллу. Сторонники Хуаны поспешно устроили ей брак с ее собственным дядей, и Альфонсу провозгласил себя законным королем Кастилии.

Между соседствующими странами разразилась война, которая скоро перекинулась на Атлантику ²²⁰. Кастильцы посылали флотилии грабить африканское побережье, чем они и так занимались исподтишка уже несколько лет. Португальские боевые корабли быстро с ними расправлялись, но военные маневры Альфонсу на суше вскоре угасли среди необычайно холодной испанской зимы, а коалиция Хуаны развалилась, когда папа римский, первоначально поддерживавший ее притязания, перешел на другую сторону и аннулировал ее брак. Хуана удалилась в монастырь, а Альфонсу, впав в глубокую депрессию, написал своему сыну Жуану, мол, отрекается от трона в его пользу и начал планировать паломничество в Святую Землю. Жуан пробыл королем не более недели, когда его отец, который вдруг передумал, вернулся домой, и официальное вступление на трон Жуана было отсрочено на два года – до смерти Альфонсу в 1481 году.

Если Альфонсу воплощал одну сторону характера своего дяди Энрике, его крестоносный пыл и любовь к традициям рыцарства, то король Жуан II оказался апофеозом другой его стороны. Он был образчиком современного правителя макиавеллиевского толка: побуждаемый большими амбициями, непонятными людям среднего ума, и не слишком привередливый в том, как они будут осуществлены. Столь же умный, сколь и беспощадный, он станет известен как Жуан Совершенный, хотя его жертвы окрестили его Жуаном Тираном. Среди последних было немало видных аристократов, приобретших обширные привилегии за счет короны. Когда двадцатилетний король обнаружил, что его сундуки практически пусты, то, не теряя времени, урезал эти привилегии. Возмущенные аристократы планировали переворот, но покатались их собственные головы.

За год до начала военной кампании против Кастилии корона после краткого заигрывания с частными концессиями вернула себе контроль над освоением новых территорий. Торговля с Африкой теперь обещала реальные прибыли, и молодой король быстро принял меры, чтобы укрепить свою морскую империю. Лиссабон полнился звоном кузнечных молотов в руках африканских рабов, трудившихся в кузнях, выковывая якоря, изготавливая оружие

²¹⁸ В португальском варианте ее имя звучит как Жуана Бельтранежа. – *Примеч. пер.*

²¹⁹ Учитывая топографические детали, которые фра Мауро рисует в прибрежной полосе, регион, который он называет самой южной оконечностью континента, может быть Мысом Африки (мыс Агульяс); с другой стороны, возле южной оконечности Африки он поместил большой остров, а потому равно возможно, что пролив, который он нарисовал текущим вокруг Африки, на самом деле Мозамбикский пролив, а остров – Мадагаскар.

²²⁰ Позиции Бельтранехи еще более навредил тот факт, что позднее ее мать родила еще двоих детей от племянника епископа – вопиющее свидетельство плодовитости, заставившее в конечном итоге короля Энрике с ней развестись.

и боеприпасы. Жуан приказал своим инженерам повысить прицельную точность и дальность бойности примитивных пушек, какими оснащались корабли, и недавно появившиеся, более крупные модели орудий с большими затратами закупались в Германии и Фландрии. Еще король взялся за решение проблемы, терзавший флотилии с тех самых пор, как они приблизились к экватору: исчезновение Полярной звезды, реперной точки, относительно которой португальские навигаторы приучились определять широту, когда находились в море. Жуан погрузился в науку космографии и собрал комиссию экспертов. Возглавляли ее Авраам Закуто и Жозе Визиньо²²¹, два еврейских математика и астронома, которые взялись усовершенствовать примитивные навигационные инструменты и составлять таблицы, которые позволили бы морякам рассчитывать широту по солнцу.

Из Лиссабона в Африку регулярно отплывали флотилии, перевозившие материалы и рабочих для строительства фортов вдоль побережья – первых звеньев в костяке империи. Другие корабли продвигались все дальше на юг. В 1483 году мореплаватель Диогу Кан достиг устья реки Конго и установил первые «padroes» или падраны – каменные колонны с крестом на вершине, на которых были высечены герб Португалии, дата и имена короля и капитана, – отныне такие падраны будут отмечать все расширяющиеся пределы португальских территорий. «В году 6681 от сотворения мира и в году 1482 от Рождества Господа нашего Иисуса Христа, – гласила надпись на второй воздвигнутой Диогу Каном колонне, – высочайший, превосходнейший и могущественный правитель король Жуан Второй Португальский приказал открыть сию землю и поставить сии колонны Диогу Кану, слуге его королевства»²²². По возвращении Кану был пожалован дворянский титул, и он отплыл снова. В 1486 году он достиг скалистого мыса Кейп-Кросс в Намибии, пустынного, если не считать огромной колонии ушастых тюленей, и, возможно, бухты Алгоа, глубокой гавани, защищенной песчаной косой, которая окажется важным перевалочным пунктом на пути дальше на юг. Алгоа находилась в каких-то пятистах милях от южной оконечности Африки, но Кану не суждено было войти в историю: он умер на пути домой, пытаясь разведать реку Конго²²³.

Жуан II не менее своих предшественников стремился привить Гвинее христианство, не в последнюю очередь потому, что крещение обеспечивало большую надежность союзников. Добровольно христианство принимали единицы: африканцев либо привозили в Португалию в качестве заложников, наставляли в вере и отправляли назад послами, либо с ними обращались как со знаменитостями – как в рамках португальского двора, так и на международном уровне. Один свергнутый сенегальский князек по имени Бемои произвел большой фурор в Лиссабоне, когда прибыл в Португалию, чтобы напомнить королю о его обещании вернуть ему законный трон, если он примет христианство. Бемои было сорок лет, он был высок, силен и красив – с бородой патриарха и величественной манерой говорить, и король

²²¹ Война за кастильский престол тянулась с 1475 по 1479 год, в 1479 году страны заключили договор в Алкасове (Эльваше). По условиям договора не только трон передавался Изабелле, но и – хотя бы на время – упорядочивались взаимные претензии Испании и Португалии в Атлантическом океане. Португалии пришлось признать контроль Испании над Канарскими островами; Испания же подтвердила права Португалии на Азорские острова, Мадейру и острова Зеленого Мыса, равно как и ее исключительные права на «земли, уже открытые или которые предстоит открыть от Канарских островов к югу до Гвинеи». Frances Gardiner Davenport, ed. *European Treaties Bearing on the History of the United States and Its Dependencies to 1648* (Washington, DC: Carnegie Institution of Washington, 1917), 44.

²²² Закуто был известным преподавателем математики в Испании до 1492 года, когда был вынужден бежать во время исхода евреев в Португалию, где стал придворным астрономом Жуана II. Через пять лет после приезда он избежал насильственного обращения при Мануэле I и переехал в Тунис, а оттуда – в Иерусалим. Он не только составил астрономические таблицы, впоследствии усовершенствованные его учеником Жозе Визиньо для практического применения на море, но также сконструировал первую металлическую астролябию и был влиятельным поборником экспедиции Васко да Гамы. Жозе Визиньо прибыл в Португалию вскоре после восшествия на престол Жуана II в 1481 году. В 1485 году он отправился в плавание, чтобы провести эксперименты по исчислению широты местонахождения корабля. Согласно хронисту Жуану де Баррушу, в комиссию входили также королевский лейб-медик Родриго и немецкий картограф и астроном Мартин Бехейм, живший в Лиссабоне с 1480 года.

²²³ Цитируется по: Edgar Prestage. *The Portuguese Pioneers* (London: A. & C. Black, 1933), 208.

и португальский двор приняли его с большими почестями. Он крестился вместе с двадцатью четырьмя своими спутниками в ходе длительных празднеств, которые с португальской стороны включали рыцарские турниры, бои быков, театральные фарсы и вечерние пиры, а со стороны гостей – поразительные чудеса вольтижировки. В обратный путь с ним отправились двадцать боевых кораблей и большой контингент солдат, строителей и священников, но, к ярости Жуана, адмирал флота поддался паранойе и, решив, что африканец замыслил измену, по пути заколол его насмерть.

Даже без подобных опрометчивых поступков дело крещения продвигалось мучительно медленно ²²⁴. Но внезапно, когда агенты Португалии продвинулись еще дальше внутрь Гвинеи, из глубин Африки всплыли поразительные сведения.

Пришли известия от пресвитера Иоанна.

В 1486 году в Лиссабон вернулся посланник в сопровождении посла от короля Бенина. Он заявил, что в двадцатидневном переходе от побережья обитает монарх по имени Оганэ, которого подданные почитают так, как католики – папу римского. Многие африканские цари приезжают к нему, чтобы короноваться медным шлемом, посохом и крестом, но видеть его персону нельзя – он лишь милостиво протягивает из-за шелкового занавеса стопу для поцелуя.

Королевские ученые засели за карты и пришли к выводу, что ровно двадцать лун требуется для пешего перехода из Бенина в Эфиопию. Легенда манила, и открытия разом совершили рывок вперед.

Жуан выбрал двоякий подход в попытках отыскать пресвитера Иоанна и совместно попытаться достичь Индии: он станет отправлять все больше морских экспедиций и одновременно подстегнет поиски надежных сведений на суше.

Единственным способом отделить факты от слухов было послать в сердце Востока собственных агентов.

Первая попытка короля Жуана послать агентов на поиски пресвитера Иоанна не слишком обнадеживала. Двое добрались не дальше Иерусалима, где их предупредили, что без знания арабского языка они долго не протянут, и они повернули назад.

Посоветовавшись, король подыскал более обещающую пару ²²⁵. Перу да Ковильян ²²⁶, сорока лет от роду и старший из двоих, вырос среди гранитных утесов и ущелий Серра-да-Эстрелла в сердце Португалии. Пронырливым мальчишкой он нахальством втерся на службу к одному кастильскому гранду (не в последнюю очередь потому, что на патрицианский лад назвал себя по месту своего рождения) и оказался весьма полезным клинком в бесконечных стычках плаща и кинжала между испанскими кавалерами. По возвращении из Кастилии он был принят на службу к королю Альфонсу, сперва в роли лакея, позднее – оружие-

²²⁴ Много лет спустя резной камень с выбитым на нем именем Кана был обнаружен на берегу реки Конго (которую португальцы окрестили Заир). Однако де Барруш утверждает, что Кан вернулся в Португалию, а другие источники – что он умер у мыса Кейп-Кросс. См.: Edgar Prestage. *The Portuguese Pioneers*, 210.

²²⁵ Число обращенных несколько возросло с принятием христианства в 1491 году царем Конго, самого крупного правителя западной Центральной Африки. Этот царь по имени Нзига Нкуву взял при крещении имя Иоанн. Хотя и он, и многие его придворные вскоре вернулись к своей традиционной вере, его сын и наследник Альфонсу победил своего вернувшегося к язычеству брата силой португальского оружия и, как он утверждал, своевременного явления Святого Иакова. Потомки Альфонсу внедрили католическую церковь ценой напряженности в отношениях с Португалией и большого урона для традиционной культуры Конго.

²²⁶ Самый полный отчет о миссии да Ковильяна и де Пайвы все еще представляет собой тот, что приводится в: Conde de Ficalho. *Viagens de Pedro da Covilha* (Lisbon: A.M.Pereira, 1898). Отчет священника, обнаружившего да Ковильяна в Эфиопии, приводится в: Francisco Alvares. *Narrative of the Portuguese Embassy to Abyssinia During the Years 1520–1527*, transl. and ed. Lord Stanley of Alderley (London: Hakluyt Society, 1881); исправленное издание C.F. Beckingham and G.W.B. Huntingford было опубликовано в 1961 году. Португальские хроники приводят дополнительные подробности, и для создания фона путешествия я пользовался отчетами путешественников, ближайших современников да Ковильяна.

носца. После смерти отца король Жуан взял его к себе и послал шпионить за португальскими аристократами, бежавшими от его палачей в Кастилию: поставленные им сведения стоили голов по меньшей мере двум высокопоставленным мятежникам. Позднее Жуан отправил да Ковильяна в Марокко и Алжир вырабатывать условия мирных договоров с берберскими царями Феса и Тлемсена, и этот надежный посланник вскоре выучил арабский и перенял обычаи мусульман. Находчивый и отважный, обладающий феноменальной памятью и умеющий принимать практически любую личину, он был идеальным кандидатом для опасной миссии. В спутники ему выбрали Афонсу де Пайву, отпрыска уважаемого семейства той же крепкой закваски горцев, что и Перу да Ковильян ²²⁷. Афонсу был оруженосцем в свите короля, доказал свою преданность в войнах с Испанией, а еще говорил по-арабски.

²²⁷ Иногда указываются имена Педру (архаичной формой которого является Перу), Жуан, Жуан Перу или Жуан Педру; существуют и несколько вариантов написания фамилии этого искателя приключений: да Ковильян, де Ковильян, де Ковилья или де Кавильян. Забавное совпадение, что индийское посольство в Лиссабоне сегодня расположено по адресу на улице Перу да Ковильян.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.